

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:
Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Л.Р. Цігарэнка
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 2 / 2016

У адпаведнасці з Загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі
Рэспублікі Беларусь № 84 ад 31.03.2016 г. часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія.
Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі
Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навук

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б.М. Ностальгия по философии	5
Можейко М.А. Человек и язык в социальном пространстве постмодерна: феномен семиотизации бытия	11
Беляева Е.В. Параметры морального дискурса	20
Климович А.В. Особенности интерпретации понятия «абсолютное» в философии всеединства	27
Люкевіч У.П. Актуалізацыя сацыяльна-філасофскіх даследаванняў у навуцы пра спорт у XX стагоддзі	34
Павочка С.Г. Общество, политика, культура в историософской концепции евразийства	42
Шатерник М.Г. Философский подход к исследованию морального дискурса	54
Можейко В.А. Практика использования мягкой силы как инструмент сохранения культурной идентичности в условиях глобализации	62
Громова О.В. Свобода и одиночество как ключевые концепты в экзистенциальной антропологии Ж.-П. Сартра	70
Столяров Д.В. Анализ гендерной проблематики романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» посредством психоаналитической парадигмы Карен Хорни	77

ПАЛІТАЛОГІЯ

Ватыль В.Н. Политическое регулирование современных интеграционных процессов: теоретико-методологические модулы осмысления	86
Лысюк А.И., Соколовская М.Г. Идеи Конфуция и проблемы социальной модернизации современного общества	94
Антанович Н.А. Теоретико-методологические подходы к анализу государственного и политического управления	103
Плащинский А.А. Проектирование парадигмы нового мирового порядка: к поиску национальной идеи	112
Бровка Г.М. Стратегия инновационной безопасности государств ЕАЭС	118
Северин Э.Н. Интернационализация прав человека в политической науке	123
Сидор В.В. Современные экспертные центры урбанистики	131
Широков Е.Ю. Православно-католические отношения как фактор развития семейной политики Русской православной церкви (на примере Российской Федерации)	140

САЦЫЯЛОГІЯ

Котляров И.В., Хамдан Алаа Дин. Феномен лидерства в белорусском и сирийском обществах: социологическое измерение	146
Кавецкий С.Т. Глобальная нестабильность как проявление аномичности в развитии современного мира	152

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S.A. Marzan

International Board:

M.M. Gromov (Russia)

A.N. Kryglashov (Ukraine)

Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:

G.I. Zaimist

(managing editor)

P.A. Vadapyanav

V.M. Vatyl

A.N. Grigorovich

C.S. Kirvel

P.P. Krus

B.M. Lyapeshka

S.V. Reshetnikov

D.G. Rotman

E.Y. Skakun

V.A. Stepanovich

L.R. Tsitarenka

Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:

224665, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution

«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2016

According to the order of Supreme Certification Commission
of the Republic of Belarus № 84 from March 31, 2016, the journal
«Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology»
was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus
for publication of the results of scientific research
in philosophical political and social sciences

CONTENTS

PHILOSOPHY

Lepeshko B.M. Nostalgia for the Philosophy	5
Mojeiko M.A. Man and Language in the Postmodern Social Space: the Phenomenon of the Semiotization of Being...	11
Belyaeva E.V. Parameters of Moral Discourse	20
Klimovich A.V. Peculiarities of Interpreting the Concept of «Absolute» in the Philosophy of Unity.....	27
Lukievic U.P. Updating of the Social Philosophical Research in Sport Science in the 20th Century	34
Pavochka S.G. Society, Politics, Culture in Eurasian Historiosophical Conception	42
Shatsernik M.G. The Philosophical Approach to the Study of Moral Discourse.....	54
Mojeiko V.A. The Practice of Using of Soft Power as a Tool for Preservation of Cultural Identity in the Conditions of Globalization	62
Gromova O.V. Freedom and Loneliness as the Main Concepts in Existential Anthropology of J.-P. Sartre	70
Stolyarov D.V. Analysis of Gender Relations in the Novel by L.N. Tolstoy's «Anna Karenina» with Karen Horney Psychoanalytic Paradigm.....	77

POLITOLOGY

Vatyl V.N. Globalization and Modern Integration Processes: Theoretical and Methodological Modes of Thinking	86
Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Ideas of Confucius and the Problems of Social Modernization of Contemporary Society.....	94
Antanovich N.A. Theoretical and Methodological Approaches to Public Administration	103
Plashchinsky A.A. Projecting the New World Order Paradigm: in Search of a National Idea.....	112
Brovka G.M. Strategy of Innovation Security of EAEC States	118
Severin E.N. Internationalization of Human Rights in Political Science	123
Sidor V.V. Contemporary Urban Think Tanks	131
Shirokov E.Yu. Orthodox-Catholic Relations as a Factor of the Development of Russian Orthodox Church's Family Policy (on the Example of the Russian Federation)	140

SOCIOLOGY

Kotlyarov I.V., Hamdan Alaa Din. Leadership Phenomenon in Belarusian and Syrian Societies: Sociological Measument	146
Kavetski S.T. Global Instability as a Manifestation of Anomy in Today's Global Development	152

ФІЛАСОФІЯ

УДК 101.1 : 930.1

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

НОСТАЛЬГИЯ ПО ФИЛОСОФИИ

В статье ставится вопрос о возможности «ренессансного» мышления по отношению к классическим формам философского знания. Анализируются некоторые аспекты современного состояния философской науки в историческом, мировоззренческом, теоретико-познавательном аспектах. Рассматриваются возможности формирования классического типа философствования на основе современных достижений гуманитарной мысли в целом.

О ностальгии по философии говорить можно – предварительно – в трёх аспектах. Первый связан с эпохой, нашим отношением к ценностям. Здесь сегодня господствует прагматизм, призывы к креативности, стремление достичь практических результатов. На этом фоне вопросы метафизики не просто теряют актуальность – они не востребованы обществом, достаточно чутко реагирующем на ту или иную систему приоритетов. Нам известны многочисленные заявления сильных мира сего, в которых лейтмотивом звучит одна мысль: «Наука тогда чего-либо стоит, когда у неё есть практическая составляющая». Здесь, конечно, возникает масса вопросов, поскольку с ходу отыскать «практическую составляющую» у того же Сократа, А. Камю или М. Хайдеггера достаточно сложно. Однако потребность в людях масштаба Конфуция или Аристотеля ощущается столь же явственно, как это было сотни, тысячи лет тому назад. Поэтому и возникает ностальгия по мудрецам, специалистам в сфере метафизики, которые не просто «сидят в бочке», а пытаются предложить людям, обществу некие новые максимы жизни, социального и личного поведения.

Второй аспект связан собственно с развитием философского знания, общеизвестной популярностью тех теоретических концепций (парадигм знания), в которых осуществлён поворот от классических форм мышления к формам неклассическим и постнеклассическим. Нельзя сказать, что имеет место «ностальгия по классике», поскольку многие представители неклассических точек зрения как раз подчёркивают сугубую рациональность своих теорий, в целом дистанцируясь от иррациональных подходов и подчёркивая преимущество с классическими умпостроениями. Ностальгия имеет место, скорее, по ясному и недвусмысленному определению истины, такому определению, в котором глубина и прозрачность выражения несколько не противоречат их многообразным интерпретациям. Наиболее ярко в последнее время эту точку зрения выразил Ю. Хабермас, призывающий «отказаться от поиска абсолютных истин и больше не стремиться обосновывать сущность или природу вещей. Мы должны заменить поиски истины и стремление к познанию риторической практикой, которая ориентирована не столько на избыточные идеи, сколько на ощутимые последствия мысли. Только если ясно видна бесполезность онтологического различения между сущностью и явлением, бессмысленность эпистемологического различения между бытием и кажимостью, избыточность семантического различения между истинным и ложным, только тогда философская работа может ориентироваться на такие практические цели, как «повышение производительности» и «толерантность» [1, с. 15–16]. А если всё же существует ностальгия по «абсолютным истинам»? Скажем, таким, которые П. Сорокин определял термином «идеациональное»? Смысл «идеационального» прост: это такие формы общежития, такие общественные идеалы, такие нормы, которые устанавливаются Абсолютом.

Именно на этом основании нормы идеационального закона, например, «не направлены на увеличение чувственного счастья, удовольствия или полезности. Их нужно беспрекословно выполнять, как заповеди всеведущего и сверхсправедливого Абсолюта» [2, с. 495]. Речь в данном случае не об оценке конкретных тезисов крупнейшего русского мыслителя, а о принципе – важности абсолютных истин.

Почти вся национальная философская традиция основывалась на поиске таких принципов. Здесь и Вечная Женственность, и Богочеловечество, и абсолютная идея (в духе развития известных идей немецкой философии), свобода, и религиозный компонент в виде «новой морали», и даже «бородатые Венеры древности» как прообраз доминирующего сексуального фактора («материнского»), основного в рамках развития социума. Почему имеет смысл обратить на это внимание? Да просто потому, что дезавуирование абсолютных истин (всё равно, как их определить и каких именно) означает утрату фундамента существования человека, утрату тех оснований личного существования, которые и придают жизни смысл. Даже если это абсурд, как у А. Камю. Очевидно, выход не в том, чтобы найти нечто фундаментальное «за пределами» человека, сколько в самом факте существования таких явлений.

Если попробовать «приземлить» это положение применительно к характеру и сущности развития белорусского социума, то обнаружим, что черты национального характера не проявляются и не закрепляются в форме моральных, философских максим самопроизвольно, сами по себе. Например, известная толерантность есть следствие не только многовекового давления на общество, уничтожения национальных пассионарных личностей, но и существования достаточно определённых представлений о должном, закреплённых на уровне религиозного, прежде всего, сознания. Категория «толерантность» – это ведь не только ментальная характеристика, это базовое положение при попытке осмыслить себя, своё место в мире. Причём что здесь «во-первых», а что «во-вторых», вопрос спорный, точнее, диалектический. Вообще говоря, одна из причин, связанных с достаточно противоречивым развитием белорусского общества, как раз и заключается в том, что базовые принципы существования если и имели место, то в виде либо религиозных, либо нравственных идеалов. Между тем всегда ощущалась потребность в формировании идеалов правового характера и, главное, характера философского. Ведь нельзя же принять за такой базовый философский принцип, например, категорию «промежуточность», которую достаточно активно «продвигают» некоторые белорусские специалисты. Дескать, наша географическая, цивилизационная «промежуточность» может и должна быть философским основанием национального развития. По этому поводу неоднократно приходилось высказывать свою точку зрения [3], здесь же отметим, что «промежуточности» явно недостаточно для понимания всей системы базовых национальных идей.

Третий аспект связан с разочарованием в метафизике, и здесь всё сложилось вместе. И кризис господствующей в обществе марксистско-ленинской философии, действительно (при всех её достоинствах) содержащей тормозящие догматические характеристики. И формирование новой парадигмы знания, связанной с движением в процессе мышления и познания от классических схем к схемам неклассическим. И неудовлетворённость бытовавшими методологическими позициями, и непонимание эвристических возможностей тех новаций, которые связаны с феноменологическим знанием, прежде всего, а также достижениями лингвистики, семиотики, герменевтики и иных отраслей знания. Главное же здесь заключается в том, что за последние десятилетия так и не произошёл поворот от новых методологических конструкций, неклассических и постнеклассических по своему характеру к практике исследовательских работ. Т.е. формирование концептуального знания не сопровождалось (или сопровождалось в незначительной, недостаточной степени) развитием прикладных, эмпирических исследований на ос-

нове новых теоретических конструкций. Это касается правовых исследований, исторических, да, собственно, речь идёт обо всём спектре гуманитарных наук. В этих условиях философское знание оказалось в русле абстрактных, по своей сути «отрицательных» формулировок, а вот «позитивного» инструментария гносеологического процесса предложено не было. В целом надо отметить, что недостатки развития отечественного философского знания заключаются, в частности, в том, что «новое слово» связывается, как правило, либо с заимствованием западных теоретических новаций, либо поиском оснований в отечественной истории мысли. Но на самом деле, недостатки заключаются в том, что отсутствуют оригинальные отечественные философские концепции, которые можно было бы поставить в заслугу именно национальным представителям философского знания. Нужны концептуальные идеи, а не «критика» и не поиски того, что существует в очень ограниченном виде и формах.

Но может быть, и нет никакой необходимости в «ностальгии по философии», если под этой ностальгией понимать ясные и недвусмысленные положения (философски ясные и недвусмысленные), имеющие исторические, ментальные основания в жизни любого народа? Может, действительно сегодня речь идёт и может идти исключительно об «освобождении мышления личности», «интерпретационной альтернативности», «множественности истин» и т.д., в рамках которых человек чувствует себя комфортно? А все призывы (пусть в форме ностальгии) к классическим вариантам мышления и познания, не имеют под собой ничего ценного, ни в теоретическом, ни в практическом плане? Представляется, что это не так.

Крупнейший психолог современности Л. Выготский, оценивая труды и методологию В. Дильтея, в частности, его призывы к «вживанию» для понимания тех или иных аспектов развития гуманитарного знания, обронил такую фразу: «Нарисованную корову доить нельзя» [4, с. 427]. Речь шла о том, что «традиционному» учёному с его набором классических эмпирических методов в эвристическом поле «вживания» делать нечего. Он же, рассматривая специфику феноменологического метода, с его поисками «идеальной» сущности писал так: «Гуссерль за исходную точку берёт положение, что в психике разница между явлением и бытием уничтожена: стоит только допустить это, и мы с логической неизбежностью приходим к феноменологии, ибо тогда оказывается, что в психике нет разницы между тем, что кажется, и тем, что есть. То, что кажется, – явление, феномен – и есть истинная сущность. Нам остаётся только констатировать эту сущность, усматривать, различать и систематизировать. Но науке в эмпирическом смысле здесь делать нечего» [4, с. 141]. Это – психология. Если далее обратиться, скажем, к праву, то здесь примеры, в которых крупные учёные очень резко характеризуют возможности современного неклассического правоведения, исчисляются десятками. Вот, И.Ю. Козлихин пишет статью, которая своим двусмысленным названием говорит сама за себя: «О нетрадиционных подходах к праву» [5]. А Ю.И. Гревцов и Е.Б. Хохлов публикуют материал под симптоматическим названием «О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении» [6]. Не цитируя критических замечаний, очень острых, по сути, отметим главное. Во-первых, ностальгия по классическим формулировкам – это достаточно мощное направление в современном гуманитарном знании. И во-вторых, речь ведь не идёт о дезавуировании неклассического, в частности, знания. Речь идёт о важности развития (совершенствования) именно классических схем как в сфере эпистемологии, так и мышления в целом. Подчеркнём: не о жёстком возвращении к стандартам классицизма ведётся речь, а о развитии классического знания на современном этапе. Здесь ключевое слово – развитие. Что же касается поисков феноменологической сущности любого анализируемого явления, то это важная и объективно необходимая работа; весь вопрос лишь в том, как же её обнаружить, эту сущность? Например, в праве речь идёт о том, что необходимо не «определять» явления, термины,

а «описывать» их с точки зрения поиска «эйдоса права», «чистой» сущности права, свободной от догматического влияния исторических, психологических, социальных и иных явлений. Споры нет, очень важная и интересная цель. Но «описать» эту сущность, насколько известно, в приемлемых формах до сих пор не удалось.

Но ностальгия по философии – это не только вопросы гносеологии, это и вопросы логики; кроме того здесь чрезвычайно актуальны проблемы социального характера. Если вести разговор о логике, то чрезвычайно важно «не потерять» (в ходе развития неклассического и постнеклассического знания) достижений формальной логики, аристотелевской силлогистики. Основная проблема здесь заключается в том, что место логики в ряде случаев занимает интуиция, а рациональный способ познания очень часто оказывается под вопросом. Так, например, известные Санкт-Петербургские юристы, А.В. Поляков и Е.В. Тимошина в работе «Общая теория права» по этому поводу делают такое замечание: «Феноменологический метод состоит не в построении умозаключений и формулировании понятий, что было свойственно классическому рационализму, а в интуитивном, интеллектуально умозрительном усмотрении, созерцании сущности (эйдоса) явления и описании его смыслообразующей структуры» [7, с. 52]. Правда, комментария относительно механизма «усмотрения эйдоса», сущности интуиции в праве в тексте работы нет. Приведём ещё одну важную цитату из работы этих же авторов: «Все попытки отыскания критерия “правового” исключительно в сфере рационального, чуть ли не математического знания не приведут к успеху просто потому, что природа “правового” не является исключительно рациональной. “Правовое” при таком рационализированном подходе фатальным образом исчезает. Возможно, поэтому рациональные критерии при практической их проверке раскрываются как критерии оценочные, т.е. идеологические, и проблема переходит на тот уровень, когда она уже вообще не является научной проблемой» [7, с. 449–450]. Здесь для нас важен следующий аспект: с одной стороны, сторонники данного теоретического подхода утверждают сугубую «рациональность» умпостроений как методологического, так и практического характера. Со стороны другой, роль «рациональности» фактически сводится на нет в ходе «фатального» исчезновения «правового» из сферы рационального знания.

Рассматривая важность процесса осмысления правовой действительности в форме именно формально-логической, выдающийся русский мыслитель И. Ильин отмечал, что «совсем не случайно люди стали облекать правовые правила поведения в форму логических тезисов и записывать их. Живя совместно, люди обращаются к созданию мысленных правовых тезисов и формул для того, чтобы сохранить, повторить и распространить единожды обретенное “верное” решение спора или конфликта, закрепить найденный верный способ поведения: “пусть будет то же самое во всех одинаковых случаях”» [8, с. 28]. Ведь именно мысль обладает способностью фиксировать, закреплять и сохранять своё содержание, доводя его до максимальной ясности и определённости и сообщая ему внутреннюю непротиворечивость. Только благодаря этому право с успехом может разрешать такие задачи, как сохранение и накопление, уяснение и упрощение правил построения жизни, «дисциплинирование инстинктивных порывов и произвольных посяганий силой разумной тождественности». И.А. Ильин полагал, что право принимает форму «объективного смысла» для того, чтобы внести в общественную жизнь начало разумного, мирного и справедливого порядка. И тот, кто в качестве последовательного субъективиста не усматривает в праве объективного смысла и сводит всё к более или менее неустойчивым субъективным «концепциям» и «толкованиям», тот отрицает эту миссию права и содействует её неудаче.

Но столь же важно и обращение к социальному характеру и соответствующей функции философии. Здесь хотелось бы обратить внимание на следующие важные моменты. Первое: философия (при всей своей абстрактности) достаточно определён

ставит вопрос о сути целеполагания в обществе и формах, методах достижения общественно значимых целей. Философия может пропагандировать и призывать к созерцательности, а может призывать учиться и учить других, реализуя просвещенческие идеалы. Философия может нацеливать на изменение мира, с тем чтобы ушли в прошлое те родовые недостатки человечества, которые преследуют его, как заразные болезни. По словам К. Маркса, необходимо не просто объяснять мир, надо его изменить. Философия, далее, вообще может сформулировать такие цели, преследуя которые человек, личность самоустранится от социума, решая исключительно личные задачи. Словом, вариантов много, и кто осмелится сказать, что обществу всё равно, какие цели будут выглядеть приоритетными? Если же мы в этом контексте поставим вопрос о характере философского осмысления белорусской национальной истории, современного этапа развития общества и его ближайших перспективах, то легко убедимся, что работ концептуального характера, которые бы ставили такие задачи и пытались дать варианты их решения, крайне недостаточно. Это одна из целей философского цеха: сформулировать не просто «общечеловеческие» задачи, основанные на практике развития Западной Европы и США, а именно национальную программу развития, первоначально в абстрактном, философском виде. Представляется, что в этом контексте нет необходимости апеллировать к «множественности истин» и оговариваться, что во главе угла должна быть «альтернативность». Базовый принцип должен быть сформулирован ясно и недвусмысленно, а как именно – это может быть предметом специальной дискуссии. Можно апеллировать к категориям, близким подходу, обозначенным П. Сорокиным (идеациональные принципы или законы). Можно ставить цель, связанную с особым цивилизационным контекстом (в рамках теории культурно-исторических типов). Предметом обсуждения может стать сам ход национального развития, причём и в рамках «обратного» метода исследования. Т.е., анализируя то, что мы имеем сегодня, можно попробовать реконструировать ментальную, мировоззренческую, государственно-правовую историю нашего общества вплоть до её истоков.

И второе: желательно не повторять тех ошибок, которые мы делали ранее в рамках формирования задач и целей построения социалистического общества. Ведь здесь налицо парадоксы, не имеющие решений. В частности, партия фактически отрицала право человека на свободную волю – и требовала добровольного самопожертвования. Отрицала способность человека выбирать – и требовала выбора правильных решений. Отрицала, что человек способен отличать правду от лжи, добро от зла – и постоянно твердила про виновность и предательство. Индивидуумом управляли экономические законы, он был одним из винтиков механизма, на который совершенно не мог влиять (так утверждала партийная доктрина), но партия считала, что безликие винтики должны быть активными, творческими и иметь возможность трансформировать управленческий, экономический механизм. В основе этих парадоксов логика, классический тип умствования, но, однако, они не имеют решения, впрочем, как и любые парадоксы.

Ностальгия по философии – это ностальгия по востребованности философии. Ностальгия по мудрости и по мудрецам, которые олицетворяли бы конфуцианское, сократовское, иное понимание жизни. Философия ведь вовсе не находится «за пределами» прагматизма, той жизни, которая часто и несправедливо обозначается только понятием «практика». Здесь нет непроходимой стены в понимании феноменов (абстрактных и конкретных). Да и поди разбери, где начинается одно и заканчивается другое. Сократ ведь был не только «резонёром», но и пехотинцем, Камю не только «абсурдистом», но и военным корреспондентом, Толстой не только создавал новую религию, но и пахал и сеял. Хотя, конечно, мы всегда на первое место у названных, иных великих персонажей ставим мысль, идею.

Сегодня вообще возникает такое чувство, что некоторые философы, и прежде всего философы постмодернистского толка, не столько формируют новое знание, сколько разрушают то, что создано предшественниками. Знание, возможности мышления, познание «расщепляют», анатомируют, углубляют до такой степени, что условное «дно» становится «небом», а кантовского звёздного неба и нравственного закона в этой ситуации обнаружить невозможно в принципе. Противопоставить этой деструкции разного рода можно только одно: развитие классического знания, что вовсе не значит исключительно «марксистского», «позитивистского», «экзистенциального», иного. Философия «неисчерпаема как атом», но это вовсе не означает, что этот атом обязательно должен быть деструктурирован и мы должны выявить его шизоидные составляющие. Профессионально думать – это ведь вовсе не обязательно выворачивать себя наизнанку и демонстрировать собственные «сущности» в качестве предпосылок нового знания. Поиски пресловутых «сущностей» зашли слишком далеко – до степени необходимости защиты философии как системы знания, а не набора откровений, находящихся в пределах исключительно альтернативности мышления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабермас, Ю. Ах, Европа / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2012. – 160 с.
2. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
3. Лепешко, Б. М. Философия истории: белорусский контекст. Реминисценции / Б. М. Лепешко. – Брест : Альтернатива, 2009. – 168 с.
4. Выготский, Л. С. Собр. соч. : в 6 т. / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 1 : Вопросы теории и истории психологии. – 488 с.
5. Козлихин, И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву / И. Ю. Козлихин // Правоведение. – 2006. – № 1. – С. 31–40.
6. Гревцов, Ю. И. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении / Ю. И. Гревцов, Е. Б. Хохлов // Правоведение. – 2006. – № 5. – С. 4–22.
7. Поляков, А. В. Общая теория права / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 472 с.
8. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – М. : Рарогъ, 1993. – 235 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.05.2016

Lepeshko B.M. Nostalgia for the Philosophy

The article raises the question of the possibility of «renaissance» of thinking in relation to the classical forms of philosophical knowledge. Some aspects of the current state of philosophical science in historical, philosophical, epistemological aspects are analyzed. The possibilities of the formation of classical type of philosophizing on the basis of modern humanitarian thought in general are considered.

УДК 130.2 + 141. Постмодернизм.0

М.А. Можейко

*д-р филос. наук, проф., зав. каф. философии и методологии гуманитарных наук
Белорусского государственного университета культуры и искусств*

ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫК В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТМОДЕРНА: ФЕНОМЕН СЕМИОТИЗАЦИИ БЫТИЯ

Важнейшим аспектом постмодернистского мировоззрения выступает презумпция его семиотической (прежде всего языковой) артикулированности реальности. Важнейшим из последствий этого является трактовка языковой реальности как единственной и не нуждающейся во внеязыковом гаранте. Особым аспектом семиотизации бытия культурой постмодерна выступает специфика принятых в этой культуре идеалов описания и объяснения: такими идеалами являются эксплицитно утверждаемые постмодернизмом нарративность и принципиальная вариабельность нарраций.

Коллективное сознание моделирует артефакты
в социально символических актах.
F. Jameson. The political Unconscious

Потребительская и меновая стоимость товара
уступают место стоимости знаково-символической.
S. Lash. Sociology of Postmodernism

Введение

Целью данной статьи является выявление свойственных культуре постмодерна особенностей построения системного знания о мире. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: 1) обоснование специфики построения картины мира в контексте постмодернистской культуры; 2) реконструкция изменений в трактовке процедур описания и объяснения, имевших место в постмодернистском контексте; 3) выявление новых форм построения знания, характерных для постмодернистской культуры.

Объектом исследования в статье выступает семиотизация бытия как важнейшая характеристика картины мира, свойственной для культуры постмодерна. Предметом исследования, соответственно, является трансформация идеалов описания и объяснения, вызванная феноменом семиотизации бытия и, в свою очередь, повлиявшая на формы построения знания в постмодернистском контексте и приведшая к формированию нарративных когнитивных форм.

Мир как хаос: феномен «постмодернистской чувствительности» и новая картина мира

Сегодняшняя культура, осмыслившая себя в качестве постсовременной (т.е. культуры постмодерна), фундирована специфической картиной реальности, которая строится на основе феномена, получившего в литературе 1980–90-х гг. (Ж.-Ф. Лиотар, А. Мэджилл, В. Вельш, В. Лейч и др.) название «постмодернистской чувствительности» и связанного с установкой на восприятие мира в качестве хаоса [1–5]. Данная установка является результатом осмысления глубинных ориентаций культуры постмодерна, программно релятивизировавшей практически все свои компоненты: технологию, политику, науку, архитектуру, философию, социологию, историю, этику, медицину, этнографию, все виды искусства, стиль мышления, коммуникационные стратегии, сексуальные практики, тип феминизма, склад повседневности и стиль жизни, включая молодежную музыкальную культуру и подростковые поведенческие субкультуры. Собственно, со-

гласно постмодернистской рефлексии «постмодерн» – эпоха не столько в развитии социальной реальности, сколько в эволюции осмысления последней [6, р. 276–277].

В своих модельных представлениях о реальности постмодернизм, по выражению В. Лейча, «создает формы порядка как беспорядка» [4, р. 144]. Как пишет Б. Сартр, на смену идеологии «порядка вещей» приходит идеология «беспорядка и разлада (disorder)» [7, р. 40–68]. Разумеется, интегральная схема видения реальности, представленная «постмодернистской чувствительностью», находит свою спецификацию применительно к различным проблемным полям философии постмодернизма, версифицируясь в различных терминологических традициях. Категориальный аппарат философии постмодернизма находится в процессе своей эволюции да и не стремится к унификации в силу аксиологических презумпций «постмодернистской чувствительности». Однако, несмотря на отсутствие единой терминологии, постмодернизм в философской своей проекции характеризуется фундаментальным парадигмальным единством.

В целом фундаментальной предпосылкой мироинтерпретации выступает для постмодернизма отказ от идеи целостности, иерархичной структурности и гармоничной упорядоченности мира: по формулировке Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «мы живем в век частичных объектов, кирпичей, которые были разбиты вдребезги, и их остатков» [8, р. 42]. Как отмечал Ф. Джеймисон, в зеркале постмодерна мир «становится ... хаотичным и разнородным» [9, с. 119]. Состояние постмодерна, по В. Вельшу, «необратимо плюралистично» [1, с. 124]. В ракурсе видения «постмодернистской чувствительности» хаотичность пронизывает все уровни бытия: мир «потерял свой стержень», «превратился в хаос» [10, с. 11]. Социум предстает в постмодернистской социологии (С. Лаш и последователи) как «дезорганизованный капитализм» [11]. Сознание оказывается, по В. Варду, «плодом познания разбитого мира» [12, р. 158–185]. В вербальной сфере это порождает «невозможный глоссарий» (К. Лемерт) [13, р. 54–69], в дискурсивной – неканонические стратегии дискурсивных практик («еретический дискурс» Б. Смарт [7, р. 108–127]).

И коль скоро культурная традиция сопрягает смысл как таковой с упорядоченной целостностью, организованным гештальтом, постмодернизм осуществляет последовательный отказ от всех элементов данного комплекса: по словам Т. Д'ана, «смысл является уже не вопросом общепризнанной реальности», а «проблемой изолированного индивида в произвольно фрагментированном мире» [14, р. 223–226]. В отличие от классической традиции, полагавшей, по словам М. Фуко, что «вещи уже шепчут нам некоторый смысл, и нашему языку остается лишь подобрать его» [15, с. 47], постмодернизм констатирует устами Ж. Бодрийера «катастрофу (“имплозию”) смысла» [16, с. 32–47]. «Мир смысла», по Ж. Делезу, «имеет проблематический статус» [17, с. 133]. Презумпция тотального семантического хаоса обозначена Ю. Кристевой как уверенность в «бесмысленности Бытия» [18, с. 273].

Мир как текст: отказ от идеи референции и замена реальности знаком реальности

Важнейшей презумпцией постмодернистского видения мира наряду с презумпцией его хаотичности выступает презумпция его семиотической (прежде всего языковой) артикулированности. Трактовка мира как текста, в сущности, традиционна для европейской культуры (например, неоплатоническая модель мира или средневековая интерпретация бытия как книги божественных смыслов), однако классическая культура всегда разделяла т.н. объективное содержание текста и объект как таковой. В постмодернизме же на смену классическому требованию определенности значения, жесткой соотнесенности его с конкретным денотатом приходит программная открытость значения, или, по Ж. Бодрийеру, отказ от «эквивалентностей» [19, с. 36].

Бесконечность пересекающихся значений знака, детерминированная бесконечностью его культурных интерпретаций, практически растворяет объект в плюрализме его трактовок. Шекспировскому *Что имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови, хоть нет* в современной культуре противостоит причудливый арабеск, порожденный различными традициями, но в контексте микшированной культуры постмодерна наложенных друг на друга значений: роза как радость, жизнь, тайна, тишина, любовь, смерть, Воскресение, красота, слава, гордость, молитва, победа, мученичество, пышность, солнце, мужество, женственность, Венера, дева Мария, число 5, Христос, св. Георгий, творческий порыв, девственность, чувственная страсть, христианская церковь, земная жизнь, гармония мироздания и многог другое. Принятие тех или иных значений задает принадлежность человека к культурной традиции и делает соответствующий объект определенным образом значимым для него – знание же всех возможных значений в культуре постмодерна растворяет определенность семантики вплоть до открывающейся в слове возможности означать все что угодно (что, например, позволяет У. Эко назвать свой роман «Имя розы»).

Таким образом, применительно к культуре постмодерна Ж. Бодрийяр фиксирует победу «логики уничтожения собственного референта, логики поглощения значения» [19, с. 67]: стоящее за словом понятие утрачивает денотат как онтологический гарант семантической определенности, а десигнат как идеальный конструкт остается его единственным и весьма условным референтом. Внеязыковое бытие не конституируется в рамках постмодернистской картины мира, где семиозис понимается как единственная форма существования любого феномена, включая и самого субъекта.

В данном аспекте философия постмодернизма во многом опирается на идеи структурного психоанализа, в первую очередь концепции Ж. Лакана, в рамках которой зафиксирован факт вербальной артикуляции любой формы бессознательного, понимаемого в классическом психоанализе как последний оплот суверенности. В этом контексте субъект характеризуется Ж. Лаканом как «децентрированный», растворенный в формах языкового порядка. Рациональный субъект декартовского типа, равно как и вожделяющий субъект типа фрейдистского, сменяются деперсонифицированным инструментом презентации культурных смыслов и языка. Поэтому наиболее значительная спецификация видения мира, задаваемого «постмодернистской чувствительностью», вырабатывается философией письма и текста.

Основой постмодернистской текстологии выступает радикальная критика референциальной концепции знака и отказ от презумпции стабильности значения. Если для классической философии языка традиционным было фундаментальное дистанцирование означаемого (*signatum*) и означающего (*signans*), оппозиция между которыми мыслилась как спецификация глубинной оппозиции между интеллигибельным и чувственным, то современная семиология, выступающая базой для постмодернистской философской парадигмы, трактует феномен значения радикально по-иному. В формулировке Ф. де Соссюра, «означающее немотивировано, т.е. произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [20, с. 101]. Ж. Деррида постулирует «для знаковой цепочки невозможность задержаться на таком означаемом, которое не продлило бы ее» [21, с. 148].

В постмодернистской ретроспективе традиция философской классики (как и вся классическая традиция западной культуры), будучи фундированной указанной оппозицией *signans – signatum*, породила (именно в силу такой фундированности) своего рода иллюзию референции. Так, в интерпретации Ж. Делеза, «смысл – это, собственно, открытие трансцендентальной философии» [17, с. 134]. По оценке Ж. Деррида, именно и только в рамках этой традиции внетекстовое «трансцендентальное означаемое» становится, «референтом, ... семантическим содержанием или формой присутствия, гарантиру-

ющей извне движение ...текста» [21, с. 119]. Анализ постмодернизмом философской традиции ориентирован на прочерчивание вектора от традиционной онтологизации значения ко все более последовательному отказу от самой идеи референции. Так, Д.В. Фоккема выделяет следующие этапы этой эволюции: реализм классики, задающий «непоколебимую иерархию значений»; символизм, делающий шаг к деонтологизации значения, но еще сохраняющий «жесткую иерархию» символов; модернизм, сменивший презумпцию онтологии на презумпцию «гипотетического порядка и временного смысла», завязанных на тезаурус личного опыта, который, однако, сохраняет еще свою онтологическую укорененность; и постмодернизм с его «эпистемологическим сомнением» в принципиальной возможности конструирования какой бы то ни было модели мира [22, р. 82–83].

Постмодернистское видение ситуации характеризуется дискредитацией феномена значения как якобы гарантированного внетекстовым означаемым: согласно Ф. Джеймисону, «значение не является однозначным соотношением означающего и означаемого» [9, с. 133]; по формулировке Р. Барта, «уровнем Текста является не значение, а означающее» [23, с. 81]; как пишет Ж. Деррида, «с момента, когда мы ставим под сомнение саму возможность ...трансцендентального означаемого и признаем, что всякое означаемое есть также нечто, стоящее в положении означающего, различие между означаемым и означающим – самый знак – становится проблематичным в корне» [21, с. 36]. Значение мыслится как сугубо процессуальный феномен: «соединение того, что означает, и того, что означается; это не форма и не содержание, а связующий их процесс» (Р. Барт) [24, с. 233]. Именно этот процесс и оказывается в фокусе внимания философии постмодернизма, причем трактовка значения как порождаемого «движением от означающего к означаемому» (Ф. Джеймисон) [9, с. 133] приводит к признанию того, что реально «означаемое и означающее суть две стороны одного и того же продуцирования» (Ж. Деррида) [21, с. 32].

Логическим завершением этого концептуального вектора является вывод Ф. Джеймисона о том, что фактически «то, что мы ...называем означаемым ...должно рассматриваться, скорее, как видимость значения, объективный мираж, ...сформированный соотношением означающих между собой» [9, с. 133]. Постмодернизм избавляется от идеи онтологически заданной связи означающего с означаемым в любых ее версиях, будь она под маской репрезентации, денотации, десигнации, сигнификации, номинации, манифестации и т.п. Постмодернистские авторы единодушно постулируют разрушение «самого акта номинации» [24, с. 499], «утопичность денотации» [24, с. 309], «абсурдность сигнификаций и нонсенс денотаций» [10, с. 167], «кризис денотации» [24, с. 293] и т.д.

Знаменем времени становится, по выражению К. Брук-Роуз, крах «веры в референциальный язык»: речь может идти лишь о «референциальной иллюзии» текста [25, р. 190]. Слово перестает выступать референтом выраженного соответствующим понятием объекта, обретая сугубо индикативную функцию: так, по Ж. Делезу, слово может выступать лишь в функции произвольного указателя или индикатора, и этот статус не позволяет усмотреть за словом понятие, определенность содержания которого была бы обеспечена денотатом [10, с. 26]. «Замена реального знаками реального» выступает, по Ж. Бодрийяру, лозунгом культуры постмодерна [16].

Эволюционируя от парадигмы отражения реальности до маркировки ее отсутствия, культура постмодерна, по Ж. Бодрийяру, идет дальше, достигая состояния, когда означающее «вообще не соотносится с какой бы то ни было реальностью», – культура, однако, продолжает «симуляцию реального» [16, с. 35]. Даже производство становится в этом контексте сугубо семиотичной сферой: как отмечает Ж. Бодрийяр, в современном обществе товары артикулируются, в первую очередь, не в аспекте своей потребительной или меновой стоимости, но в аспекте стоимости знаковой [26, р. 98–118]. В этом же ключе Ф. Джеймисон фиксирует квазисемиотизацию феноменов художе-

ственной культуры, «звезд – наподобие Мерилин Монро, – которые ... трансформировались в товар (commodified) и превратились в свои собственные образы» [9, с. 125].

В свою очередь, современная культура культивирует и особый тип отношения к семиотическим средам: по И. Хассану, «процессу распада мира вещей» соответствует распад текстовой семантики, хаос значений выступает как выражение «космического хаоса»; по оценке И. Хассана, хаос означающих, данность порядка для которых утрачена вместе с идеей референции, собственно, и фундирует собою модель постмодернистского видения реальности [27, р. 59].

В таких условиях «уничтожение последних следов веры в референциальность» оценивается Р. Сальдиваром как единственно возможный «путь к истине» [28, р. 253]. Как пишет Р. Барт, «ныне семиология призвана выступать ... против всей символической системы нашей цивилизации; ... расщепить саму систему смысла» [23, с. 82–83]. И если исходно постмодернизм определял свою задачу как необходимость «опустошить знак», то в современной своей версии он пытается смоделировать «логические последствия нерепрезентативного понимания письма» [24, с. 400]. Важнейшим из таких последствий является признание тотальности языка – понимание языковой реальности как единственной и исчерпывающе самодостаточной, т.е. не нуждающейся во внеязыковом гаранте. Постмодернизм развивает заложенную модернизмом идею «крушения реальности» (уже Э. Ионеско писал, что «слова превращаются в звучащую оболочку, лишённую смысла» [29, с. 137]). По Р. Барту, «язык – это область, которой ничто не внеположено» [24, с. 522]. Аналогично у Ж. Деррида: «абсолютное наличие» есть «то, что мы прочли в тексте», и «ничто не существует вне текста» [30]. При таком подходе культурная универсалия бытия фактически совпадает с универсалией текста. Ф. Джеймисон говорит о «фундаментальной мутации самого предметного мира, ставшего сегодня набором текстов» [9, с. 124].

Постмодернизм зиждется на отказе от самой идеи автохтонности объекта: бытие предстает как процессуальность плюральных игр означающего: презумпция квазисемиотизма превращает культуру постмодерна из *зеркала мира* в *зеркало зеркал*, где место реальности занимают «знаковая реальность» (Б. С্মарт), «вербальная реальность» (Р. Виллиамс), «гиперреальность» (Д. Лион) и т.п. Самая кажущаяся непосредственность объекта оказывается сугубо вторичным конструктом, базирующимся на системе избранных аксиологических шкал и культурных приоритетов: по оценке М. Мерло-Понти, объект возможен лишь в результате семиотического усилия субъекта [31, р. 178–296].

В этом контексте сознание, по формулировке Р. Барта, является не «неким первоначальным отпечатком мира, а самым настоящим строительством такого мира» [24, с. 255]. Эта установка может быть зафиксирована как на сугубо концептуальном уровне постмодернизма (для Ж. Деррида «система категорий – это система способов конструирования бытия» [32, р. 91]), так и на уровне художественной практики постмодернистского искусства (эпиграф к классическому постмодернистскому произведению – книге Р. Федермана «Прими или брось: раздутая подержанная история для чтения вслух стоя или сидя» – гласит: «Все персонажи и места действия в этой книге реальны: они сделаны из слов» [33]). Соответственно, Б. С্মарт оценивает когнитивную стратегию постмодернизма как переориентацию с рассудка как самодостаточной и абсолютной ценности к конструктивному воображению [7]. Даже в социологически ориентированных концепциях постмодернизма (З. Бауман, С. Бест, Ж. Бодрийяр, Р. Виллиамс, Д. Келлнер, Д. Лион, Б. С্মарт) обнаруживается программный отказ от идеи реальности и исключение соответствующего понятия из концептуальных контекстов: история артикулируется как история языка.

Бытие как сеть рассказов: распад картины мира

Особым аспектом программной семиотизации бытия культурой постмодерна выступает специфика идеалов описания и объяснения, фундирующих постмодернистскую парадигму современного философствования: такими идеалами являются эксплицитно утверждаемые постмодернизмом нарративность и принципиальная вариабельность нарративов. Под нарративом, или нарративом (от лат. *narrare* – языковой акт, т.е. вербальное изложение – в отличие от представления), понимается повествовательный (сообщающий) текст. Атрибутивной характеристикой нарратива является его самодостаточность и самоценность: как отмечает Р. Барт, повествование разворачивается «ради самого рассказа ...вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой» [24, с. 384]. Понятие нарратива фиксирует процессуальность самоосуществления как способ бытия текста, т.е. идея привнесения смысла в качестве основополагающей ложится в фундамент постмодернистской концепции рассказа. По Ф. Джеймисону, нарративная процедура фактически «творит реальность», одновременно постулируя свой отказ от какой бы то ни было претензии на адекватность как презентацию некоей вненарративности реальности [34].

«Повествовательная стратегия» постмодернизма фактически есть радикальный отказ от реализма во всех возможных его интерпретациях, включая литературно-художественный критический реализм, ибо критиковать – значит считаться с чем-то как с объективным; средневеково-традиционный философский реализм, ибо постмодерн относится к тексту принципиально номиналистично; и даже сюрреализм, ибо постмодерн не ищет «зон свободы» в субъективно-аффективной сфере и потому обретает ее не в феноменах детства, сновидения или интуиции, как сюр, но в процедурах деконструкции и означивания текста, предполагающих произвольность его центрации и семантизации. Подлинная свобода, по утверждению Г.Г. Гадамера, и реализует себя в постмодернизме посредством нарративных практик в их плюрализме: «все, что является человеческим, мы должны позволить себе высказать», а условием возможности такой свободы является принципиальная открытость как любой нарративу, так и тексту: «все сказанное всегда обладает истиной не просто в себе самой, но указывает на уже и еще не сказанное», и только «когда несказанное совмещается со сказанным, все высказывание становится понятным» [35, с. 140–141]. Текст, таким образом, квантуется в нарративах, и вне их плюральности у него нет и не может быть какого бы то ни было исходного (собственно-го) смысла: нарратив – это рассказ, который всегда может быть рассказан по-иному.

Постулируя повествовательные стратегии в качестве основополагающих для современной культуры, философия постмодернизма генерирует идею программного плюрализма нарративных практик, что находит свое выражение в предложенной Ж.-Ф. Лиотаром концепции «заката больших нарративов», развивающей идею Ю. Хабермаса и М. Фуко о легитимации как механизме придания знанию статуса ортодоксии. По определению Ж.-Ф. Лиотара, «легитимация есть процесс, посредством которого законодатель наделяется правом оглашать данный закон в качестве нормы» [3, с. 143]. На основании «дискурса легитимации» в той или иной конкретной традиции оформляются «большие нарративы» («метанарративы», «великие повествования» – идеи эмансипации и прогресса, гегелевской диалектики духа или просветительской трактовки знания в западной культуре [3, с. 140–158]), задающие семантическую рамку любым нарративным практикам. Ф. Джеймисон в аналогичном контексте говорит о «доминантном повествовании» и «доминантном коде» как «эпистемологических категориях», функционирующих в соответствующей традиции как нерелексивируемая система координат, внутри которой коллективное сознание моделирует «в социально символических актах ...культурно опосредованные артефакты» [34, р. 20].

Специфику постмодернистской культуры с точки зрения характерной для нее организации знания Ж.-Ф. Лиотар усматривает в том, что в ее контексте «большие повествования утратили свою убедительность» [3, с. 152]. Постмодерн может быть определен как «недоверие к метаповествованиям»: «великие повествования» распадаются на мозаику локальных историй, ни одна из которых не претендует на приоритетность [3, с. 141, 145].

Аплицируясь на различные предметные области, концепция «заката больших нарративов» получает широкое распространение и содержательное развитие. Г. Кюнг интерпретирует историю христианства как смену парадигм вероисповедания, которые ставятся им в соответствие с большими нарративами. Современность в этом плане выступает эпохой заката больших нарративов, что предполагает снятие межрелигиозных коллизий и дает «новый шанс для религии» в смысле обретения ею адекватного места в плюрализме мировоззренческих парадигм [36, с. 63–76].

Применительно к когнитивным аналитикам идея «заката больших нарративов» инспирирует конституирование Дж. О'Нийлом «толерантной стратегии знания», или стратегии «взаимности (mutuality)», ориентированной на «взаимное значение» различных версий мироинтерпретаций в отличие от классической нонконформистской «стратегии противостояния (alterity)» [37, р. 13–94, 157–177]. К аналогичным выводам пришел Д. Мак-Кенс применительно к современной этике [38].

Даже в рефлексивной самооценке, по словам В. Вельша, «постмодерн ... понимается как состояние радикальной плюральности, а постмодернизм – как его концепция». В этом контексте постмодерн осуществляет радикальный отказ от самой идеи конституирования традиции, что находит свое теоретическое выражение в фигуре «мертвой руки» (Х. Брук-Роуз), заимствованной постмодерном из юридической практики, где она означает владение без права передачи по наследству [25, р. 187]: отказ от традиций – это, по существу, единственная традиция постмодерна. Универсальным принципом построения культуры постмодерна оказывается принцип плюрализма.

В данном культурном контексте наличие или даже аксиологическое доминирование одного (выделенного, избранного, признанного приоритетным) типа дискурсивных практик оказывается невозможным в постмодернистском контексте: подобный «дискурс легитимации» (Ж.-Ф. Лиотар) сменяется дискурсивным плюрализмом, санкционированный тип рациональности – вариабельностью рациональностей, фундирующей языковые игры как альтернативу нормативному языку. По определению Ф. Гваттари, «тип дискурса, лакановский, юнгианский или адлерианский, не так уж важен. Все годится, все приемлемо» [40, с. 23].

Коллаж превращается в постмодерне из частного приема художественной техники (типа «мерцизма» К. Швитгера в дадаизме) в универсальный принцип построения культуры: «эkleктизм является нулевой степенью общей культуры: по радио слушают реггей, в кино смотрят вестерн, на ланч идут в McDonald's, на обед в ресторан с местной кухней, употребляют парижские духи в Токио и одеваются в стиле ретро в Гонконге» [41, р. 334–335]. В этом плане настоящая культура постмодерна принципиально нелинейна: она описывается Ж.-Ф. Лиотаром как «монстр, образуемый переплетением различных сетей разнородных классов высказываний (денотативных, предписывающих, перформативных, технических, оценочных и т.д.)», и невозможно определить «метапредложения» или хотя бы «временный консенсус» для всех языковых игр [3, с. 157]. Идеалом описания и объяснения действительности выступает для постмодернизма идеал принципиального плюрализма, фундированный идеей «заката больших нарративов».

Таким образом, стратегия мировосприятия постмодернизма, получившая название «постмодернистской чувствительности», базируется на фундаментальной культурной стратегии семантизации бытия, находящей свое выражение в таких установках, как, во-первых, отказ от смысла в качестве наличного (презумпция «усмотрения хаоса»

и толкования последнего в качестве смыслопорождающего); во-вторых, отказ от идеи референции (презумпция принципиальной семиотичности данной человеку реальности); в-третьих, отказ от аксиологической приоритетности какого бы то ни было стиля мышления в качестве дискурса легитимации (презумпция принципиальной нарративности и, стало быть, плюральности описания и объяснения).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вельш, В. «Постмодерн»: генеалогия и значение одного спорного понятия / В. Вельш // Путь. – 1992. – № 1.
2. Лиотар, Ж.-Ф. Заметка о смыслах «пост» / Ж.-Ф. Лиотар // Иностран. лит. – 1994. – № 1.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании / Ж.-Ф. Лиотар // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 140–158.
4. Leitch, V. Deconstructive criticism: an advanced introduction / V. Leitch. – London, 1983. – 290 p.
5. Mejill, A. Prophets of extremity: Nietzsche, Heidegger, Foucault, Derrida / A. Mejill. – St. Albans, 1985. – 399 p.
6. Bauman, Z. Intimations of Postmodernity / Z. Bauman. – London ; New York, 1994. – 297 p.
7. Smart, B. Postmodernity. Key Ideals / B. Smart. – London ; New York, 1997. – 169 p.
8. Deleuze, G. Capitalisme et schizophrénie: L'Anti-Oedipe / G. Deleuze, F. Guattari. – Paris, 1972. – 470 p.
9. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 118–137.
10. Делез, Ж. Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 9–31.
11. Lash, S. Sociology of Postmodernism / S. Lash. – London ; New York, 1990. – 317 p.
12. Ward, G. Postmodernism / G. Ward. – London ; Chicago, 1997. – 186 p.
13. Lemert, C. Postmodernism is not What You Think / C. Lemert. – London ; Oxford, 1997. – 185 p.
14. D'haen, T. Postmodernism in American Fiction & Art / T. D'haen // Approaching Postmodernism. – Amsterdam ; Philadelphia, 1986. – P. 211–231.
15. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – С. 47–96.
16. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 32–47.
17. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Академия, 1995. – 298 с.
18. Кристева, Ю. От одной идентичности к другой / Ю. Кристева // От Я к Другому : сб. переводов. – Минск : Менск, 1997. – С. 256–273.
19. Бодрийяр, Ж. Злой демон образов / Ж. Бодрийяр // Искусство кино. – 1992. – № 10.
20. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де. Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.
21. Деррида, Ж. Позиции / Ж. Деррида. – Киев : Л.Д., 1996. – 192 с.
22. Fokkema, D. W. The Semantic & Syntactic Organisation of Postmodern Texts / D. W. Fokkema // Approaching Postmodernism. – Amsterdam ; Philadelphia, 1986. – P. 81–98.
23. Барт, Р. Семиология как приключение / Р. Барт // Arbor Mundi (Мировое древо). – 1993. – Вып. II. – С. 79–83.

24. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – С. 276–296.
25. Brook-Rose, Chr. The dissolution of character in the novel / Chr. Brook-Rose // *Reconstructing individualism: Autonomy, individuality & the self in western thought.* – Stranford, 1986. – P. 184–196.
26. Baudrillard, J. Selected Writings / J. Baudrillard. – Cambridge, 1996. – P. 98–118.
27. Hassan, I. Paracriticism: Seven speculations of the times / I. Hassan. – New York, 1975. – 184 p.
28. Saldivar, R. Figural language in the novel: the flowers of speech from Cervantes to Joyce / R. Saldivar. – Princeton, 1984. – 267 p.
29. Ионеско, Э. Трагедия языка / Э. Ионеско // Как всегда – об авангарде: антология французского театрального авангарда. – М. : ГИТИС, 1992. – С. 134–138.
30. Derrida, J. Structure, sign & play in the human sciences / J. Derrida // *The structuralist controversy*; ed. by R. Macksey, S. Donato. – Baltimore, 1972. – P. 250–325.
31. Merleau-Ponty, M. *Le vision et l'invisible* / M. Merleau-Ponty. – Paris, 1964. – 274 p.
32. Derrida, J. The supplement of copula: Philosophy before linguistics / J. Derrida // *Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism.* – London, 1990. – P. 82–120.
33. Federman, R. Take It or leave It: An exaggerated second-hand Tale to be read aloud either standing or sitting / R. Federman. – New York, 1976. – 500 p.
34. Jameson, F. The political Unconscious: Narrative as a socially symbolic Act / F. Jameson. – London, 1981. – 296 p.
35. Гадамер, Г.-Г. Человек и язык / Г.-Г. Гадамер // От Я к Другому : сб. переводов. – Минск : Менск, 1997. – С. 130–141.
36. Кюнг, Г. Религия на переломе времен / Г. Кюнг // *Arbor Mundi* (Мировое древо). – 1992. – Вып. II. – С. 63–76.
37. O'Neill, J. The Property of Postmodernism / J. O'Neill. – London ; New York, 1998. – 205 p.
38. Мак-Кенс, Д. Этика в постсовременной перспективе / Д. Мак-Кенс // *Филос. науки.* – 1996. – № 1–4.
39. Welsh, W. *Unsere postmoderne Moderne* / W. Welsh. – Weinheim ; St. Albans, 1987. – 344 p.
40. Трансфер, или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе [Феликс Гваттари в беседе с Брахой Лихтенберг Эттингер] // Кабинет: картины мира. Психогенез/Техногенез: коллекция *perversus* : сб. ст. – СПб. : ИНАПРЕСС, 1998. – С. 21–28.
41. Lyotard, J.-F. *La condition postmoderne: Rapport sur la savoir* / J.-F. Lyotard. – Paris, 1979. – 197 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2016

Mojeiko M.A. Man and Language in the Postmodern Social Space: the Phenomenon of the Semiotization of Being

The important aspect of the postmodern outlook is the presumption of semiotic (language, first of all) articulation of reality. The interpretation of verbal reality as the alone reality is the main result of this idea. New ideals of a description and explanation were arisen in this context – the ideal of narration as a form of knowledge and the ideal of a variability of narrations.

УДК 17.02

Е.В. Беляева*канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета***ПАРАМЕТРЫ МОРАЛЬНОГО ДИСКУРСА***

Моральный дискурс – это регламентируемая определенными социокультурными кодами смыслообразующая и смысловоспроизводящая деятельность, посредством которой люди создают нормативно-ценностные модели и приводят в соответствие с ними личность, сообщества и общества. Специфической целью морального дискурса является такое улучшение мира, которое включает самопреобразование субъекта и сотворение аксиологического мира, объединяющего всех участников коммуникации. Онтологию морального дискурса составляют нормы и ценности, конструируемые самим дискурсом. Когнитивные особенности морального дискурса определяются тем, что моральное познание предполагает познания смысла. В коммуникативном аспекте моральный дискурс бывает монологическим и диалогическим. Язык морального дискурса содержит концепты с неизменным ценностным статусом и понятия, исторически изменяющие свой нравственный смысл. Тексты морального дискурса носят нарративный, назидательный или диалогический характер. В силу всепроницающего характера моральной регуляции любая среда или ситуация может стать контекстом функционирования морального дискурса.

Введение

Дискурсный подход к трактовке любого явления в философии опирается на прагматическую трактовку природы языка в лингвистике. В XX в. исследователи все более обращались от анализа структуры «языка в себе» к речевым актам и проблемам коммуникативного взаимодействия. Стало понятно, что суть языка может быть постигнута только через его применение и что речь – это тоже социальное действие. В результате дискурс как язык, вплетенный в отношения человек – практика – общество – культура, стал полноценной философской категорией, которую могут использовать все философские науки.

Среди почти бесконечного многообразия типологий дискурса очень немногие авторы упоминают и тем более характеризуют моральный дискурс. Это наводит на мысль, что: а) у него имеются трудноуловимые характеристики; б) он находится на периферии современной культуры и не имеет существенного влияния; в) если дискурс – это правила деятельности и высказывания в какой-то области, то мораль в силу ее нормативного характера выглядит как тавтологическое «правило о говорении правил»; г) реальный моральный дискурс современности остается метафизическим и противится прояснению своей природы. Однако, поместив категорию дискурс в предметное поле этики, можно показать роль дискурса в разрешении проблем нравственной коммуникации, иначе поставить вопрос о происхождении и функционировании моральных ценностей, о соотношении морального сознания и нравственного поведения, сделать предметом анализа правила морального дискурса, укорененные в конкретных нравственных практиках.

Реализация дискурсного подхода к морали предполагает интерпретацию морали как дискурсивного феномена и экспликацию специфических параметров морального дискурса.

Дискурсный подход к феномену морали

Дискурсный подход является способом постметафизического понимания морали. Предшествующие модели так или иначе возводили природу морали к некоторым онтологическим сущностям, получавшим религиозное или рационалистическое обоснование.

* Статья написана при поддержке гранта БРФФИ-РГНФ Г15Р-002.

вание. Все эти теории предполагали наличие морали «самой по себе», свода норм и ценностей, существующих и значимых вне человеческого взаимодействия. Дискурсивный подход – это результат радикального отказа от этой модели и утверждение представлений о том, что мораль, как и прочие формы культуры, имеет коммуникативную и дискурсивную природу. Все ее содержание и даже форма не являются априорными, не предшествуют поведению, общению, людям и их жизни, а существуют только внутри этих феноменов и процессов. В этом плане дискурсивный подход в теоретическом плане по-новому объясняет сущность морали, а в нормативном плане – сокращает тот разрыв между словом и делом, с которым приходилось бороться классическому нравственному воспитанию. С рамках дискурсивного подхода моральное высказывание («слово») столь же действенно, как и поступок, а поступок («дело») входит в сферу морали как дискурсивная практика, действия, регулируемые правилами дискурса. Дискурсивный подход трактует мораль как аспект коммуникативного взаимодействия между людьми, социальные действия которых опосредуются дискурсом.

Всякий дискурс актуализируется в связи с событиями и задачами, которые происходят в жизни человека; он возникает из гносеологической или коммуникативной проблемы, которую человек призван решить. «Тип дискурса детерминируется типом той социальной активности человека, в рамках которой он осуществляется и с целями которой он соотнобразуется» [1, с. 525]. Поэтому моральный дискурс, с одной стороны, порождается социальным и межличностным взаимодействием людей, а с другой – он сам есть правила осуществления деятельности, а не просто «речь». Он конструирует ту социальную реальность, которая затем служит денотатом моральных понятий. Принуждающая сила моральных концептов остается необъяснимой, если не принимать во внимание их включенности в преобразование действительности, в достижение реальных целей и решение действительных человеческих проблем. Выдвижение самых возвышенных нравственных идеалов является средством разрешения актуальных противоречий.

Среди множества дефиниций дискурса в данной статье в качестве рабочей была выбрана формулировка К.А. Зуева, которая позволяет разместить дискурс в проблемном и категориальном поле философии и операционализировать анализ морального дискурса через рассмотрение его параметров. «Дискурс – это речемыслительная деятельность, регламентируемая социокультурными кодами (правилами, традициями и ценностями) определённой общественной практики (науки, правосудия, религии, политики, образования, медицины и т.п.), посредством которой люди – в границах данной практики – производят и транслируют свои знания и модели социального опыта, реализуют свои познавательные и/или коммуникативные потребности» [2, с. 6]. Исходя из этого можно сказать, что моральный дискурс – это регламентируемая определенными социокультурными кодами смыслообразующая и смысловоспроизводящая деятельность, посредством которой люди создают нормативно-ценностные модели и приводят в соответствие с ними жизнь личности, сообщества и общества.

Особенности морального дискурса

Среди текстов, посвященных философскому анализу дискурса, выделяются работы Е.А. Кожемякина, разработавшего полипараметральную унитарную модель дискурса [3]. Сам Е.А. Кожемякин в своей диссертации [4] проанализировал религиозный, политический, юридический и образовательно-педагогический дискурсы, но, как и многие другие авторы, проигнорировал моральный. Между тем предложенный им набор параметров позволяет произвести первичное упорядочивание представлений о моральном дискурсе и выявить его специфику по сравнению с другими.

Телеологический параметр характеризует то, что является ключевой проблемой дискурса, как осуществляется проблематизация данной сферы деятельности. Для мо-

рального дискурса такой проблемой является несовершенство человека, общества и мира, а, соответственно, функцией и целевой установкой – исправление данного положения вещей. Ситуации, порождающие моральный дискурс к жизни, – это расхождение сущего и должного, фактическое наличие зла, без осознания и устранения которого жизнь не может продолжаться. Такие ситуации разрешаются путем формирования норм и ценностей, а также организации социальной практики, приводящей реальность в соответствие с ними. При таком подходе содержание моральных норм не предпосылается ситуации, а взыскуется ею. Моральный дискурс – это механизм, производящий критерии нравственности/безнравственности тех или иных обстоятельств. Следование этим критериям не делает субъекта идеальным, но позволяет перейти от одного жизненного этапа к другому, изменить себя, сделав более правильным в контексте той ситуации, в которой он находится. В результате моральный дискурс поддерживает статус моральных ценностей и изменяет существующее положение вещей одновременно.

В том плане, в котором всякий дискурс обращен от адресанта к адресату, целью морального дискурса является объяснение необходимости стремления к правильному поведению и путей его достижения; описание и интерпретация ценностей и норм, утверждение их в качестве значимых и обязательных к реализации. Моральный дискурс с очевидностью нормативен и императивен, выполняет властную функцию. Однако специфика морального дискурса (правоту Канта в этом аспекте не отменяет никакая пост-метафизическая философия) состоит в том, что дискурсивный субъект морали является самозаконодательствующим, что мораль – это власть человека над самим собой, саморегуляция. Поэтому убедительность морального дискурса и его воздействие зависит от собственной способности адресанта дискурс производить и способности адресата этот дискурс воспринимать. «Притязания суждений на нормативную значимость» [5, с. 91] опираются на самостоятельные дискурсивные и внедискурсивные практики субъекта. Моральный дискурс апеллирует также к экзистенциальным состояниям, что препятствует использованию его как средства манипуляции. Имманентным и необходимым качеством морального дискурса является его искренность, он неразрывно связан с убеждениями и верами как адресанта, так и адресата. С исчезновением чистосердечия и правдивости дискурс перестает быть моральным и становится политико-идеологическим.

Онтологический параметр дискурса показывает природу реальности и типы объектов, номинируемых в дискурсе. Такими объектами в морали являются нормы и ценности, нравственные отношения и идеалы, т.е. сфера не только не материальная, но и не реальная, а лишь должная, потенциальная. Природа нравственной реальности такова, что она конструируется в моральном дискурсе. Объекты его номинации не существуют до процедуры номинации, и моральная онтология закладывается благодаря дискурсу. Если в классической этике многие теории морали полагали нравственную онтологию метафизически фундированной, то для дискурсивного этического исследования значение, смысл и сама номенклатура ценностей устанавливаются в дискурсе, задача которого – конструирование морального мира с помощью языковых концептов и конструирование социального мира, наполненного моральным смыслом.

Когнитивный параметр дискурса характеризует то, как он выполняет познавательную функцию. Несмотря на то, что когнитивный статус морали неоднократно ставился под сомнение в философии XX в.; в рамках дискурсивного подхода обосновываются ее специфические познавательные возможности. Когнитивная особенность того или иного дискурса определяется предметом познания и формой познания. В силу всепроницающего характера нравственной регуляции моральный дискурс обладает безграничной предметной сферой высказываний, которые могут касаться практически любых объектов, взятых в ракурсе их соответствия критериям добра и должного. Однако по преимуществу объекты морального дискурса имеют социальный и духовный характер; это

дискурс об отношениях людей и дискурс об идеалах. Предметную область морального дискурса составляют системы социокультурных смыслов и ценностей.

Поскольку производство нравственного знания связано с социальной практикой, которая осмысливается в соответствии с базовой целью морального дискурса, постольку в более общем смысле предметом морального познания оказывается практическое отношение человека к той ситуации, в которой он находится в мире. Когнитивная специфика морального дискурса состоит в том, что он не отражает наличные характеристики нравственных отношений, а конструирует нравственное отношение и описывает его, давая знать о неблагополучии и, главное, о хотя бы абстрактной возможности его практического исправления. Познание ситуации в категориях морали производит диагностику сущего положения вещей и нормирует их идеальное положение. Формами познания для морали выступают добро и должное, ценности и нормы. Они вполне могут быть предметами рационального осмысления, о чем свидетельствуют такие логические средства морального дискурса, как «логика оценок, исследующая логическую структуру и логические связи оценочных высказываний, и деонтическая (нормативная) логика, исследующая логические связи нормативных (прескриптивных) высказываний» [6, с. 86].

Если классические исследования рассматривали добро и должное как понятия морали, имеющие значение, то дискурсивный подход видит в них концепты, имеющие смысл. О том, что моральные смыслы открываются именно в ходе дискурсивных практик, свидетельствует известная со времен древних греков особенность нравственного знания. *Знание добра* нравственным человеком отличается от *знания о добре*, с которым можно познакомиться в учебнике по этике. Выражение «знать свой долг» означает безусловно выполнять должное, в то время как «знать о своем долге» – это скорее всего мучиться от неспособности или нежелания его исполнять. Таким образом, в процессе выполнения своей когнитивной функции моральный дискурс делает нравственное содержание осмысленным для субъекта, производит идеи как мотивы поведения.

Коммуникативный параметр указывает на значимые коммуникативные ситуации, в которых реализуется дискурс. В свою очередь, ситуация задается адресантами и адресатами коммуникации. Дискурсивные моральные высказывания могут быть обращены от личности к личности, от личности к самой себе (автокоммуникация), от сообщества к личности (как элемент властного дискурса), от общества к личности (как элемент политического дискурса), от личности к сообществу и обществу. В этом плане характеристики морального дискурса выглядят противоречивыми.

С одной стороны, моральный дискурс монологичен и формируется моральным авторитетом, тяготеет к авторитарности. Он часто возникает в ситуации, когда субъекты, обладающие моральной компетентностью, вовлекают в смысловое поле морали тех, кто по тем или иным причинам недостаточно в нем освоился. В этом случае моральный дискурс выступает и как дискурс власти, является аспектом любой идеологии. Целью такой дискурсивной коммуникации является принуждение к нравственному поведению определенного типа. Несмотря на анонимный характер нравственных истин, их фиксация предполагает субъекта со специфическим социальным статусом и нравственным опытом. С другой стороны, моральный дискурс с необходимостью предполагает свободу и достоинство всех участников коммуникации. В силу того, что нравственные требования формулируются как всеобщие и безличные, всякий, вступающий в сферу морального дискурса, ощущает себя носителем «истинной морали», призванным исправить мир и поведение людей. Но именно потому, что так чувствует себя каждый, моральный дискурс неизбежно оказывается диалогическим – спором для установления моральной истины или хотя бы спором для убеждения партнера. В идеале в моральном дискурсе один субъект предлагает другому «рациональные мотивы присоединиться к нему» [5, с. 92]. Причем присоединение это носит практический характер: результатом морального дис-

курса становится не только правильное суждение, но и правильное поведение. Если дискурс – это правила, то моральный дискурс – это не правила высказываний о жизни, а правила самой жизни.

Языковые параметры морального дискурса раскрываются при изучении его семантики в разных языках как системах, отражающих менталитет народов, которые на них говорят. Лингвокультурологические исследования позволяют познать нравственность сообществ через анализ моральных концептов языка. Их компаративный анализ позволяет установить универсальное содержание сферы морали и этнонациональные особенности их функционирования [7].

Не менее интересна историческая семантика концептов морального дискурса. Вслед за исчезающими социальными практиками обслуживавшие их моральные понятия переходят в разряд устаревших. Появляются слова и языковые конструкции, номинирующие новые формы существования добра и зла. Происходит переосмысление ценностного статуса концептов. Так, бережливость, предприимчивость, коллективизм, терпеливость могут оцениваться как пороки или как добродетели в зависимости от того, в какой системе нравственности они рассматриваются; соответственно, меняется содержание и способы употребления этих слов языка. В то же время «вечные понятия морали» (совесть, долг, добро), сохраняя неизменный нравственный статус, обретают все более длинный «шлейф» исторических интерпретаций и способов употребления в языке.

Текстовый параметр характеризует типы текстов, воспроизводимых в дискурсе. Классическими воплощениями морального дискурса являются нарративы «с моралью», повествования, целью которых является описание, объяснение и утверждение победы добра над злом. Другим типом текстов, представляющих моральный дискурс, выступают тексты назидательного характера: нотации, проповеди, нравоучения, нравственные обличения – тексты, указывающие на несовершенство сущего. Третий тип текста воспроизводится в диалогическом моральном дискурсе, он часто связан с дискуссиями моральных субъектов относительно их представлений о добре и должном. Обращает на себя внимание серьезность, «высокий стиль» текстов нравственного содержания. Поэтому для поддержания морального дискурса создаются специальные практики (проповедь, классное собрание), обеспечивающие внимание участников коммуникации к важности речи. Будучи скрытым внутри других типов дискурса, моральный дискурс придает им элементы назидательности и пафоса.

Восприятие текста в дискурсе предполагает наличие субъекта, для которого моральные концепты и их взаимосвязь имеют смысл. Морально некомпетентный читатель не способен понять текст не по причине слабого знания языка, но в силу нравственной «глухоты». Воспитатели всех времен досадовали на непослушных воспитанников, не реагирующих на моральные упреки. Образованные классы общества эпохи Просвещения с изумлением сетовали на то, что просвещение «народа» воспринимается самим народом в штыки. В таких ситуациях наиболее остро обнаруживается, что моральный смысл текста имеет дискурсивную природу и существует только в коммуникации.

Невосприимчивость к моральному тексту может быть связана и с расхождением исторически сложившихся моральных дискурсов. Для человека атеистического мировоззрения христианские рассуждения о грехе и искуплении существуют как информация о том, что есть люди и сообщества, которые интерпретируют свое поведение в таких терминах. Они не становятся моральным дискурсом, не имеют применения в речи и нравственной практике данного субъекта. Между тем атеист имеет собственный моральный дискурс, в котором неправильное поведение и практические способы его преодоления номинируются иначе. Текст, содержащий моральные концепты, становится дискурсом только будучи включенным в реальную нравственную коммуникацию субъектов. Например, верующий и атеист могут до хрипоты спорить об убеждениях, о спо-

собах обоснования нравственных правил, демонстрируя при этом полное нравственное взаимопонимание в отношении содержания самих правил, которые надо соблюдать, и в отношении действий, которые нужно совершать в тех или иных ситуациях.

Контекстный параметр характеризует типы контекста, в которых реализуется данный дискурс. Контекстом моральных высказываний выступает в первую очередь экзистенция личности, мир личностно-значимых состояний и событий, с которыми соотносится высказывание. Экзистенциальный контекст морального дискурса предполагает внутренние усилия и субъективные переживания, актуализацию личностных смыслов, индивидуального опыта, смысложизненных установок, интериоризированных субъектом и осмысленных им.

Оценочные и императивные суждения в области морали погружены в психологический контекст. Недаром в этической мысли большое место занимают рассуждения о месте страстей, аффектов и прочих психологических проявлений в правильном образе жизни. Моральное поведение, даже строго регламентированное рациональными моральными нормами, опирается на психологические механизмы. В литературе часто идет речь о морально-психологических качествах личности как едином феномене, задающем способы производства и восприятия ею текста на темы морали.

В том аспекте, в котором нравственность выступает как социальный регулятор, материальные и духовные общественные отношения задают контекст развертывания морального дискурса. Социальный контекст образуется также статусно-ролевыми и ситуативными общественными контактами.

Заключение

Специфической целью морального дискурса является такое улучшение мира, которое включает самопреобразование субъекта и сотворение аксиологического мира, объединяющего всех участников коммуникации. Онтологию морального дискурса составляют нормы и ценности, конструируемые самим дискурсом. Когнитивные особенности морального дискурса определяются тем, что моральное познание предполагает познание смысла. В коммуникативном аспекте моральный дискурс бывает как монологическим, так и диалогическим. Язык морального дискурса содержит концепты с неизменным ценностным статусом и понятия, исторически изменяющие свой нравственный смысл. Тексты морального дискурса носят нарративный, назидательный или диалогический характер. В силу всепроницающего характера моральной регуляции любая среда или ситуация может стать контекстом функционирования морального дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
2. Зуев, К. А. Рациональность: дискурсный подход / К. А. Зуев, Е. А. Кротков. – М. : РАГС, 2010. – 178 с.
3. Кожемякин, Е. А. Концептуально-методологическое обоснование дискурсной формы бытия культуры : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / Е. А. Кожемякин ; Белгород. гос. ун-т, 2009. – 40 с.
4. Кожемякин, Е. А. Методологические проблемы изучения дискурсных практик / Е. А. Кожемякин, Е. А. Кротков // Труды ИСА РАН. – 2008. – Т. 37. – С. 151–173.
5. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2000. – 379 с.

6. Ивин, А. А. Логика : учеб. пособие для студ. вузов / А. А. Ивин. – М. : Оникс : Мир и Образование, 2008. – 336 с.

7. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 288 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.10.2016

Belyaeva E.V. Parameters of Moral Discourse

Moral discourse is a regulated by certain socio-cultural codes of meaning and sense reproducing activity through which people create normative model of values and aligning with them the person, community and society. The specific objective of moral discourse is such improvement of the world, which includes self-transformation of the subject and the creation of the axiological world, uniting all participants of communication. The ontology of moral discourse is the norms and values that are constructed by discourse. Cognitive features of moral discourse are determined by the fact that moral cognition involves cognition of the meaning. In the communicative aspect moral discourse is monologic and dialogic. The language of moral discourse contains concepts with the same value and status as a concept historically changes its moral meaning. Texts of moral discourse are narrative, didactic or dialogical character. In virtue of the pervasive nature of moral regulation, any environment or situation can result in a context for functioning of moral discourse.

УДК 101.8(470)

А.В. Климович

канд. филос. наук, доц. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ «АБСОЛЮТНОЕ» В ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА

Выявлены особенности интерпретации понятия «абсолютное» в русской философии всеединства В.С. Соловьёва и таких его последователей, как С.Н. Булгаков, С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский. Автор реконструирует, обобщает и сопоставляет представления философов всеединства на природу и особенности существования и возможности познания человеком абсолютного.

Понятие «абсолютное» является центральным, можно сказать, «стержневым» понятием любой метафизической системы объективного идеализма. Особое значение имеет это понятие в русской философии всеединства. Современные исследователи творчества В.С. Соловьёва полагают, что в его философии можно выделить две главные концепции: всеединства (по сути представляет собой учение об абсолютном) и Богочеловечества, – неразрывно связанные между собой. И связаны они, очевидно, именно через абсолютное начало. Как известно, проблема всеединства стала одной из основных в русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. Понятие всеединства как высшего онтологического принципа впервые было предложено В.С. Соловьёвым: Абсолют есть «положительное всеединство», которое предстаёт в его онтологии как триединство абсолютных истины, добра и красоты; в гносеологии – как свободная теософия, система цельного знания.

Концепция всеединства разрабатывалась в философских системах разных последователей В.С. Соловьёва. Так, в системе Л. Карсавина на принципе всеединства основано учение о «симфонической личности», утверждающее, что объединения людей тоже должны рассматриваться как личности особого рода. Русские философы Е.Н. Трубецкой и С.Н. Булгаков пытались связать учение о всеединстве с представлениями о Софии как Премудрости Божией.

Очевидно, что понятие абсолютного было в той или иной степени предметом осмысления всех философов всеединства. Именно оно являлось и отправной точкой, и итогом множества размышлений о начале и конце мира, о человеке и смысле его существования. Закономерно перед философами этого направления встают вопросы о самой сути абсолютного, о том, каковы взаимоотношения абсолютного начала с миром. А ещё возможно ли, а если да, то в какой степени, познание человеком абсолютного, проникновение в него?

Абсолютно-сущее в философской системе В.С. Соловьёва – это прежде всего основа единства мира, в силу чего оно совершенно единично и никогда не может стать множественностью, но содержит её в себе. Такая трактовка абсолютного как единичного далеко не нова: философ продолжает древнюю традицию европейской мысли, родоначальником которой был Платон с его идеей блага. Платоновская идея блага исследователями платонизма интерпретировалась неоднозначно. Несомненно, что эта идея как высшая из всех идей признавалась Платоном причиной всего познаваемого и существующего, но не ясно, является ли она причиной самих идей, если они существуют вечно и неизменно. Кроме того, исследователям философии Платона было затруднительно выявить, можно ли рассматривать идею блага как божество, ведь в таком случае личное бытие божества оказывается весьма сомнительным. Споры в русской философии о том, тождественны или нет Бог и благо у Платона, занимавшие в своё время множество

умов, на деле поэтому имели более глубокий смысл: возможно ли вообще философскими средствами определить Бога? И если Бог определяется как абсолютное, можно ли с полной уверенностью считать это абсолютное Богом? Очевидно, что абсолютное само по себе должно быть свободно от всяких определений, так как определённое существование является относительным, и такое утверждение будет противоречить самой сути абсолютного.

Множество терминов, поясняющих суть абсолютного, не должно заслонить главного: абсолютное, согласно философии всеединства, имеет определённый онтологический статус, а вернее, всё определяет собой; и оно же играет (здесь можно уловить ассоциацию с гегелевской «абсолютной идеей») центральную роль в гносеологии: и начинается, и завершает процесс человеческого познания.

Учение Соловьёва об абсолютном как всеедином, созданное им в самом начале творческого пути, свидетельствует о выходе философа из-под влияния европейской философской мысли. Ещё в «Философских началах цельного знания» В.С. Соловьёв писал, что по самому смыслу слова «абсолютное» означает, во-первых, отрешённое, освобождённое от чего-либо, а во-вторых, завершённое, законченное. Отсюда вытекают два определения абсолютного: что-то существующее совершенно отдельно, свободно от всего «другого» как безусловное единое; оно определяется положительно как обладающее всем, не могущее иметь ничего вне себя [2, с. 346]. Речь идёт здесь не о разных определениях абсолютного, а о двух его сторонах, которые находятся в безусловном единстве. И именно этим соловьёвское понятие абсолютного как всеединого отличается, как сам он отмечал неоднократно, от абсолютного в рационалистической философии, признающей лишь одно из вышеупомянутых определений.

Абсолютное, или же сущее, В.С. Соловьёв называл «безусловно первым принципом» своей философии. Оно не есть настоящее феноменальное бытие, но в то же время является основой всякого бытия. Абсолютное начало не есть бытие именно потому, что оно само не может быть предикатом ничего другого. В самом деле, если считать абсолютное тоже разновидностью бытия, говорит Соловьёв, мы имели бы некое сверхбытие, что само по себе довольно нелепо. Таким образом, можно сказать, что абсолютное не есть и небытие, так как нельзя отказать ему в существовании, и, кроме того, ведь ему принадлежит всё бытие. Абсолютное в интерпретации В.С. Соловьёва – не только основание всего, но и цель человеческого мыслительного процесса. И высшая задача человеческой мысли состоит, в том, чтобы «понять всё как единое целое в абсолютном – мир как всеединство» [3, с. 104]. Это «цельное знание», которое должно увидеть всё в одном, соответствует всем потребностям человеческого духа. Так, оно требуется нашим разумом как абсолютная истина, нашей волей как абсолютное благо и нашим чувством как абсолютная красота. Это абсолютное, таким образом, будет «всем во всём», отвечающим всем высшим требованиям человеческого духа.

Исследуя природу абсолютного начала, В.С. Соловьёв выделяет в нём два центра: начало единичности и свободы и начало множественности и необходимости – и тем самым, очевидно противореча самому себе, рационализирует его. Можно сказать, что в «Философских началах цельного знания» понятия «абсолютное первоначало», «сверхсущее», «истинно сущее» тождественны. Тем не менее они нигде прямо не отождествляются с Богом, хотя подразумевается, что Соловьёв всегда имеет в виду божественную идею. Наверное, именно эта многослойность и многозначность соловьёвского текста дала возможность одному из последователей философа Е.Н. Трубецкому утверждать, что абсолютное, или же всеединое, лежащее в основе всего и служащее всему целью, есть идея по существу религиозная, и мы имеем в ней философское выражение идеи Бога [3, с. 107].

В отличие от Соловьёва С.Н. Булгаков пытается различить понятия абсолютного и Бога. Онтологическое начало он называет «божественным ничто». Этот термин – ещё одна интерпретация абсолютного в философии всеединства. Абсолютное в понимании Булгакова – это своего рода «трансцендентный фон» Бога. Разница между абсолютным и Богом, как он её понимает, заключается в том, что Богу хотя бы в чём-то присуще бытие. Так, про Бога можно сказать, что он «есть», а про абсолютное этого сказать нельзя, так как оно есть нечто самозамкнутое и является «навсегда сокрытой тайной». Именно абсолютное полагает в себе различие Бога и мира, в то время как без Бога как объекта религиозной веры оно стало бы понятием, лишённым содержания. Определить каким-то образом соотношение между Богом и абсолютным Булгаков не в состоянии, полагая, что подобное вообще не под силу человеческому разуму. Существование определённой взаимосвязи между абсолютным и Богом есть факт, который нужно принять на веру при всей его непостижимости. При этом философ пытается нарисовать картину саморазвития абсолютного: актом сотворения мира оно порождает Бога. Бог же изначально связан с миром, и именно в этом заключена возможность определений Бога, богопознания и богооткровения. Таким образом, в интерпретации С.Н. Булгакова понятие абсолютного намного шире понятия живого, личного Бога. Бог же есть явление абсолютного в откровении.

С.Н. Трубецкой в отличие от Булгакова полагает, что возможно определение абсолютного как «основного общего данного» религии и философии, того, что лежит за пределами явлений «являющегося» и «мыслимого» в философии и «духа» в религии. Ввиду наличия этого общего данного религия и философия не противоречат друг другу. Невозможно просто так отрицать абсолютное или объявлять его непознаваемым. Такие утверждения требуют хотя бы самого общего исследования природы абсолютного. Если предположить, что ничего абсолютного нет, что всё относительно, то закономерно возникнут вопросы: что относится во всех отношениях и к чему, что есть в этих отношениях? Всякое относительное, согласно С.Н. Трубецкому, предполагает безусловное и безотносительное. Начало, которое обуславливает собою всё, что существует, существовало и будет существовать, не сводится, как считает философ, ни к сознанию, ни к множеству вещей: оно универсально, сверхсознательно и невещественно. Идея абсолютного, несомненно, метафизическая, её нельзя свести ни к чему в области явлений, но от неё невозможно отказаться, ибо она идея позитивная. В «Основаниях идеализма» философ пишет, что самым великим открытием философского идеализма было то, что «действительность, объективный мир, существующий в беспредельном пространстве и времени, имеет логическое начало» [5, с. 172]. И это открытие было столь парадоксальным, что даже Кант не решился вывести из него всех необходимых следствий. Отсюда основная задача философии: определив, что всё действительное имеет идеальное начало, понять это начало.

Согласно С.Н. Трубецкому, абсолютное не является ни отвлечённой субстанцией, ни безотносительным субъектом. Оно прежде всего существует для своего «другого» – в этом его основное предназначение. Но кроме этого, абсолютное должно иметь в себе самом собственное основание. Поэтому его нельзя назвать ни относительным, ни безотносительным. Оно сверхотносительно. Абсолютное ниоткуда не выводится, а дано человеку в вере, в мысли, в опыте внешнем и внутреннем. Оно определяется философом как: 1) сущее о себе, или всеединая основа всего сущего; 2) самость, сущая о себе и для себя, т.е. самость, заключающая в себе основу себя и своего другого – потенцию инобытия; 3) конкретный абсолютный субъект, сущий о себе, для себя и для всего, т.е. как абсолютная личность, заключающая в себе всеединое начало сущего, полноту потенций бытия.

Такое понимание абсолютного, по С.Н. Трубецкому, вовсе не исключает возможности его познания. Если учесть безграничную свободу абсолютного, его возможность из себя создать своё «другое» и сообщить себя ему, то всё это должно предполагать глубокую познаваемость абсолютной истины. Человеческий разум, будучи «прирождённым метафизиком», по самой природе своей не может ограничиться познанием лишь конкретных явлений. Разум в своей деятельности стремится объективно понять безусловное, «познать сущее в его всеединстве». И неважно, осуществится этот идеал познания когда-нибудь или нет. В этом – жребий человеческой мысли: стремиться к познанию абсолютного, быть не в силах его достичь и не в силах отказаться от познания его. Сознание идеала дано человеку, и в этом сознании та сила, которая окрыляет его мысль, поднимает её ввысь. Но это же сознание указывает ему всё различие идеала от того, чем он в действительности обладает. И поэтому главная задача человеческого разума, делает вывод мыслитель, заключается не в том, чтобы изобретать свою собственную субъективную метафизику, а понять объективные метафизические проблемы, которые перед ним стоят. Только в таком случае возможно устранение пропасти между человеком и тем, что он привык называть божеством.

Собственно, все философы всеединства так или иначе согласны в том, что абсолютное может каким-то образом познаваться человеком, т.е. при всей его трансцендентности оно не представляет собой навеки закрытую для человека область. Так, В.С. Соловьёв, разрешая проблему познаваемости человеком абсолютного, говорит о том, что вообще, конечно, абсолютное не может стать содержанием человеческого знания, потому что его содержание нематериально, и им может быть только бытие. Но оно познаваемо в другом смысле – как единственный из числа сущих предмет познания.

Абсолютное существует вне человека, но, тем не менее, не может быть непосредственным предметом человеческого опыта. Человек познаёт абсолютное во всём, что он познаёт, следовательно, ему становятся доступными в познании только какие-то проявления абсолютного. В этом смысле человек познаёт абсолютное как основу того, что его окружает, как нечто, скрытое «под грубою которою вещества». Но абсолютное есть и внутренняя, глубинная основа самого человека, и поэтому, познавая его, человек познаёт тем самым себя и осознаёт в этом своё единение с миром и абсолютное как субстанцию этого единения. И только в этом смысле он может приблизиться к абсолютному.

В.С. Соловьёв считает, что в человеческом духе заложена способность к познанию абсолютного, и именно оно только и может замкнуть человеческое познание в действительный организм. Предчувствуя вопрос о том, как может человек, существо, ограниченное в своих возможностях, осуществить выход в сферу абсолютного, Соловьёв замечает, что ведь никто ещё не доказал окончательную ограниченность человека миром явлений, в котором он существует.

Роль абсолютного в познавательном процессе более детально исследует Е.Н. Трубецкой. Абсолютное в его представлении – это прежде всего безусловное сознание, то, что является «подлинно достоверным основанием знания», независимым от человеческого ума. Каким же образом человеческая мысль может прийти к этому безусловному? В конкретном воззрении, по словам Е.Н. Трубецкого, человеку дано лишь эмпирическое, конкретное. И чтобы найти всеобщее, безусловное, человеку необходимо прежде всего отвлечься от этой данности, подняться над нею к понятию. Такое отвлечение вынуждается именно несовершенством человеческого ума, не могущего охватить всеобщность, приходящего к антиномиям в процессе такого «обхвата». В истории философии эта психологическая необходимость отвлечения от конкретного нередко смешивалась с необходимостью объективно-логической, и за истину принималось наше вспомогательное орудие познания – отвлечённое понятие [4, с. 24]. Это заблуждение, считает Трубецкой, уходит своими корнями в философию Платона, который именовал идеей

одновременно и истинно-сущее, и родовые представления, чем уничтожалась грань между абсолютным и человеческими понятиями.

Основной же задачей философии, представляется Е.Н. Трубецкому, является освобождение от такого антропологизма, который переносит определения человеческой мысли в мысль абсолютную. Абсолютная мысль может быть иначе названа «мысленным всеединством», в котором охвачено всё многообразие явлений прошлого, настоящего и будущего. В отличие от отвлечённой человеческой мысли абсолютная мысль имманентна всему конкретному, которое она определяет и охватывает собой. Применительно к абсолютному философ не пользуется предикатом «божественный», полагая, что в пределах гносеологии вопрос о религиозном отношении к абсолютному не должен ставиться, так как гносеология следует логическим критериям и внесение в неё религиозных предпосылок будет искусственным. Впрочем, абстрактное «мировое око» и не может вызвать у человека религиозного чувства. Отношение к абсолютному становится религиозным, как считает мыслитель, лишь с того момента, когда абсолютное утверждается нами как смысл всей нашей жизни и всего что есть.

Человек, согласно Е.Н. Трубецкому, восходит к абсолютному двумя путями: с помощью рационального познания и откровения. Эти пути представляют собой два совершенно различных отношения человека к абсолютному. Рациональное познание может проникнуть лишь в экзотерический план абсолютного, откровение же – в эзотерический. Естественно, что философия восходит к абсолютному рациональным путём, следовательно, ей открыт экзотерический его план. В откровении же абсолютное являет себя в виде Бога. В принципе, по мнению Е.Н. Трубецкого, оба пути проникновения в абсолютное вовсе не исключают друг друга, но с той минуты, как абсолютное стало для неё эмпирией, данностью, философия перестаёт быть только рациональным учением и становится кроме того и философией откровения [4, с. 70].

Таким образом, можно сделать вывод, что в компетенции рациональной философии находится обоснование достоверности человеческого познания через абсолютное, и в абсолютном есть область, открытая познающему сознанию независимо от того, насколько религиозно его отношение к абсолютному. Тем самым абсолютное признаётся существующим и для не верящих в Бога.

Возможность познания Бога, по утверждению С.Н. Булгакова, есть прерогатива религиозного сознания. Она затруднена тем, что Бог, как объект религиозной веры, с одной стороны, есть нечто внешнее по отношению к миру и человеку, совершенно трансцендентное, с другой же – он может открываться религиозному сознанию и становиться его имманентным содержанием. Ход его рассуждений таков: абсолют, который был бы только трансцендентным, являлся бы для человека пустым понятием, а если бы он стал до конца имманентным, просто превратился бы в человека, взятого в его глубинной, внутренней сущности. Здесь-то человеческое сознание и наталкивается на антиномию, которую нельзя разрешить, пользуясь основными средствами рационального мышления. В самом существовании такой антиномии, как считает Булгаков, обнаруживается недостаточность человеческого разума, который «на известной точке вынужден останавливаться, ибо приходит к обрыву и пропасти, а вместе с тем не может не идти до этой точки» [1, с. 98].

Таким образом, попытка самого общего определения объекта религиозной веры оказывается сопряжённой со сложностями, и область божественного и абсолютного предстаёт перед человеческим сознанием в виде тайны, к которой неприменимы все понятия бытия. Для рационального сознания эта антиномия обернулась бы крахом, но, так как вера не базируется на рассудке, для неё эта антиномия по существу является источником существования. Вера в отличие от разума только и может существовать там, где есть тайна, где конечная цель не понята до конца. Поэтому антиномия трансцен-

дентности и имманентности, как считает С.Н. Булгаков, и есть неиссякаемый источник религиозной веры.

Можно полагать, что с точки зрения всеединства предикаты трансцендентности и имманентности присущи абсолютному не в одном и том же отношении: в одном отношении оно трансцендентно миру, в другом – имманентно. Оно имманентно миру как полнота сознания о нём и трансцендентно ему как бытие. Развивающийся мир, в свою очередь, не может вместить в себя всю полноту абсолютного, поэтому оно одновременно и есть, и не есть в мире. Эта суть абсолютного как нельзя более ясно отражена в антиномии. «Истина потому и есть истина, – утверждает П.А. Флоренский, – что не боится никаких оспариваний; а не боится их потому, что сама говорит против себя более, чем может сказать какое угодно отрицание; но это самоотрицание своё истина сочетает с утверждением» [6, с. 147]. Таким образом, для человеческого рассудка истина и есть противоречие: она образует синтез тезиса и антитезиса. Говоря другими словами, истина может быть только антиномией, поэтому абсолютное (как абсолютная истина) является антиномией. Чем ближе к Богу, пишет Флоренский, тем отчётливее противоречие, но оно может быть видно только в подлинном религиозном опыте, который может его фактически примирить, и не видно позитивистскому рассудку.

Антиномия, с одной стороны, как нельзя более ясно открывает недостаточность сил человеческого мышления в постижении абсолютного. Здесь разум осознаёт свою ограниченность и дальше осознания этой ограниченности самостоятельно продвинуться не может. С другой стороны, антиномии в сознании познающего человека разрешаются посредством религиозного откровения, т.е. «сверху». И получается, что путь к абсолютному для человека не закрыт, но открывается он только по желанию самого абсолютного.

Таким образом, можно выделить общее, что присуще философам всеединства в их взглядах на природу абсолютного.

Абсолютное в философии всеединства полагается единственно возможной основой единства мира. Само оно ни в какой мере не является ни бытием, ни небытием и в таком своём качестве только и может быть основой бытия. Именно в таком понимании абсолютного воплотилась в философии всеединства платоновская традиция поиска единства в окружающем человека хаотичном мире в чём-то принципиально несводимом к этому миру, в корне отличном от него. Определения абсолютного философия всеединства не дала, чаще всего оно обозначается терминами «единственно истинносущее», «божественное ничто», «безусловное сознание».

Абсолютное есть потребность человеческого духа. И высшее предназначение человеческой мысли, согласно философии всеединства, заключается в понимании мира как единого целого через абсолютное. В своём высшем смысле абсолютное является триединством абсолютных истины, добра и красоты.

Абсолютное – это высшая цель человеческой мыслительной деятельности. Познавать его до конца человек не в состоянии: оно, не являясь бытием, не может стать содержанием человеческого сознания. В то же время только в человеке, как считали философы всеединства, заложена способность к познанию абсолютного, в силу чего человек и является связующим звеном между земным и божественными мирами. Не превеликая способность человеческого ума, но и не будучи скептиками, философы всеединства полагали, что человек познаёт абсолютное во всём, что его окружает, в том числе и в себе как свою собственную основу. И в этом смысле абсолютное познаваемо человеком.

Категория «абсолютное» занимает центральное место и в онтологии, и в гносеологии всеединства. В онтологии оно выступает как основа бытия. В гносеологии оно является необходимым предположением и целью человеческого познания. Всё суще-

ствующее, согласно философии всеединства, определено абсолютной мыслью, и она же есть единственный по существу предмет познания.

Абсолютное, согласно философии всеединства, не может развиваться во времени и пространстве, совершенствоваться, так как охватывает собой прошлое, настоящее и будущее, концентрируя положительную силу бытия. Оно сочетает в себе трансцендентное и имманентное, эзотерический и экзотерический планы, и это сочетание недоступно для рационального осмысления – оно должно приниматься человеком на веру. Но в то же время абсолютное в философии всеединства не самодовлеющее, оно не мыслится вне связи со своим «другим» – миром и человеком.

В философии всеединства абсолютное выступает в качестве понятия, но не живой личности. Оно вызывает к себе религиозное отношение лишь в определённом плане, когда утверждается человеком как единственно достойный смысл своего существования. Понятие абсолютного, таким образом, шире понятия Бога, но именно в нём философия всеединства нашла выражение божественной идеи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков, С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – Сергиев Посад, 1917. – 426 с.
2. Соловьёв, В. С. Философские начала цельного знания / В. С. Соловьёв // Собр. соч. – СПб. : Просвещение, 1911–1914. – Т. 1. – 640 с.
3. Трубецкой, Е. Н. Мирозозерцание В. С. Соловьёва / Е. Н. Трубецкой. – М., 1913. – 631 с.
4. Трубецкой, Е. Н. Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства / Е. Н. Трубецкой. – М. : Путь, 1917. – 335 с.
5. Трубецкой, С. Н. Основания идеализма / С. Н. Трубецкой // Собр. соч. – М., 1906–1912. – Т. 2. – С. 161–294.
6. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский // Соч. : в 2-х т. – М. : Правда, 1990. – Т. 1. – 490 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2016

Klimovich A.V. Peculiarities of Interpreting the Concept of «Absolute» in the Philosophy of Unity

The article reveals the peculiarities of interpreting the concept of «absolute» in the Russian philosophy of unity by V.S. Soloviev and his followers such as S.N. Bulgakov, S.N. Troubetzkoy, E.N. Florensky. The author reconstructs, summarizes and compares the views of the philosophers of unity to the nature and features of life and the possibility of man's knowledge of the absolute.

УДК 796:001.891

У.П. Люкевіч*канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна***АКТУАЛІЗАЦЫЯ САЦЫЯЛЬНА-ФІЛАСОФСКІХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ
У НАВУЦЫ ПРА СПОРТ У ХХ СТАГОДДЗІ**

Узнікненне, станаўленне, развіццё, функцыянаванне і распаўсюджванне мадэлі сучаснага спорту непарыўна звязана з тымі працэсамі, якія адбываліся на працягу ХХ ст. Менавіта ў гэты час прайшлі кардынальныя якасныя змяненні, што паўплывалі на лёс дадзенага грамадскага феномену. Спорт пераадолеў імклівы шлях ад сціплага баўлення вольнага часу, успрымання яго шырокімі сацыяльнымі коламі як марнай траты чалавечай жыццёвай энэргіі да вышынёў прафесійнай дзейнасці. Аўтар артыкулу канцэнтруе ўвагу на шэрагу сацыяльна-філасофскіх аспектаў фармавання падставовых палёў даследавання спорту ў сістэме навуковых ведаў, якія паўсталі ў мінулым стагоддзі. Такое становішча можна ахарактарызаваць наступным чынам: калі ў грамадстве ўзнікае нейкая новая якасць, што выклікае ўсеагульную зацікаўленасць, то яна павінна быць навукова асэнсавана. Такі падыход дазваляе правесці аналіз спорту як сацыякультурнага феномену з пункту гледжання некласічнай філасофіі.

Уводзіны

Даследаванні метадалагічнага базісу навукі пра спорт звязваюцца з шэрагам прадметных палёў, якія ўскосна адносяцца да руху, гульні і спорту і прэзентуюць падставы сістэмы навуковых ведаў аб самім спорце. Гэтыя прадметныя палі прадстаўляюць сутнасць спартыўнай навукі і ў той жа час выконваюць важную ролю адносна іншых феноменаў, такіх як мастацтва, музыка, эканоміка і г.д.

Да падставовых напрамкаў у даследаванні спартыўнай навукі неабходна аднесці наступныя: відовішча і спрыянне відовішчу ў спорце; музыка і рух; спорт і рэкрэацыя (адпачынак, правядзенне вольнага часу); спорт і здароўе; спорт і разнастайныя сацыяльныя групы; спорт і mass media; агрэсія і гвалт у спорце. Спіс гэтых асноўных кірункаў у даследаванні спартыўнай навукі можа быць працягнуты. Названыя прадметныя палі выступаюць проста ў якасці прыкладаў. Іншыя прапазіцыі, якія могуць брацца пад увагу, выглядаюць так: спорт і адміністраванне; спорт і навакольнае асяроддзе; спорт і працягласць жыцця і г.д. Яны не трапляюць у дадзены аналіз толькі з-за абмежаванняў па аб'ёме публікацыі.

Пазначаныя асноўныя напрамкі спартыўнай навукі маюць падставы галоўным чынам у інтэграцыі тэорыі і ведаў: ад палёў тэарэтычных да палёў спартыўна-спецыфічных. Такім чынам, інтэрдyscyплінарная і інтэгрэтыўная парадыгмы выкарыстоўваюцца ў сувязі з патрабаваннямі названых вышэй прадметных палёў. Спіс жа асноўных суб'ектных палёў можа і павінен быць працягнуты. Дзеля таго каб утрымацца на ўзроўні з пэўнымі сістэматычнымі крытэрыямі і лагічным падыходам, вышынёў абстракцыі, нельга пакідаць проста так у гэтым магчымым працэсе напрацоўкі ведаў пытанне дастасавання новых асноўных прадметных палёў.

Новыя асноўныя прадметныя палі паўстаюць ў адпаведнасці з працэсам пашырэння ўплыву спорту на грамадства. Таму трэба падкрэсліць, што такія з'явы, як відовішча, музыка, рэкрэацыя, здароўе, сродкі масавай інфармацыі, функцыянаванне адмысловых сацыяльных груп і г.д., знаходзяць сваё ўвасабленне ў значнай ступені толькі напрыканцы ХХ ст., калі ў чалавечай супольнасці ўсё больш і больш пачынаюць дамінаваць такія тэндэнцыі, як дэмакратызацыя, лібералізацыя, эмансціпацыя і гуманізацыя. Зразумела, што спартыўная навука як адносна маладая галіна сацыяльных ведаў, якая раней у асноўным знаходзілася ў сістэме ведаў іншых навук, на сучасным этапе імк-

нецца да ўсё большай акрэсленасці: дакладнага вызначэння мэты і прадмета даследаванняў, выяўлення асноўных задач, распрацоўкі тэрміналагічнага апарату і інш.

Згодна з падыходам прафесара Х. Хаага можна вызначыцца з наступнымі найбольш важнымі накірункамі прадметных палёў у навуцы пра спорт адносна іх сувязі з сацыяльна-філасофскімі падставамі.

Табліца. – Асноўныя напрамкі прадметных палёў [2, р. 81]

Асноўныя прадметныя палі	Галоўная падстава	Адносіны да спецыфічнага спартыўнага поля	Адносіны да тэарэтычных палёў	Заўвагі
1. Відовішча і спрыянне відовішчу ў спорце	Відовішча	Тэорыя руху	Спартыўная медыцына і спартыўная псіхалогія	Відовішча як норма жыцця
2. Музыка і рух	Музыка		Спартыўная педагогіка і спартыўная псіхалогія	Новаствораны рух
3. Спорт і рэкрэацыя	Адпачынак (рэкрэацыя)	Гульнявая тэорыя	Спартыўная педагогіка і спартыўная сацыялогія	Бягучая непасрэдная тэматыка
4. Спорт і здароўе	Здароўе	Тэорыя трэнінгу	Спартыўная медыцына і спартыўная псіхалогія	Здароўе як важная сусветная праблема
5. Спорт і адмысловыя групы	Адмысловыя групы	Тэорыя руху	Спартыўная псіхалогія і спартыўная педагогіка	Цесныя сувязі з адаптацыйнай фізічнай адукацыяй
6. Спорт і mass media	Mass media	–	Спартыўная сацыялогія і спартыўная псіхалогія	Адносіны да камунікацыйнай навукі
7. Агрэсія і гвалт у спорце	Агрэсія і гвалт	–		Важная сацыяльная праблема

Паказаная мадэль становіцца лепш зразумелай, калі кожны яе элемент будзе сцісла прадстаўлены ў адпаведнасці з наступным планам:

- 1) спорт у перспектыве адносна прадметнага поля;
- 2) апісанне прадметнага поля;
- 3) прыклады для адпаведных абшараў;
- 4) дэфініцыя прадметнага поля, што маецца ў навуковай літаратуры.

Аналіз дадзенай мадэлі праводзіцца па вызначаных накірунках ў наступнай паслядоўнасці: спорт і відовішча; спорт і музыка; спорт і рэкрэацыя; спорт і здароўе.

Спорт як відовішча

Спорт – гэта адна з магчымасцей рэалізацыі відовішча, галоўным чынам маторыка-арыентаванай (разам з кагнітыўнымі і афектыўнымі элементамі), на падставе індывідуальна дыферэнцыяванага спрыяння відовішчу. Відовішча выглядае як інтэгральная частка спорту і ўдзелу ў спорце на ўсіх узроўнях яго рэалізацыі. Спорт, такім чынам, дае магчымасці развіваць упэўненасць у сабе і адчуваць самапавагу праз актуалізацыю адносін падчас выступлення. Такія адносіны ў аспекце пазітыўнага развіцця асобы могуць быць падтрыманы праз захапленне фізічнай дзейнасцю і спортам.

Відовішча як інтэгральная частка спорту ёсць, з аднаго боку, працэс, а з другога – прадукт спартыўнай актыўнасці. Відовішча можа быць вымерана і ацэнена. Далей, відовішча становіцца нарматыўным, а гэта азначае, што яно з’яўляецца аптымальным рашэннем задачы руху. Відовішча выступае як вельмі складаны феномен з-за сваіх разнастайных фактараў, што ствараюць пэўныя перадумовы. Такім чынам, відовішча паўстае як вельмі неаднароднае ў тэарэтычным плане спартыўнай навукі і таму ў некаторых выпадках не зусім зразумелае ў сваёй прыналежнасці да спорту.

З боку спартыўнай медыцыны відовішча падаецца як сіла, што можа вымярацца пры фіксацыі напругі за адзінку часу. Тут вельмі важнае значэнне маюць такія аспекты фізіялогіі, як сэрца, сістэма цыркуляцыі, дыханне, метабалізм, а таксама артапедыя (звязкі, сухажыллі, косці), якія адыгрываюць не менш значную ролю ў спартыўным саборніцтве. Калі ўзяць, да прыкладу, спартыўную біямеханіку, то відовішча часта можа быць вызначана проста ў фізічных адзінках вымярэння.

Больш складаная сітуацыя ў адносінах да спартыўнай псіхалогіі. Спартыўнае выступленне як відовішча залежыць ад генетычных кампанентаў (таленту) і ад спецыфікі навучальных працэсаў. Так, матарычныя навучальныя працэсы з’яўляюцца істотнымі для дасягнення доўгатэрміновай падтрымкі маторыкі паводзін. Вельмі важным аспектам сучаснага спорту падаецца таксама эротыка. У спорце заўсёды можна знайсці эратычнасць, таму што спорт – гэта непрадказальнасць рухаў, а пэўны рух заўсёды нараджае неардынарныя эмоцыі.

З пункту гледжання спартыўнай педагогікі спартыўнае выступленне з’яўляецца, галоўным чынам, рэлятывісцкім. Гэта абазначае, што выступленне ў спорце залежыць ад тых фактараў, якія адносяцца да індывіда: напрыклад, ступень складанасці задачы, індывідуальнае ўменне (здольнасць) выступлення і згода выступаць.

Сацыялогія спорту аналізуе спартыўнае выступленне як сутнасць, што ўспрымаецца перш за ўсё візуальна і залежыць ад наступных аспектаў: сацыякультурныя варункі; адносіны ў межах спартыўных груп; нормы ў грамадстве пры эвалюцыі спартыўнай дзейнасці.

З гістарычнага пункту гледжання відовішча заўсёды мае сувязі са спортам. Развіццё відовішча ў спорце час ад часу мелася на мэце і будзе такім далей. Аднак трэба заўважыць, што некаторыя дысцыпліны спорту (асабліва тыя, якія маюць дачыненне да сантыметраў, грамаў, секундаў) робяцца больш роўнымі ў абсалютным значэнні, і іх наступнае развіццё можа быць прадбачаным.

Што да філасофіі спорту, то з філасофска-антрапалагічнага пункту гледжання сістэма спартыўнага відовішча з’яўляецца часткай падставы паводзін як узору для чалавека. Чалавек, аднак, павінен сам свабодна вызначаць на конт выступлення ў спорце і разумець свае індывідуальныя магчымасці на саборніцтвах. Удзел у спорце сёння з’яўляецца часта рызыкаўным. Гэта адносіцца да атлетаў высокага класу ў прафесійным спорце, дзе рэалізацыя чалавечага патэнцыялу падаецца як абсалютная. Выступленне з адноснай перспектывай можа быць прааналізавана з філасофскага ці антрапалагічнага пунктаў гледжання.

Праз вызначэнне спартыўнага відовішча ў святле згаданых вышэй тэарэтычных палёў спартыўнай навукі становіцца зразумелым, як комплекснае і разнастайнае відовішча існуе ў спорце. Такім чынам, дыферэнцыянаванасць меркавання становіцца неабходнай, калі справа датычыцца менавіта спартыўнага відовішча.

Шэраг наступных поглядаў з’яўляецца прыкладам таго, што ўяўляюць сабой падставы ведаў асноўнага прадметнага поля (выступленне і відовішча), а таксама ўменне выступаць (удзельнічаць) у спорце. Паводле з Х. Мэхлінга [4, s. 230–251], тут можна выкарыстаць наступны падыход: аналіз паняцця «відовішча» («выступленне») у спорце; перадумовы для рэалізацыі выступлення ў спорце; падстава пабудовы чалавечага цела

як перадумова для выступлення; уменне выступаць; структура рэалізацыі відовішча; вынік выступлення (спартыўнае спаборніцтва).

Э. Хан і В. Баўман [3, s. 223–225] вызначаюць выступленне (спаборніцтва) у дачынненні да спорту наступным шляхам. Выступленне – гэта працэс і прадукт спартыўнай дзейнасці. Часта патрэбы вымагаюць ад індывіда тое, што завецца «выступленне-спектакль», альбо «выступленне-гульня». У асноўным выступленне з’яўляецца вынікам дзейнасці, працэдур і працэсу. У святле нарматыўнай інтэрпрэтацыі яно падаецца як паспяховае і аптымальнае вырашэнне задачы. У грамадскіх навуках залежнасць вынікаў выступлення базуецца на дадзеных уменнях і рэалізацыі працэсу вонкавага ўплыву і навучання. Па-за дэфініцыяй, што арыентавана на спорт, падаюцца наступныя інтэрпрэтацыі ў спорце: антрапалагічныя, культурныя, адукацыйныя, сацыялагічныя, эканамічныя і фізічныя.

Найменш даследаванымі ў спорце з’яўляюцца эратычныя аспекты яго функцыянавання. Калі на экране тэлевізара маладая загарэлая дзяўчына павольна аблізвае губы і замірае ў чаканні, а яе высокія пругкія грудзі, шчыльна абцянутыя тонкай матэрыяй, нярвова ўздымаюцца, то на самой справе гэта толькі эпізод спартыўнага спаборніцтва, які папярэднічае хуткаму старту. Сучасны спорт, які імкліва ператварыўся ў прыцягальнае відовішча, робіць шмат чаго, каб надаць спаборніцтвам імідж сексуальнасці. Варта больш уважліва прыглядзецца да спартыўнай формы, якую выкарыстоўваюць атлеты. Менавіта таму не выклікае аніякага здзіўлення рашэнне Міжнароднай федэрацыі валеябола, каб жанчыны ў абавязковым парадку прымянялі спецыяльныя купальнікі, якія шчыльна абцягваюць фігуру. Неаднойчы было праверана і падлічана, што спаборніцтвы па папулярных відах спорту прыцягваюць тэлеаўдыторыю ў сотні разоў большую, чым трансляцыі выступленняў сусветна вядомых спевакоў. Разам з тым заўважана: чым больш эратычны від спорту, тым большая ў яго аўдыторыя. Абсалютныя лідары ў спорце – фігурнае катанне і мастацкая гімнастыка, а таксама лёгкая атлетыка, плаванне. Прычыны павышанай цікавасці з боку мужчын можна ўбачыць у наступным: тут спаборнічаюць сімпатычныя дзяўчыны з рамантычна-паэтычнымі выразамі твару, іх выступленні часта адбываюцца пад музыку. Існуе нават цэлая тэорыя пра тое, што гімнастка на бярвяне з’яўляецца спартыўным адлюстраваннем стрыптызёршы на шасце. А ўвогуле мае яшчэ месца простае захапленне дзявочай вытанчанасцю і майстэрствам.

У апошні час усё большае захапленне з пункту гледжання эротыкі мае лёгкая атлетыка і біч-волей (пляжны валеябол). Зараз, асабліва калі спартыўная форма стала яшчэ больш адкрытай і вельмі абцягвае цела, адбыўся новы ўсплеск папулярнасці. Да гэтага трэба дадаць, што спаборніцтвы па лёгкай атлетыцы ці біч-волею самі па сабе ўзбуджаюць, нараджаюць цэлы шквал эмоцый сваёй непрадказальнасцю, натуральнасцю, нейкім першабытным дзікунствам. І эротыка тут толькі падаграе інтарэс: рэльефныя мышцы, імклівыя рухі, адкрытыя ногі, вільготныя майкі на целе... Жанчынам па традыцыі падабаюцца больш футбол і хакей. Але яны таксама ахвотна ходзяць на спаборніцтвы па плаванні і ватэрполе, дзе перад імі паўстаюць прыгажуні двухмятровага росту. Аднак у жанчын не карыстаюцца поспехам практычна ўсе віды барацьбы, якія, у сваю чаргу, знаходзяць водгук у прадстаўнікоў сэкс-меншасцяў. Натуральна, што такое становішча рэчаў прымушае спартоўцаў надаваць сабе адпаведны імідж. Напрыклад, да спаборніцтваў зараз неабходна рыхтавацца загадзя, каб атракцыйна выглядаць перад тэлекамерамі: робіцца манікюр-педыкюр, з дапамогай хіміі прыводзяцца ў належны выгляд валасы, падвяргаюцца галенню ногі і іншыя часткі цела, накладваецца спецыяльны ўстойлівы макіяж, прымаюцца араматычныя ванны. Такім чынам, прыгожая спартыўная форма, фізічна прыцягальная пабудова цела, увага гледачоў, адчуванне асабістай прыватнасці надзвычайна павышае эмацыйны тонус: хочацца не толькі прыгожа выглядаць, але і прыгожа перамагаць. Таму няма нічога дзіўнага ў тым, што на старонках часопіса

«Playboy» усё часцей з'яўляюцца спартсменкі. І яшчэ адзін вельмі важны момант. Эратычная прыцягальнасць спорту мае велізарны крэатыўны патэнцыял. З яе дапамогай можна адарваць моладзь ад алкаголю і наркатыкаў. Да таго ж спартыўныя сэкс-зоркі ўсё робяць «на жыва», «live», без так званай фанаграмы.

Увогуле, цела як аб'ект спартыўнай дзейнасці з'яўляецца важным матывацыйным аспектам на ўзроўні як прафесійнага, так і аматарскага спорту. Асабліва дакладна гэта праяўляецца ў бодыбілдынгу, джогінгу, сумо, фітнэсе і г.д. Увасабленне старажытнагрэчаскай ідэй гарманічнага развіцця чалавека ў нашы дні знайшло сваю рэалізацыю ў ідэалах чалавечай прыгажосці, і для таго, каб мець прыгожую фігуру, неабходна надаць ёй адпаведныя формы, што немагчыма без пэўнай фізічнай падрыхтоўкі. Менавіта адносіны да чалавечага цела сталі прычынай далучэння да спорту велізарнай колькасці дзяўчын і маладых жанчын, якія імкнуцца палепшыць альбо захаваць сваю прывабнасць. Дэманстрацыя прыгажосці чалавечага цела ў канцы XX – пачатку XXI ст. перажывае сапраўдны бум. Шматлікія конкурсы «Miss Europe», «Miss World» сталі імкліва дапаўняцца рэгіянальнымі і нацыянальнымі конкурсамі. З пункту гледжання спорту такія мерапрыемствы маюць практычна ўсе атрыбуты спаборніцтваў і ў той жа час вельмі блізкія да мастацтва. Варта дадаць, што да сістэмы міжнародных спаборніцтваў па фітнэсе, дзе шырока дэманструецца прыгажосць чалавечага цела (што, дарэчы, у даволі вялікім аб'ёме трансліруе тэлеканал «Eurosport»), можна далучыць чэмпіянат Украіны па стрыптызе 2003 года, які таксама быў паказаны па тэлебачанні. Удзельніцы гэтага першынства выступалі згодна з загадзя распрацаванай праграмай, прычым шмат якія ключавыя моманты з яе арганізацыйна нагадвалі тое, што звычайна назіраецца ў спаборніцтвах па мастацкай гімнастыцы ці фігурным катанні.

Музыка і рух

Спорт з'яўляецца адной з форм руху, дзе адносіны паміж музыкай і рухам могуць быць рэалізаваны на вельмі высокім узроўні. Адпаведна з метадамі выступлення ў спорце можна налічыць тры тыпы дысцыплін: а) віды спорту на падставе сантыметраў, грамаў і секунд; б) мастацкія віды спорту; і в) спартыўныя гульні. Зразумела, што сувязь музыкі і руху можа быць рэалізавана найлепш у групавых мастацкіх відах спорту, такіх як рытмічная калістэніка, вольныя практыкаванні ў гімнастыцы, фігурнае катанне, катанне на роліках, сінхроннае плаванне, лыжны балет і г.д. Уключэнне музыкі ў спартыўную дзейнасць задаваляе чаканні многіх людзей, што займаюцца спортам. Гэта такія формы, як аэробіка, танцы, спартыўны тэатр і калістэніка, што базуюцца на музыцы і становяцца ўсё больш і больш папулярнымі. Такім чынам, спорт і музыка не выключаюць адно другое, а, наадварот, маюць шмат агульных рысаў.

Калі музыка і рух датасоўваюцца адно да другога, то абодва гэтыя аспекты ўзаемадзейнічаюць. Гэта можа быць рэалізавана двума наступнымі шляхамі:

- 1) музыка з'яўляецца базай, і яна спрабуе адпавядаць руху; затым рухавыя паводзіны ахопліваюць інтэрпрэтацыю музыкі праз свае адэкватныя формы;
- 2) пэўныя рухавыя формы з'яўляюцца практыкаваннямі, і яны ствараюцца для адпаведнай музыкі, каб яна потым акампанавала гэтым рухам.

У абодвух выпадках музычнае гучанне адпавядае руху паводзін. Сучасная генерацыя людзей лічыць камбінацыю музыкі і рухаў вельмі важнай. Адбываецца так, што музыка займае ўсё большую і большую частку навучальнага працэсу ў сферы фізічнай дзейнасці.

З адукацыйнага пункту гледжання музыка і рух уяўляюцца як цэнтральныя аспекты адукацыі, што накіраваны далей да культуры. Можна вызначыць наступныя элементы, якія паўстаюць як прыклады асновы ведаў галоўнага прадметнага поля спартыўнай навукі ў накірунку да музыкі і руху. Напрыклад, П. Роціг [6, s. 252–261] аналізуе гэ-

тыя ўзаемасувязі так: музыка і школьны спорт; музыка і спорт па-за школай; музыка і трэнінг у спорце; музыка і рух у адмысловай адукацыйнай сістэме; музыка і рух у тэрапіі; музыка і рух у рэабілітацыі.

Каб лепш зразумець суадносіны музыкі і руху, трэба ўзяць пад увагу два галоўныя тэрміны: «рытм» і «рытміка», – якія інтэрпрэтуюцца ў [5, s. 302–303]. Рытм з’яўляецца дынамічна згрупаваным, структурызаваным, з падкрэсленым ударэннем у частцы працэсу, які дэтэрмінаваны патрэбай і (альбо) індывідуальна выбранай часовай схемай. Чысціня рытму рэалізуецца паўтарэннем роўных альбо падобных партый. Партыі рухавага працэсу, які можа быць складзены з рытмічных комплексаў, з’яўляюцца матарычным спрытам, што можа быць прызнана (адобрана) і адзначана (адрознена) адно ад другога значэннямі лічбы, прасторы, часу, энэргіі ва ўсіх іх кампанентах. Групавы рытм з’яўляецца рытмічным парадкам, прынятым некалькімі індывідамі адначасова ў аднолькавых альбо падобных рухавых формах. У спартыўнай навуцы ранг разумення рытму вядзе ад метафізічнай да біямеханічнай інтэрпрэтацыі. Вельмі часта рытм руху падаецца ў сувязі з эстэтычнымі, эканамічнымі ці гарманічнымі якасцямі. Такім чынам, рытм сімвалізуе натуральныя, арганічныя, арыгінальныя, прыгожыя, дакладныя і інш. формы руху. Рытміка падаецца як музычная адукацыя. Рытміка спрабуе выкарыстаць у рытмічных задачах узаемныя суадносіны руху, музыкі і мовы дзеля камунікацыйных і крэатыўных працэсаў на шляху да свядомасці. Дасягнуць мэтай рытмікі можна праз рацыянальныя паводзіны, накіраваныя на аб’ект і сітуацыю з выкарыстаннем пачуццёвых якасцей, такіх як слых, зрок і чуласць.

Спорт і рэкрэацыя

Спорт дае магчымасць задавалення праблемы вольнага часу. Паходжанне слова «спорт» (ад лац. *disportare* да англ. *to disport* – «узяць адпачынак», «мець забаву», «узнавіць сілы») паказвае на перспектывы вольнага часу, пра які можна дыскутаваць ад пачатку індустрыялізацыі ў Англіі XIX ст. Крок за крокам спорт стаў важным фактарам сацыяльнага жыцця. Сёння спорт у сувязі з рэкрэацыяй і вольным часам паўстае ўсё больш і больш звычайнай справай для ўсяго грамадства.

Рэкрэацыя, альбо вольны час у спорце, з’яўляецца формай фізічнай актыўнасці на волі ў часовай перспектыве. Спорт як нельга лепш падыходзіць сюды (спорт пасля працы на ўікенды і дні вольныя ад работы, на вакацыях, падчас перыяду беспрацоўя). Важнасць рэкрэацыйнага спорту, спорту ў вольны час пастаянна ўзрастае разам са скарачэннем працоўнага тыдня. Такім чынам, гэтая форма спорту не можа выглядаць больш значнай толькі пад крытэрыямі рэлаксацыі і ўзнаўлення працоўнай сілы. Да пэўнай ступені гэта мае сваю асаблівую каштоўнасць у якасці ўкладу ў задавальненне жыццём. Гэта характарызуецца такімі аспектамі, як самастойная актыўнасць, крэатыўнасць, супрацоўніцтва і камунікацыя. Спорт і вольны час часта рэалізуюцца ў гетэрагенных групах з улікам узросту, полу і адпаведнай фізічнай падрыхтаванасці. Шмат якія арганізацыі прапануюць наступную сістэму ўключэння ў фізічную дзейнасць: спартыўныя клубы, супольнасці, таварыствы, прыватныя кампаніі. Вольны час і спорт прызнаны як адказныя за палітыку ў сферы адукацыі і здароўя. Тым не менш ідзе даволі цяжкая барацьба за адэкватную фінансавую падтрымку. У межах школьнага спорту адна з галоўных мэт заключаецца ў адукацыі і матывацыі дзяцей на рэалізацыю ў сферы спорту для выкарыстання дасугу. Такі падыход мае рацыю з прычыны стомленасці дзяцей школай, а ў пазашкольным жыцці, асабліва пасля заканчэння вучобы, неабходным з’яўляецца замацаванне арыентаванасці на актыўны адпачынак.

Некалькі наступных прыкладаў акрэсліваюць веды ў галоўным прадметным полі «спорт і рэкрэацыя». Гэта мэтавыя групы і ўдзельнікі; сацыякультурныя дэтэрмінанты; мэты і задачы; змест; метады, якія выкарыстоўваюцца; рэкрэацыйныя віды спорту ў іх

навучальным значэнні. Дж. Дзекерт [1, s. 139–140] вызначае «вольны час у спорце» наступным чынам: пад крытэрыем дасугу ў спорце абазначаюцца заняткі спортам пасля працы ў час, што выкарыстоўваецца штодзённа як неабходны (як для сну, даезду да працы, на абед, на гігіенічныя працэдуры). Можна сцвярджаць, што спорт рэалізуецца тады, калі працоўная энэргія рэпрадукуецца. Важнасць спорту адносна актыўнай рэкрэацыі штодня – неабходная справа, якая залежыць ад скарачэння працоўнага часу і ад павелічэння магчымасцей для ўдзелу ў фізічнай дзейнасці ў выглядзе гульні.

Адпачынак праз спорт з’яўляецца адасобленай формай спорту, калі зыходзіць з мэтай, форм, перадумоў, рэалізацыі вынікаў і кошту ў гэтай сферы. Такое размежаванне адпавядае ягонаю структураю. Рэкрэацыя, кампенсацыя і рэпрадукцыя чалавечых жыццёвых сіл тэарэтычна маюць права на рэалізацыю ў дачыненні да рэлаксацыі праз спорт. Яны захоўваюць, аберагаюць і кантралююць правы чалавека як індывіда на рух, гульню, радасць, зносіны і магчымасць самарэалізацыі падчас правядзення дасугу ў спорце. Тут гамагенічныя групы падзяляюцца ў адпаведнасці з узростам, полам і ўзроўнем фізічнай падрыхтаванасці. Яны маюць магчымасці пры выкарыстанні практыкаванняў, гульні і спаборніцтваў крыху змяняць правілы. Свабодныя метады, дэмакратычныя рашэнні і самаарганізацыя павялічваюць асабістую актыўнасць і творчасць індывідаў. Грамадскае ўзаемадзеянне, камунікацыя, салідарнасць, партнёрства і супрацоўніцтва робяць жыццё чалавека багацейшым. Спартыўнае абсталяванне і інвентар для правядзення дасугу арыентаваны на патрэбы карыстальнікаў. Яны з’яўляюцца лёгкімі ў эксплуатацыі, маюць шматнакіраванае прызначэнне і характарызуюцца сваёасаблівым «заклікам» да спаборніцтваў, альбо, другімі словамі, запрашаюць, вабяць і ўзбуджаюць, а таксама дазваляюць рабіць спробы, рызыкаваць, эксперыментавать, вынаходзіць і займацца творчасцю.

Заклученне

XX стагоддзе ў цэлым мела для спорта выключнае значэнне. Калі прасачыць дынаміку ўзнікнення, станаўлення, развіцця, функцыянавання і распаўсюджвання спорту, то можна вызначыць некалькі падставовых этапаў ягонага ўзвышэння. Яны ў значнай ступені звязваюцца з адпаведнымі перыядамі сацыяльна-эканамічнага развіцця тагачаснага грамадства і яскрава дэманструюць патрэбы шырокіх колаў публічнасці да новага феномену. Пачатак мінулага веку характарызаваўся пераважна арганізацыйнымі намаганнямі розных грамадскіх дзеячоў у справе стварэння мясцовых, рэгіянальных, нацыянальных і міжнародных аб’яднанняў у галіне спорту. Найважнейшым вынікам тут можа лічыцца ўзнікненне Міжнароднага Алімпійскага камітэту, які да гэта часу з’яўляецца самай буйной і ўплывовай няўрадавай арганізацыяй на свеце. Спорт дзякуючы імклівай дынаміцы свайго развіцця вельмі хутка стаў аб’ектам зацікаўленасці вялікай колькасці людзей і на якасна новым узроўні свайго функцыянавання вызначыўся як паказальнік рэалізацыі магчымасцей чалавечага арганізма, а знакаміты алімпійскі дэвіз «*Altius. Fortius. Citius*» найлепш адпавядаў сфармаваным на той час сацыяльным рэаліям. Больш за тое, спорт пачынае набываць прафесійны статус, узнікае адпаведная інфраструктура, і сам ён ператвараецца ў вялікі бізнэс. У сувязі з гэтым адбываюцца сутнасныя змяненні самой дактрыны спорту: падыход да спартыўнага спаборніцтва ўвасабляецца ў паняцці «перамога за ўсялякі кошт», сама перамога падаецца ўжо не толькі як мэта кожнага спаборніцтва, а як адзіная мэта, да якой неабходна імкнуцца без разбору ў сродках. У канцы XX ст. спорт дэманструе ўяўна бачныя прыкметы культурнага і маральнага крызісу, што па вялікім рахунку павінна было б стаць прадметам навуковых даследаванняў і дыскусіяў, але, на жаль, гэтага не адбылося ў той ступені важнасці, што патрабуе дадзенага праблематыка.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Dieckert, J. Freizeitsport / J. Dieckert // Sportwissenschaftliches Lexikon / P. Röthig (red.). – Schorndorf : Hofmann, 1983. – S. 139–140.
2. Haag, H. Theoretical Foundation of Sport Science as a Scientific Discipline. Contribution to a Philosophy (Meta-Theory) of Sport Science / H. Haag. – Schorndorf : Hofmann, 1994. – 167 p.
3. Hahn, E. Leistung / E. Hahn, W. Baumann // Sportwissenschaftliches Lexikon / P. Röthig (red.). – Schorndorf : Hofmann, 1983. – S. 223–225.
4. Mechling, H. Leistung und Leistungsfähigkeit im Sport / H. Mechling // Theorie- und Themenfelder der Sportwissenschaft / H. Haag, B. G. Strauß, S. Heinze (red.). – Schorndorf : Hofmann, 1989. – S. 230–251.
5. Röthig, P. Rhythmik/Rhythmus / P. Röthig // Sportwissenschaftliches Lexikon / P. Röthig (red.). – Schorndorf : Hofmann, 1983. – S. 302–303.
6. Röthig, P. Musik und Bewegung / P. Röthig // Theorie- und Themenfelder der Sportwissenschaft / H. Haag, B. G. Strauß, S. Heinze (red.). – Schorndorf : Hofmann, 1989. – S. 252–261.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.09.2016

Lukievic U.P. Updating of the Social Philosophical Research in Sport Science in the 20th Century

Emergence, formation, development, functioning and distribution of model of modern sport are inseparably linked with those processes which happened during the XX century. At this particular time there were cardinal high-quality changes which affected the destiny of this public phenomenon. Sport has overcome a rapid way from a modest spending of free time, perception of it by wide social circles as a waste of human life energy to the heights of professional activity. The author of the article concentrates attention on a number of social and philosophical aspects of formation of fundamental research fields of sport in the system of scientific knowledge which arose in the last century. This situation can be described as follows: when the society is a new quality that evokes universal interest, it must be scientifically meaningful. This approach allows carrying out the analysis of sport as sociocultural phenomenon from the point of view of nonclassical philosophy.

УДК 101.1:316

С.Г. Павочка*канд. филос. наук, доц., доц. каф. общественных наук
Гродненского государственного аграрного университета***ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА
В ИСТОРИСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЕВРАЗИЙСТВА**

В статье рассматриваются особенности интерпретации в эмигрантском наследии евразийства социально-политических и культурно-цивилизационных реалий российского общества начала XX в. Показана специфика осмысления евразийцами революционной катастрофы в России, российской культуры и истории, социально-политической практики. Обосновано положение о попытке совмещения в историсофских изысканиях евразийства теоретического наследия русского западничества и славянофильства, логически завершившееся обоснованием и разработкой «третьего пути» развития России. Теоретической связкой между различными сферами общественной жизни и основой интеграции социума у евразийцев выступила концепция многонародного (симфонического) субъекта русской истории. В своих конкретных проявлениях данный субъект обнаруживает устойчивое тяготение к «восточным» основаниям собственной культуры и к Востоку как к особому цивилизационному типу.

Введение

Как идейное движение общественной и философской мысли евразийство оформилось в условиях русской эмиграции «первой волны» в начале 20-х гг. XX в. В своих кругах оно объединило младшее поколение русской интеллигенции, оказавшееся волею судеб вне Отечества и пытавшееся осмыслить суть произошедшей в России революционной катастрофы, историческое предназначение русского народа, специфику русского исторического пути и русской духовности. Евразийство существенным образом выделялось в общем идейном контексте русской эмиграции предельной радикальностью постановки «русской проблемы», пытаясь теоретически совмещать западнические и почвеннические традиции историсофского осмысления ключевых спецификаций «русского пути», достаточно часто обозначаемого самими мыслителями как «третий путь» России – срединная стратегия движения между оторванным от национальных истоков западничества и ультраконсервативностью славянофильства. Историсофские изыскания евразийских мыслителей привели их к обоснованию во многом принципиально новой генеалогии русской истории и культуры, более близких как собственному «внутреннему» восточному вектору развития российской культуры, так и «внешнему» по отношению к ней Востоку. Сконструированная теоретически модель стратегии русского пути приводила к мысли о необходимости движения к «Востоку» как более отвечающему внутренней сущности и перспективам развития российского общества и государства. Теоретической связкой между различными сферами общественной жизни, основой интеграции российского общества и включения его в магистральные тенденции мирового развития у евразийцев выступила концепция многонародного (симфонического) субъекта русской истории. Именно в качестве такового многосоставного исключительно сложного целого, согласно мыслителям, должен быть понят российский социум, идентифицирующий себя в предельно широком цивилизационном и культурно-историческом контексте современности.

Поскольку симфоническая личность реальна, то она необходимо должна обладать и формой своего личного бытия. Форма бытия коллективной личности определяется как система взаимоотношений между актуализирующими данную симфоническую личность индивидуумами. Эта система пространственно и временно превышает эмпирическую индивидуальную личность. В эмпирической жизни симфонической личности

наличествуют ее прошлое (как традиция) и будущее (желания, цели). Но полнота симфонической личности, сама симфоничность, или соборность, не осуществима опытно: «осуществленность соборности предполагает, что всякий акт симфонической личности является свободным согласованием всего множества индивидуальных актов, которые “слагают” соборный и осуществляют в нем каждый свое» [1, с. 149]. Полнота симфонической личности выше эмпирических пространственно-временных разъединений, выше необходимости и свободы, бытия и небытия. Данная полнота, по мнению евразийцев, может быть осуществима только в Церкви, но не в эмпирической жизни, в которой неизбежны неполнота соборности, ограничение личности и свободы. Неизбежными в эмпирической жизни являются пассивность и угнетаемость, насилие и сопротивление ему, принуждение и согласие.

Для Л.П. Карсавина начало принуждения ассоциируется с началом власти, характеризующим систему, выражающую в опыте симфоническую личность. Сознание и воля симфонической личности находят свое воплощение в правящем слое. Несмотря на то, что последний выражает волю и сознание симфонической личности несовершенно (наиболее рельефно указанное несовершенство выражается в противопоставлении правящего слоя остальному обществу) и ограничено, в реальной жизни коллективная воля осуществляется через принуждение. Напряжение между правящим слоем и государственной властью с одной стороны, и «подданными» с другой аккумулируется во внутренних конфликтах индивидуального сознания, в борьбе «эгоистических» (личных, классовых) мотивов с «государственными», «патриотическими».

К этому политическому качественному симфонической личности в той или иной степени причастны все индивидуумы. Наиболее «политически» сознательные и действенные элементы образуют правящий слой. До революции в России в качестве такового выступало интеллигентное общество, включавшее в свой состав и революционеров, и правительство. Из правящего слоя правительство вырастает органически, оно эмпирически выражает онтологический факт, как реальное единство симфонической личности. Онтологически власть возводится евразийцами к Богу, поскольку «Бог творит всякую личность: и индивидуума, и народ, и культуру» [1, с. 150]. Онтологический генезис власти вместе с тем нельзя смешивать с конкретной эмпирической властью. Эмпирический мир – мир греховный, именно поэтому эмпирическая власть несовершенна. Перенесение же Божественности с принципа власти на ее эмпиричность означает языческое обожествление власти. Логическим следствием этого обожествления является обожение власти, делающее ее безошибочной и неизменной.

Божественному принципу иерархии Л.П. Карсавин противопоставляет Божественный принцип равенства. Абсолютная иерархия и абсолютное осуществление власти предполагают абсолютную демократию и абсолютное равенство. Эмпирический мир, однако, несовершенен. Не может быть эмпирической власти без насилия, жизни без мятежа. Эмпирически возможно лишь примирение старого с новым путем половинчатости и компромиссов, вечного баланса «тупого охранительства» и «дикого варварства». Эмпирически данная борьба неустраима. И это, по убеждению евразийцев, надо предпослать «розовеньким» надеждам на идеальное самодержавие и идеальную демократию. Примирение с неполнотой равенства и демократии означает и примирение с анархией и мятежами. Отождествление Божественного начала власти с эмпирической властью ведет к окостенению жизни, консерватизму старины; мятеж и анархия деструктивны по отношению к старому и к новому.

Симфоническая личность не обладает личным бытием, если в ней нет правящего слоя и правительства, отчетливых форм государственности. Полнота ее бытия ведет к росту самосознания и укреплению государственной власти: «поэтому в ранний, здоровый период истории народа и в периоды подъема его самосознания государственная

власть внешне предстает как единая и даже единоличная. Напротив, «рассеяние» государственности всегда является симптомом временного угнетения или даже умирания народа» [1, с. 152]. При этом воля народа не выявляется правящим отбором посредством опроса и бесед, парламентских структур и партий. Правящий слой органически вырастает из народа в себе, как в микрокосме, он выражает народный космос, оформляя возможности народа, и таким образом осуществляет свои собственные возможности. Это нормальное соотношение свидетельствует о национальной политике правительства, о «народности» политического деятеля, о «национальном» значении определенной социальной группы, партии или интеллигенции. Формы взаимного общения правящего слоя и «народного материка» возможны и в деспотии, и в крайней демократии. Отсутствие органической связи между народом и властью ведет к вырождению парламентаризма и кризису власти. К нему же приводит и внутреннее вырождение правящего слоя, когда он замыкается в себе и утрачивает органическую связь с народом. Правящий слой утрачивает способность понимать народ, он денационализируется и вырождается, чему может способствовать усвоение инородного опыта при естественном изживании своего собственного: «Чужое конкретно лишь у себя на родине и осваивается только в абстрактной форме. А все абстрактное своею мнимой ясностью и безжизненной простотою особенно привлекательно для разлагающегося и поэтому рационалистического сознания. Абстрактное – космополитично и “социологично”. Оно склоняется к утешительной вере в общеобязательный путь исторического развития и к признанию мнимого общего блага народным благом» [1, с. 157]. Во время своего служения правящий слой может быть и чужеродным. К примеру, создающие государственную власть в Киевской Руси варяги или прибывшие в запломбированных вагонах большевики, которые выводят Россию из анархии. С течением времени такой правящий слой ассимилируется или перерождается в народный, погибает или заменяется новым, в случае если не ассимилируется «народным материком»: «В период своего расцвета правящий слой не является ни сословным, ни классовым, как ни сословна государственная власть Франции при Генрихе IV и Ришелье, даже при Людовике XIV» [1, с. 157]. Отрыв от народа и «замыкание» правящего слоя в себе делают его сословным. Национальное и народное постепенно отходят на задний план. Этот отрыв от народа сопровождается неуклонным вырождением правящего слоя. Деградируя, он воспроизводит абстрактные и денациональные лозунги, замыкается в особую социальную группу, «сословие» или «класс». Трансформация элиты в сословие означает и утрату органического характера самого сословия, что наиболее полно воплощается в освобождении элиты от обязанностей при одновременном сохранении закрепленных за нею прав и привилегий. Правительство становится слабым, интеллигенция – будирующей внизу социальной лестницы, в сфере «управляемых» сохраняется слепая государственная стихия, которая при благоприятных условиях может снести правящую «верхушку» и содействовать формированию нового правящего слоя: «Длительный процесс вырождения правящего слоя, уничтожение его национальной государственной стихией и создание нового правящего слоя называют революцией» [1, с. 158]. Революция являет собой опасную болезнь симфонической личности, которая может привести не к созданию новой государственности, а к смерти государственности как таковой. В последнем случае сам народ превращается в простой этнографический материал. Вместе с тем, будучи явлением катастрофического порядка, революция неизбежна. Она ведет к разрушению образовавшегося барьера между политическим, социальным, экономическим и бытовым. Она «расплавляет» народную жизнь в политическом аспекте ее бытия: «В эпоху революции, – замечает Л.П. Карсавин, – революционной политикой становится не только писание бумаг, но и выпечка хлеба» [1, с. 159].

Первая фаза рэвалюцыі – гэта вырожджэнне і гибель старога правящага слоя. Прэжнія формы дзяржаўнасці і звязаны з імі сацыяльны строй як «стары рэжым» разбураюцца. Правячы слой тут не апінаецца, а бараба інтэлігенцыі з правяльствам інтэрпретуецца як бараба «народа» з властью. Ідэалогія гэтай інтэлігенцыі абретае статус выражэння чаяній народа, тагда как в дзейнасці ідэалогія інтэлігенцыі яўляецца ізмышленнай ці заімантаваннай, она лішь мніма фармуліруе ідэалы народа. Дзейнасці палажэнне, аднако, выгладзі іначэ: правячы слой і правяльства как яго орган пагібаюць в самаразлажэнні, аднім із праяўленій котораго і яўляецца бараба інтэлігенцыі з правяльствам. Сама рэвалюцыйная ідэалогія інтэлігенцыі прадстаўляе сабой рэзультат разлажэння старай дзяржаўнасці ідэалогіі. Элементарнасць і безжызненнасць любых прадрэвалюцыйных і рэвалюцыйных праектаў, праграм, тэорыі і «філасофіі» есць следствіе отміранія всего правящага слоя. Нічтожнасць інтэлігентскай ідэалогіі зримо падатверджаецца дзяржаўнасці негоднасцю інтэлігенцыі, когда она «рэвалюцыйна» пятаецца захаваць власть. Прымерамі тут могуць яўляцца Долгі парламент, францускае нацыянальнае сабраанне в эпоху рэвалюцыі, рускае врэманнае правяльства. У правящага слоя пастепенна ісчэзае воля к власти, а абратнай старонай гэто працэса яўляецца непаніманне дзейнасціных нуд і задач дзяржаўнасці і потэра пафа дзяржаўнасці.

Первая фаза рэвалюцыі неабходна преходзіць во вторую – в перыод т.н. анархыі. В ней ісчэзаюць і історычэская власть, і правячы слой, гібнуць отжывішыя формы дзяржаўнасці і прэжнэе політычэскае міравоззрэнне. Все падавергаецца сомніню, і інстынктыўная жызнь вытэсняя сазнатэльную. Подспудна, аднако, пратэкае бурны творчэскы працэс, звязаны са стрэманнем дзяржаўнасці стыхыі рэалізаваць сабя, асущэствляецца і паіск новай власти і правящага слоя. Потэра дзяржаўнасці аднаства прыводзіць к жызні «эгоізм» састваляючых дзяржаўнасці аднаств. В гэтых новых політычэскых абразаваніях жыве ідэа дзяржаўнасці, а ея асущэствленне трэбуе аканчэталнаго отдаленія старога от новаго і волі к дзяржаўнасці власти у фармірующэгося правящага слоя. Во всех фармірующыхся новоабразаваніях праяўляе сабя ідэа цэлага. Само же стрэманне к дзяржаўнасці аднаству можа выступать в качэствэ сацыалістычэскаго, пролетарскаго, рабочэ-крэстьянскаго дзяржаўнасці. Нельзя сказаць, что «рэвалюцыйная анархыя» не прызнае власть как яўленне політычэскай жызні, скорэе, в гэтой фазе кажды прызнае сабя властью і счытае сабя ея носітэлем. Дзяржаўнасці індывідуалізуецца і распаўляецца: «Рэвалюцыйная анархыя – как бы доведэнный до своэго прэдэла, но утраывшы свой началэ іерархыі фэадальны строй, не анархыя, а панархыя» [1, с. 171].

Воля народа к новай дзяржаўнасці выражаецца в паявлэнні на паверхнасці народнай жызні слоя насільствуючых, чэстолюбывых і фанатычых людэй, знаменующэ трэтью фазу рэвалюцыі. Дзяржаўнасці тэрае в ней свою історычэскую і рэлігійную легітымачыю. Власть становіцца грубой, а грубость становіцца імпонірующэй сілой, снова раздэляющэй народ на «управляющых» і «управляемых». Прэімушэствэнно пйтомнік новых носітэлей власти абразуецца старымі і актывнымі врагамі дорэвалюцыйнай власти – рэвалюцыйнамі тыпа злостных завістынкіков, рэвалюцыйных фанатыков; в значытэльной степені он абразуецца такжэ і дэкассіраванным і уголовнымі элемэнтамі, наіменэе цэннымі в плане моральных качэств.

Вознікающы рэвалюцыйны правячы слой не абладае ні дзяржаўнасці опытам, ні новымі ідэямі. Он жыве ідэалогіей інтэлігентскых рэвалюцыйнаров, т.е. дорэвалюцыйным ідэяным запасам, отвлэченным, бесплодным і нежызненным. Паскольку любой політычэскы акт нуджаецца і в осмысленні, і в ідэалогічэском абнаснованні, то ідэалогія как внашняя форма політычэскаго сазнанія особэнно неабхо-

дима в революционную эпоху, в которой все разрушается сомнением и значительным является желание ухватиться хотя бы за что-нибудь. Л.П. Карсавин соглашается с тем фактом, что идеологии в различной степени, хотя и не всегда совершенно отражают народное мирозерцание. Перед и во время революции идеологии это мирозерцание преимущественно искажают. Кроме этого, идеологии в большей степени начинают отражать прошлое и именно его проецируют в будущее. Идеологии многое приукрашивают и упрощают, тогда как настоящему нужны конкретные задачи и решения, которые могут быть осуществлены и альтернативными идеологиями. В целях определения будущих задач идеология может быть полезна только в самом общем необязательном виде, любая ее конкретизация и трансформация в обязательный принцип опасны: «Здоровая государственность живет не схематической, до деталей разработанной идеологией, а злобою сего дня, хотя злоба эта всегда идеологически осмысливается» [1, с. 173].

Идеология всегда пытается выразить абсолютные основания культуры народа, государства, она намечает культурно-национальные идеалы и миссию. Поэтому цели идеологии должны быть присущи любому государству. Евразийский теоретик именуется их «идейностью», находящей в идеологии свое ограниченное и несовершенное выражение. Вместе с тем «идейность» вне идеологии не уловима. Отсюда вытекает, что «идейность» и идеологию недопустимо отождествлять и что нельзя абсолютизировать идеологию. Именно это остается непонятым революционерами – якобинцами-коммунистами и контрреволюционерами-реставраторами в эмиграции.

В эпоху революции главенствуют «старорежимные» идеологии: идеология прежней власти (ее сторонниками являются те, кого революция испугала или обрекла на гибель в борьбе или в эмиграции). Эти идеологии бессильны. Далее следуют оппозиционные идеологии старого правящего слоя. Они, как и сформулировавший их правящий слой, однородны и обречены. Впоследствии из них могут быть реанимированы отдельные элементы, поскольку любая идеология отражает «идейность». Оппозиционные идеологии по причине их сравнительной пустоты могут пользоваться определенным кредитом доверия тем большим, чем радикальнее и проще идеология. Предельно простая и радикальная идеология наиболее коррелирует с элементарным сознанием масс и с немного более сложным сознанием правящего слоя: «По своей радикальности она способна удовлетворить и революционера-разбойника и даже уголовного преступника, который “отрекся от старого мира”, но сохранил свою преступность. Наконец, она может быть идеологией фанатиков ...абсолютно обосновать обуревающий их пафос борьбы и разрешения, который они считают пафосом творчества» [1, с. 174].

Утверждение революционной власти завязано на народное созидание ее необходимости, а также на простую и жесткую организацию, или «партию». Появление партии является свидетельством жизненности нового правящего слоя. Она позволяет проводить и, в случае необходимости, навязывать волю массам. Это может быть военная диктатура и партийная армия, военноподобная партия (якобинцы, коммунисты). Идеология и воля правящей партии конкретизируются в государственном аппарате, но часто превращаются в противоположное исходному замыслу. Через государственный аппарат конкретные нужды жизни заставляют партию давать на них ответы, адаптироваться к жизненной стихии. В государственном аппарате происходит слияние нового и старого. «Живя и действуя по мудрому примеру “болота” во французском Конвенте, старые люди невольно ассимилировались с новыми, как и обратно. И те и другие перерождаются в правящий слой ближайшего будущего, который рано или поздно заменит собой революционный правящий слой и делается основанием новой, пореволюционной государственности» [1, с. 178].

Возникновение подобного рода партии и воссоздание государственного аппарата – единственно возможный переход от дореволюционной «анархии» к новой государ-

ственности. При этом партия, захватывающая власть, агрегирует аккумулируемую в ней волю к власти с идеологией дореволюционных революционеров, в определенной степени содержательно, с одной стороны, отражающей народную стихию и, с другой – ее отрицающую. Подобные идеологии отрицают все старое (исключение составляет лишь одна из старых идеологий). Они могут находить свое конкретное воплощение в «пораженческих» настроениях эмиграции, настойчивом оспаривании признаков экономического и социального подъема. Во всем этом отражены типичные свойства революционера, готового отрицать действительность во имя будущего, которого не будет, или прошлого, которого не было. В равной степени они присущи как красным, так и белым революционерам, что не снимает, однако, отвлеченности и бессодержательности самой революционной идеологии.

Объективно жизнь требует отрицания старых идеологий, она уходит от них, и партийная идеология должна «засохнуть». Таким образом, революция переходит в свою четвертую фазу. На место воров-идеологов приходят, по словам Л.П. Карсавина, просто воры. Правящий слой сохраняет за собой голую власть, смысл которой ему уже не понятен.

Последняя проблема революции состоит в том, что народ должен найти свое настоящее правительство, которое бы с правящим слоем взяло в свои руки власть. Правительство и правящий слой должны покончить с революционным доктринерством, осмыслить новую государственность и свое во главе ее собственное появление ясными и конкретно действенными идеями. Сами же идеи не создаются революцией, выступающей преимущественно как формальный процесс. Национально жизненные и абсолютно обоснованные идеи укоренены в глубинах народного самосознания. Идеология отражает их искаженно. Революция преодолевает искаженность сознания и способствует их нахождению. В силу представленных обстоятельств новая национально-государственная идеология должна восстановить связь с прошлым, вернуть народ на его подлинную историческую дорогу, с которой он сошел в эпоху революции или задолго до нее. В этом плане революция есть творческий процесс – и до и после нее. Более того, в момент смерти старого и рождения нового обнаруживается природа симфонической личности и абсолютное основание ее бытия. В конечном счете это проблема смысла революции и порождающих ее условий. Личное бытие симфонической личности в опыте связано с государственностью, а государственность – связана с правящим слоем и правительством. Возрождение симфонической личности означает появление нового правящего слоя и нового правительства, т.е. нового государственного бытия симфонической личности. Правительствующая или единая и единственная партия четко отличается евразийцами от партий в европейском смысле, которые не бывают и не могут и не должны быть единственными. Европейские партии, будучи связаны со специфически европейской формой демократии – парламентаризмом, не совместимы с последовательно проведенной советской системой. Некоторую аналогию единственной партии евразийцы усматривали в итальянском фашизме, положительно оцениваемом в среде эмигрантских реставраторов. В исторических условиях России евразийцами наблюдается исконная органическая связь государственности с единой партией. Поскольку фашизм является современным европейским явлением, лишь абсолютно обосновываемым значимой «религиозной» идеологией, то ему угрожает опасность империи Наполеона, подменившей абсолютное задание внешними задачами политики империализма.

Территория, население и власть – неотъемлемые признаки государства, моменты или явления коллективной исторической индивидуальности, способы ее самоактуализации, своего рода «множественное» ее единство. Подлинно народной властью является только власть, вышедшая из народа или ставшая народной. Вне власти невозможны ни воля, ни самосознание народа.

Сформировавшееся в Западной Европе в XVII–XIX вв. индивидуалистическое мировоззрение не стало благоприятной почвой для организации универсальной теории государства. Кризис европейской демократии опознается евразийцами как кризис европейской культуры, вызванный тем же европейским индивидуализмом. В общественном сознании современной Европы индивидуалистическая философия продолжает господствовать. В гносеологическом аспекте она оправдывает актуальный образ жизни и деятельности, эгоистичные в своей сути. Исходным ее пунктом является положение о том, что за рамками индивидуального сознания не существует сверхиндивидуальной воли народа. Коллективный субъект представлен в ней как сумма составляющих его индивидов, а само общество уподобляется совокупности атомов физического мира. В этом новоевропейский индивидуализм смыкается с новоевропейским материализмом. Индивидуалистическое сознание описывает формирование государства не иначе, как через категории силы и договора, в основе своей индивидуалистичные и принципиально не демократичные. Индивидуалистические теории государства, однако, не смогли объяснить всеобщность принципа власти, его обязательность как для правящих, так и для управляемых, не вскрыли причины ее почитания и обожествления. Сама же идея власти универсальна в том смысле, что не исчезает даже в революционные эпохи, хотя и принимает искаженную форму анархии – своеобразной борьбы всех за власть, тенденцирующей в сторону панархии. Демократичное государство, по словам Л.П. Карсавина, анархично именно в этом смысле.

Связь народа с его прошлым, настоящим и будущим реализуется через его историю, язык, институты. Воплощение в них воли народа изначально предполагает наличие власти, организацию народа в общественно-государственный организм. Наличие власти указывает поэтому и на наличие собственной истории, воли, ясного народного самосознания. Даже у такого теоретика «общественного договора», как Руссо, евразийский философ находит различие общей воли (*volonte generale*) и воли всех (*volonte de tous*). Последняя представлена как сумма всех индивидуальных волей, исключая возможность договора между индивидами без опосредующей функции государства (общей воли). У Маркса произошла трансформация индивидуалистической теории в демократический идеал социализма. «Клетка общества» предстала у него не в индивидуальном образе, а в облике социальной группы и классе, конститутивным моментом которых было признано классовое самосознание, а именно классовое сознание одной социальной группы – фабричных рабочих. В этом искаженном универсализме нашли свое обоснование как коммунизм, так и фашизм, отказавшиеся от индивида во имя большей единицы истории – социальной группы и народа. Эти теории отбросили все позитивные значения индивидуализма, а самого человека они представили как экземпляр группы, экземпляр народа, слепо следующий за вождями и идеологами: «индивидуалисты признают только индивида, а социалисты и фашисты признают только общество, но индивидуалистически его объясняя» [2, с. 191]. Данный универсализм не здоров и слишком абстрактен. Общество нельзя сводить ни к множественности индивидов, ни к их единству, оно всегда есть многоединство. Воля социальной группы актуализируется в совместной согласованной деятельности этих индивидов. И здесь, по мнению Л.П. Карсавина, многое зависит от руководящего строя. Если он естественно вырастает из общества, то государство всегда народно и демократично через него. Демократичным государство является до тех пор, пока не вырождается его руководящий строй. Характерно, что евразийцы не говорят о том, что это совершенная форма государства, они лишь указывают на необходимость выбора лучшего из имеющегося несовершенного. По этой причине наилучшая форма государства – это та, которая содействует вырастанию руководящего строя из народа, помогает ему осуществить сотрудничество с народом, а народу – пополнять руководящий строй новыми людьми, сообщать организованность,

действенность, силу и согласованность действий руководства. При этом, предупреждает Л.П. Карсавин, народ не может организовать ни одна из партий: ни якобинцы, ни большевики или фашисты. Уничтожая другие политические альтернативы, доминирующая сила политики становится деспотичной в своем стремлении объединить народ навязыванием ему собственной (частной) идеологии, которая преподносится как несомненно истинная. «Однако, – утверждает тот же Л.П. Карсавин, – на земле еще не было безошибочной идеологии» [2, с. 193]. Несмотря на то, что симфония как тип христианской теократии имеет достаточно глубокие исторические корни, возможностей для ее реального воплощения в современных условиях нет. Государство эволюционировало в сторону глубокой секуляризации, чуждой Церкви. Эпохи Возрождения, Гуманизма, Просвещения освободили государство от необходимости союза с Церковью. «Плоть» восстала на «дух», и искомая и столь желаемая симфония превратилась в какофонию. Однако потребность в новом соединении Церкви с душой нации и культуры делает необходимым процесс христианизации жизни изнутри силами той же Церкви [3, с. 137].

Большевистский период революции затягивается, констатировал П.П. Сувчинский. Опыт катастрофического осуществления предельного социализма вскрыл и разоблачил его первосущность: подлинный социализм не только формалистичен, но и онтологичен: «Отныне ясно, что свое упорство и пафос социализм черпает не в прикладном осуществлении своих ирреальных идеалов общественного бытия и равенства, а в самой глубине подлинного богоборчества и христорборчества» [4, с. 207]. Он противоположен христианству в сознательном смешении и ложном синтезе духа и плоти. Христианство, будучи религией богочеловеческой, разделяет эти начала, определяет не подлежащую пересмотру законность отношений между ними. Социализм как раз и отрицает творческий примат, автономию и онтологию духа, делает его материальным. Далее, сублимируя материальное бытие и делая его предельной и достаточной целью жизни человека, он придает материи и плоти квазидуховное качество, одухотворяет их. Следствием этого является порочный осмос между духом и плотью, противоположный христианскому вероучению в целом.

«Угашение духа» как замысел коммунистического «овладения» Россией не удался. Погибая в материальном, Россия оживает в духе. Начавшись в плане социально-политическом, революционный процесс в дальнейшем сосредотачивается преимущественно в духовной и религиозной сфере. Социализм есть продолжение европеизации и именно в этом плане Россия и оказалась противопоставленной Европе. Более того, революция существенно обострила сознание русской культурно-политической специфики. Революция не была неожиданной. Одни общественные круги ставили революцию в качестве открытой цели; русский творческий гений пророчески предсказывал ее; правительство и русский консерватизм четко осознавали ее неизбежность и боролись с ней. Наступление это было последовательным, затрагивало русскую веру, культуру и быт, которым было придано клеймо варварства и дикарства. Этому противопоставлялась другая установка сознания, выдвигавшего общей целью европейскую просвещенность и социальное равенство. Охранительная идеология, начиная с Магницкого, Уварова и заканчивая Катковым и Победоносцевым, была слабо связана с практикой, она не предоставляла русскому государству конкретного исторического задания. Поэтому «революция, изолировав большевистский континент и выведя Россию из всех международных отношений, как то приближает, помимо воли ее руководителей, русскую государственность (пока что скрытую под маской коммунистической власти) к отысканию своего самостоятельного исторического эмпирического задания и заставляет вдохновиться им» [4, с. 210].

Свидетельством роста государственного самосознания является поиск новой идеологии, достаточно широкой и целостной, способной вызвать к себе народную страсть,

которую революционеры сумели внушить определенной части русского народа к идее интернационала. В этой исконной идеологии должны сопрягаться в единстве элементы «религиозного возбуждения» и «любовное видение земной России». Правда, евразийцы отмечали возможные опасности и соблазны, связанные со сближением религиозной и эмпирической сфер. И тем не менее вера в творческую силу России предполагала для них готовность идти на этот иногда во зло употребляемый союз. Сопряжение в единой идеологии религиозного и эмпирического начал может привести как к шаблонной реакции, так и к движению русского будущего «к небывалому». Идеология должна сопрячь русское духовное возрождение и исповедничество с проблемой исторической плоти и исторического образа России. Без этого эмоциональная контрреволюция не сможет стать сознательно-волевой реакцией. Малопродуктивными для создания новой идеологии окажутся и все попытки идеализации дореволюционного прошлого: «И если “русский консерватизм” и “русское охранение”, сознавая ясно все грядущее, не смогли, однако, предотвратить гибель “самобытной России”, то значит, – писал П.П. Сувчинский, – у них не было какой-то органической опоры, убеждающей воли и уверенности в себе» [4, с. 214]. Верхи русской общественности также не смогли стать оплотом культурного «охранения», поскольку они вступили на путь денационализации и европеизации, что закономерно вело саму общественность к либерализму. Консерватизм оказался исключительно политическим, но не национально-культурным явлением, в целом же он был малоубедителен для русской нации: «народ-богоносец» постепенно становился «народом-богоборцем». Внешняя и государственная политика России не были обоснованы идеологически, не обретали национально-духовного выражения. Идеология славянофилов к концу XIX в. полностью исчерпала себя. «Византизм» Леонтьева был воспринят широкими кругами как анахронизм и мракобесие. Теоретический утопизм Соловьева, требуя русского «национального самоотречения» в целях построения всемирной теократии, так или иначе растворил в себе имевшую принципиальное значение для славянофильства критику «раздвоения и рассудочности» Европы. Тот же Соловьев отрицательно оценил «ползучую» теорию культурно-исторических типов позднего славянофила Данилевского, для которого мир должен быть спасен «одной только русской мыслью, русским Богом и Христом». Все, что оставалось в идейном запасе русской интеллигенции, так или иначе было «западническим» по содержанию, оно не давало ни ясного понимания перспектив России, ни отчетливого представления о ее историческом прошлом.

Так или иначе и перед интеллигенцией, и перед народом, считали евразийцы, стоит задача фактической необходимости всесторонней реконструкции России. Последнее предполагает особую ответственность в эпоху, которая последует за революцией. Реакция на революцию необходимо сопряжена с обновлением как культурно-религиозного, так и государственного облика России. В противном случае все жертвы и страсти революционной катастрофы будут напрасными и останутся неискупленными. Это воскрешение ощущения и понимания образа и судьбы Отечества лежит через воскрешение любви к нему, которая должна быть мыслима в категориях религиозного порядка. Глубина помраченности русского предреволюционного сознания отражена в русском творчестве, в частности, у Блока и Белого. Надвигающаяся революционная катастрофа, ее бедствия и ужасы были имманентны только личной судьбе каждого автора, вызывая мучительную «радость страдания», рефлексии садистского толка, эгоистическую жажду распада, но не вызывали желаний противостоять грядущему бедствию. Люди эпохи русского духовного и общественного декаданса были бессильны понять отечество лично и идеально, т.е. религиозно. Непонятной оказалась необходимость единения личной судьбы с судьбой Отечества. Как результат этого последовали отказ от патриотической гордости, исповедание индивидуальной гордыни, беспомощной и бессильной, что проявилось конкретно в невозможности патриотического служения. Слу-

жить – это означает понять судьбу родины и творить ее волевым усилием: «Помнить и осознавать недавнее прошлое как страшный опыт необходимо, но не это прошлое нужно ставить в основу идеологического и эмпирического возрождения России. Необходимо во всей остроте и глубине пробудить историческую память России (конечно, не только эстетически и без искусственной архаизации), которая за последние века стала мельчать, потеряла способность к государственности, перестала прошлое воскрешать в настоящем» [4, с. 219].

Народ концентрирует свои силы в коллективном борении, интеллигенция собирает себя в опыте личности, осуществляя процесс самоопределения и освобождение от чуждых форм сознания и жизни. В этом движении народ поставил интеллигенцию на сторону европейских врагов, и он борется с интеллигенцией и Европой не только «мечом коммунизма». Сам коммунизм представляет собой последний облик, принятый интеллигенцией в ее фанатичном отстаивании принципов всеобщности и уравнительности. Изгнание ложных идейных «водителей» и поиск русским народом сознательной истины привели в силу привычной подчиненности к тому, что народ отдал свою судьбу новой диктатуре интеллигенции, той ее властной части, которая утратила сознательную идейность и сохранила в себе только фанатичную волю, чуждую и ненавистную подлинной России. Большевицкий интернационал являет собой волевое следствие космополитических блужданий и соблазнов русского безбожного интеллигентского духа. Его греховность определяется фактом отпадения от Церкви, что рано или поздно будет осознано всеми. Волевая диктатура интеллигенции будет уничтожена народной стихией, осуществляющей подлинное единство интеллигенции и народа в Православной Церкви.

Западная Церковь является носителем мессианского теократизма древнего Израиля, из союза верующих она давно превратилась в сообщество, основанное на юридическом понимании добра и зла, греха и воздаяния, понимании мира как системы общественного правопорядка. Католицизм вобрал в себя все течения рационалистического толка, оказавшись в объятиях Востока Ксеркса, а не Христа. Эта тенденция пронизывает даже европейскую мистику, церковную и сектантскую, далеко отошедшую от римской ортодоксии. Рационализм не лишен, однако, мистики «панлогизма», стержнем которого стала идея общей доступности знания и специфический «познавательный демократизм». Последний уравнивает индивидов перед лицом сверхличной и безличной, отвлеченной и самодовлеющей системы Разума. Истина мыслится здесь прежде всего как истина разума, а не результат религиозного откровения. Общедоступность познания элиминирует нравственно-творческую силу, вовлекает его в игру стихий природного мира. «Рационализм» заключает космический процесс в формулы мировых законов, личность становится вещью, или событием, а ее самосознание растворяется в бесформенной стихии разума.

По мысли П.Н. Савицкого, современная эпоха – это прежде всего эпоха великих религиозных откровений. Она протекает в учащенной смене событий. Катастрофичность происходящего порождает трагическое восприятие жизни, когда события, их преемственность, развертывание во времени и пространстве, логическая связь между ними, представленные историческим материализмом, разрушены окончательно. Каждое событие самодовлеюще, воспринимается в своем существе и без сознания причинности в прошлом и без логического вывода последствий в будущем: «Прошлое становится уделом памяти; будущее – уделом прозрения и пророчества. С обеих сторон каждого события – бездна» [5]. Это трагическое восприятие эпохи оказывается тождественным религиозному ее восприятию. В России, по словам П.П. Сувчинского, произошел разрыв преемственной цепи народно-исторической памяти, и русское органическое прошлое отсеклось и умерло для последующих поколений. «Верхи» русской культуры своими идеалами оказались привязаны к XVIII и XIX вв., народ же перевел свое историче-

ское воспоминание в быт. В современных условиях, выходя из этого быта, он покидает и сознание своей истории. Очевидно, что историческая память должна сочетаться с современностью для того, чтобы прояснить, что именно в судьбе России является «непреложным изначальным преданием», и что именно должно быть воспринято как творческое задание будущей жизни: «Далеко назад и далеко вперед, но ни в коем случае не к близкому прошлому – вот куда должна звать будущая русская реакция» [4, с. 219].

Революция придала России небывалый импульс движения. «Реакция» должна это движение перехватить, заменить фанатизм интернационала самоначалным идеалом русской веры, культуры и государственности. «Реакция» должна, таким образом, использовать весь опыт революции, поставить перед Россией максимальные в плане ответственности проблемы религиозно-культурного и государственного ее самоопределения и творчества. Политически она выражается в акте всенародного, религиозно-культурного восстановления. И это не просто свержение коммунизма, но и недопущение политических схем современного евразийцам европеизма.

Заключение

Революция привела к падению маски «европейскости» России. Россия лишилась ткани исторических декораций и продемонстрировала свою двуликость. Одним лицом она повернута к Европе, другим обращена к Востоку. Революция рассматривалась евразийцами не только как эпизод европейской истории, но и как событие мирового значения. Ее не следует оценивать в социально-политическом смысле. Она проявляет свою сущность в национально-метафизическом аспекте. Революция показала, что Россия есть не только «Запад», но и «Восток», не только «Европа», но и «Азия». Как социально-политическое явление революция укладывается в русло социальной закономерности, но сущность ее глубже: Европа боится не «коммунистической заразы», поскольку сам потенциал коммунизма определяется не революционной энергией русского коммунизма, а самим историческим предопределением всего русского народа, на фоне которого Европа «провинциализируется» [4, с. 59]. Россия никогда не была государственной в европейском смысле, но она всегда была великодержавной. Ее сила и значимость как субъекта истории заключена не в государственной способности ее народа, а в ее великодержавности, определившей историю русского народа и всецело подчинившей русскую личность. Проблема русской интеллигенции как раз и состоит в том, что она не заметила этого великодержавного начала, приспособившись воспринимать европейскую культуру не в сознании равенства, а в сознании ее превосходства, обязательности, исключительности и правоты. Такая ориентация интеллигентского сознания находила известные подкрепления в самой русской природе, включавшей в себя элементы робости и подчинения. Признание неравенства и допущение превосходства диктовали логику подчинения и смирения, провоцировали отречение от своего, послушничество и даже самопредательство. Совершенный в 1917 г. выбор евразийцы не принимали как окончательный и соответствующий геополитическому и цивилизационному призванию России. Революция, покончив с ней как частью Европы, открыла перспективу России-Евразии как «особого культурно-исторического мира», но не реализовала ее в истинном и полном масштабе. Мыслители шли дальше, наметив конкретные шаги в этом направлении, включавшие, во-первых, утверждение духовной и материальной самодостаточности России-Евразии и, во-вторых, выстраивание на данной основе оптимальной стратегии ее взаимоотношений с Европой. Сближение с Европой, таким образом, считалось возможным, но только через обретение духовной и материальной независимости от нее. Сами же предпосылки независимости, самостоятельного развития заключены в своеобразии географической среды, собственной культурной традиции, близкой Востоку и оппозиционной Западу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карсавин, Л. П. Феноменология революции / Л. П. Карсавин // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли : сб. тр. евразийцев. – М. : Беловодье, 1997. – С. 141–201.
2. Карсавин, Л. П. Государство и кризис демократии / Л. П. Карсавин // Новый мир. – 1991. – № 1. – С. 188–196.
3. Карташев, А. В. Взаимоотношения церкви и государства / А. В. Карташев // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. – М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 1992. – С. 131–137.
4. Исход к Востоку / под ред. О. С. Широкова. – М. : Добросвет, 1997. – 264 с.
5. Сувчинский, П. П. Эпоха веры [Электронный ресурс] / П. П. Сувчинский. – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod-PPS-epochavery.php>. – Дата доступа: 27.02.2016.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.04.2016

Pavochka S.G. Society, Politics, Culture in Eurasian Historiosophical Conception

The article considers the peculiarities of interpretation in the emigration heritage of Eurasianism the socio-political, cultural and civilizational realities of Russian society of the early twentieth century. The specificity of comprehension by the Eurasians of the revolutionary catastrophe in Russia, the Russian culture and history, socio-political practice is shown. The position of attempting to combine theoretical heritage of Russian Westernism and Slavophilism in historiosophical studies of Eurasianism, logically culminating in the justification and development of a «third way» of Russian development is justified. The theoretical link between various spheres of public life and the basis of integration of society among the Eurasians is the concept of the multinational (symphony) of the subject of Russian history. In its specific manifestations, the given subject discovers a stable attraction to the Eastern bases of its own culture, and toward the East as a special type of civilization.

УДК 17 (091) (043.3)

М.Г. Шатерник*магістр філос. наук, аспірант каф. філософії культури
Белорусского государственного университета***ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МОРАЛЬНОГО ДИСКУРСА**

В статье исследуется философская интерпретация феномена морального дискурса, которая реализуется в рамках постнеклассической философии. При философском подходе моральный дискурс трактуется как семиотическая система, в рамках которой конституируется смысл морали как основополагающей характеристики человеческого бытия, посредством которой конструируется и оценивается социальная реальность, задаются правила деятельности человека в мире. Специфика морального дискурса выявляется в ходе сравнения дискурса вообще как объективной техники смыслообразования и дискурса морального как нравственно осмысленного знания. Возможная структура теории морального дискурса включает в себя следующие элементы: философская методология осмысления морали в междисциплинарном поле аксиологии, семиотики, когнитивной лингвистики; определение сущностных характеристик, задающих всеобщие свойства морального дискурса; экспликация механизмов функционирования морального дискурса как системы; выработка целостного представления о моральном дискурсе как о фундаментальном феномене, конституирующем нравственную культуру человека.

Введение

Дискурсивный подход к анализу социальных и духовных процессов стал трендом современной науки, что осознается учеными разных направлений. Этика в этом отношении не осталась в стороне, ибо дискурсивный подход и создание теории морального дискурса позволяют взглянуть на мораль как коммуникативный феномен, существующий благодаря речемыслительной деятельности, регламентируемой социокультурными кодами.

Наиболее разработанной теория дискурса предстает в лингвистике, где анализируются особенности различных конкретных дискурсов, в том числе и морального. По мере развития лингвистических исследований дискурса становится заметна недостаточность их методологической базы, поэтому они все теснее связываются с социально-философскими теориями. В концепции видного голландского исследователя Ван Дейка представлен анализ социальных феноменов (в частности, идеологии) посредством дискурса, который рассматривается как социальная формация. Ван Дейк отмечает, что в основе идеологической идентификации находятся ценности, инкорпорированные в данный тип идеологии и фундирующие ее [1, р. 76]. Основатель научной школы в российской лингвистике Н.Д. Арутюнова рассматривает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами ...речь, погруженную в жизнь» [2].

В теории дискурса М.Л. Макарова намечается корреляция лингвистических построений с философско-методологическими основаниями [3]. Дискурсивная реальность становится предметом философского анализа у Л.Д. Петрякова [4]. Даже беглый обзор современных исследований дискурса показывает необходимость привлечения философии для его анализа с целью упорядочивания методологических стратегий, ибо, с одной стороны, рамки лингвистической методологии исследования дискурса оказались размытыми, с другой – идеи дискурсивной методологии перспективны и они получили свое развитие в философии.

Научный руководитель – Е.В. Беляева, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

В изначально философском ключе дискурс рассматривали М. Фуко и Ю. Хабермас, однако понятие морального дискурса специально ими не разрабатывалось. За несколькими исключениями моральный дискурс игнорируется в большинстве философских классификаций типов дискурса.

Осуществляя лингвистическую типологию текстов относительно коммуникативной ситуации и рассматривая дискурс сквозь призму «текст – контекст – смысл», И. Т. Касавин отмечает наличие в моральном дискурсе аксиологических функций, его близость благодаря субъективности своей языковой артикуляции дискурсу искусства и полагает, что универсальность контекста роднит его с наукой [5].

А.П. Огурцов вслед за хайдеггеровским разделением на эйдетический (ориентированный на Истину) и аксиологический (ориентированный на Благо) способы мысли, выделяет соответственно эйдетический и аксиологический дискурсы, где последнему помимо ориентированности на категорию блага присущи укорененность в ценностях и оценках [6, с. 7]. Последний тип дискурса больше всего похож на моральный. Однако А.П. Огурцов полагает, что в исторической динамике дискурса произошел разрыв гносеологии и этики, обусловленный различиями в их предметности и телеологии.

Е.Н. Болотникова в своей диссертации «Мораль как дискурсивная формация» [7] не использует понятия «моральный дискурс», но исследует моральную формацию как исторически сложившуюся форму морали. Мораль предстает как одна из множества дискурсивных формаций культуры, в которой речь идет об оценках и ценностях, а дискурс о морали предстает как один из многих дисциплинарных дискурсов.

Таким образом, можно сделать вывод о недостаточной разработанности темы, об отсутствии особого внимания или неоднородности трактовок морального дискурса, а также о недостаточной разработанности методологии исследования морального дискурса, нехватки актуальных философских и междисциплинарных стратегий, что свидетельствует о необходимости фундаментального философского подхода к исследованию морального дискурса.

Поскольку этика – это философская дисциплина, рассматривающая мораль в контексте фундаментальных оснований человеческого бытия, то выявление сущностной природы морального дискурса может быть осуществлено только с помощью философской методологии исследования, которая принципиально отлична от методов конкретных наук, в том числе лингвистики. Исследуя свой предмет, философия стремится осмыслить его во взаимосвязи и развитии, обобщить полученное знание в предельных понятиях и осмыслить его с точки зрения ценности для человека.

В данной статье ставится цель показать необходимость теории морального дискурса для современной постнеклассической философии и возможную структуру такой теории, определить специфику морального дискурса.

Необходимость теории морального дискурса для современной постнеклассической философии

На этапе постнеклассической философии пришло новое понимание человека – не рационального венца творения, но во многом управляемого иррациональными потоками энергии либидо, машины желания. Вместо Homo sapiens речь теперь идет о саморегулирующейся системе. Вместо субъекта, совершающего осознанные поступки, говорят о точке пересечения потоков информации. Постнеклассическая философия рассматривает язык как процессуальность, организованную в соответствии с логикой самого бытия и непосредственно вплетенную в последнее. Становится проблематичным определение того, что первично: логика бытия или логика языка.

В онтологии постнеклассической философии центральное место занимает категория «текст». В постмодернизме текст понимался как децентрированный (Деррида),

ризоматичний (Делез), допускаючий любые возможности своего означивания (Кристева), где означающее довлеет над означаемым (Лакан). Соответственным образом понималась и структура бытия. Онтология современности – это поиск логики отношений между элементами бытия. Дискурсивный подход, пришедший на подготовленную после «лингвистического поворота» почву, был применен в онтологии, представив тем самым возможности для развития фундаментальной методологии дискурсивных исследований, которая должна объяснять способы организации семиотических систем, в частности, систем текста, языка, и осуществляемого в языке мышления.

Классическая метафизика как учение о первичных и неизменных основаниях бытия, как поиск его инвариант, сменяется метафизикой отсутствия – постметафизическим мышлением, отказывающимся от трактовки бытия как налично данного. Однако такая антиметафизичность привела к построению очередного вида метафизики, что лишний раз подчеркивает специфику философии и заранее предостерегает от возможных обвинений в попытках построения метафизики в рамках антиметафизической онтологии. При этом постмодернизм, позиционируя себя как постфилософия, неоправданно исключил из поля своего зрения аксиологическую проблематику, понизив тем самым собственную социогуманитарную эвристичность. Между тем для постнеклассической философии в целом это вовсе не является обязательным, и теория морального дискурса имеет полное право стать постнеклассической этикой. Фундаментальной характеристикой философии является ориентация на ценности и смыслы ее категориальных построений. Однако при попытках применить дискурсивную парадигму для решения этических проблем оказалось, что современный дискурсивный подход нуждается в дополнении с точки зрения его гуманитарной составляющей. Поскольку основными характеристиками философского знания являются критичность и антидогматичность, постольку сам факт инкорпорации в постнеклассическую философию этики нового типа не представляет проблемы. Сложность в том, что сама постнеклассическая философия подвергла критике некоторые основания этического знания, и, для того чтобы построить постнеклассическую этику, нужно провести анализ результатов этой критики и в противовес *de*-конструкции произвести *re*-конструкцию этики на новых основаниях.

Философское исследование роли дискурса показывает острую потребность в теории морального дискурса. Это связано с тем, что аксиологический компонент латентно присутствует в философском поиске, и по мере продвижения исследования к выводам о значимости полученного знания для человека ценностная интерпретация обязательно является итогом философского поиска. Как пишет А.А. Гусейнов, «этика – не только часть (аспект) философии, но также ее внутренний пафос, в силу чего одна из важнейших задач философской этики заключается в осмыслении, обосновании и нормативном оформлении самой философии как этического проекта, нравственно достойного образа жизни» [8, с. 16]. Поэтому в теории морального дискурса как постнеклассической этике, речь, как и прежде, идет о благе и ответственности, о правильной жизни и моральном поступке, о фундамирующей бытие и познание системе ценностных координат. А сам моральный дискурс ориентирован на интерпретацию и понимание, на конституирование социальной реальности посредством встраивания категорий ценности в само бытие.

Таким образом, теория морального дискурса должна стать элементом постнеклассической онтологии, так как сам этот дискурс выступает неотъемлемой характеристикой бытия и экзистенции современного человека. Точно так же современная гносеология получает в теории морального дискурса свое логическое дополнение.

В современных гносеологических концепциях следует придерживаться аксиологической ориентации на достижение имеющего моральную валидность знания, которое и должно соответствовать принципам современной эпистемологии [9]. К ним относятся, во-первых, посткритицизм, т.е. понимание факта, что познание не может начинаться

с нуля, но предполагает причастность познающего субъекта к одной из традиций исследования. В результате любое научное исследование оказывается вовлеченным в моральный дискурс, целью которого будет благо, а средством – наука. Во-вторых, поиск изменчивости познавательных норм и динамичности предмета исследования. В этом плане исследования морального дискурса ориентированы на поиск дискурсивной природы моральных смыслов, и выявление в них иных, условно детерминированных дискурсом оснований. В-третьих, отказ от субъектоцентризма, т.е. смещение внимания от констатации наличия субъекта к поиску возможности генезиса субъективности исходя из объективной данности. В этом аспекте одной из важнейших задач является определение природы и места морального субъекта в контексте морального дискурса. В-четвертых, отказ от наукоцентризма и понимание того, что в основании научного знания лежат элементы здравого смысла, обыденного языка и прочие формы вненаучного знания, что полностью соответствует ориентации на первичность базовых моральных пресуппозиций, задающих понимание самой науки как средства, но не цели.

Представленный в данной статье подход ориентирован на изучение фундаментальных онтологических и гносеологических оснований морального дискурса как способа реализации истинно человеческого бытия, как феномена имманентного каждому человеку благодаря дискурсивным механизмам смыслообразования.

Специфика морального дискурса

Методология постнеклассической философии вполне применима к моральному дискурсу, но должна реализоваться в соответствии с другими целями. Эта телеология позволяет выявить специфику морального дискурса через сопоставление дискурса вообще как объективной техники смыслообразования (раскрытой, в частности, в работе Ж. Делеза «Логика смысла» [10]) и дискурса морального как нравственно осмысленного знания, знания, имеющего ценностные основания.

В техническом плане, дискурс – это семиотическая (знаковая) система, в которой между элементами-знаками существуют отношения, определяющие качество этой системы. Структура внутренних взаимосвязей актуализированных элементов дискурса задает характеристики объекта дискурса. Будучи знаковой системой, дискурс объективируется в вербально-семиотической системе языка и в этом смысле представляет собой «совокупность высказываний относительно той или иной области, и структурирует способ говорения на ту или иную тему, о том или ином объекте, процессе» [11, р. 6–7]. В структуре морального дискурса важная роль отведена моральным пресуппозициям, которые структурируют дискурс в контексте его моральной осмысленности.

На уровне актуализации элементарной структуры, посредством которой образуется смысл, чисто технически дискурс находится в перманентном процессе реструктурирования: он захватывает все новые и новые конфигурации. Дискурсивность как перманентная текучесть смыслообразования подвержена изменениям детерриторизации-ретерриторизации (Ж. Делез). В моральном же дискурсе смыслы в большей степени коррелируют с набором внутренних ценностей и убеждений, которые переживаются непосредственно, происходят во многом из внеязыковой среды и формируются в процессе жизни. Например, переживаемые страдания побуждают с сочувствием относиться к страдающим; дети, еще не усвоившие навыки речи, могут испытывать чувство несправедливости; любовь, верность, ответственность также находятся в числе таких «естественных» ценностных предпочтений. Несомненно, что, актуализированные и оформленные в знаковой системе, такие понятия становятся концептами дискурса, но их первичная преддискурсивность является специфичной. В дальнейшем такие преддискурсивно сформированные ценности оказываются вовлеченными в смыслообразующую структуру дискурса, определяя его в качестве морального, и претерпевают трансформа-

ции в процессе коммуникации. При этом процессе коммуникации преддискурсивные ценности могут быть трансформированы настолько, что человек способен совершать зверства, не испытывая при этом никакого «морального дискомфорта». Поэтому одна из задач теории морального дискурса состоит в объяснении механизмов, приводящих к тому, что субъект этого дискурса попадает под влияние технического процесса смыслообразования, утрачивая собственную человечность, теряя статус морального субъекта.

В плане лингвистического воплощения чисто технически дискурс ориентирован на бессубъектность. Моральный же дискурс представляет собой вербальное выражение переживаемой моральной интимности и на ее базе выступает как обоснование должного и высказывания о благе (как они представляются субъекту). В этом контексте этика как наука о феномене морали в ее лингвистической объективации, с одной стороны, является исследованием дискурсивной природы морали. С другой – этика стремится осмыслить основания морали как имманентной интенции субъективности к моральному совершенству, требующей порой самопожертвования и прочих, не согласующихся с самовывживанием системы действий. Моральный дискурс позволяет понять, как ценностная матрица задает уровень моральных пресуппозиций, т.е. необходимых условий осмысленности моральных поступков.

Всякий дискурс амбивалентен: будучи феноменом культуры и сознания субъекта, он в то же время имеет объективные законы функционирования. Дискурс всегда «мой» и всегда приходящий «извне». Это значит, что «Я» всегда мыслит моральный выбор в некотором «своем» дискурсе, но в то же время его дискурс всегда захватывает внеположенные субъективности элементы актуализированного смысла. Наряду с прочим это связано и с коннотативным уровнем значения. Дискурс одновременно первичен и вторичен: первичен, так как своей системой отношений задает смыслы и значения; вторичен, ибо «впитывает» результаты социальной практики языковых игр. Дискурс несводим к семантике, семиотике и языковым играм: он находится за пределами простой системы референций. Подтверждением тому является специфика дискурса морального.

Согласно М. Фуко, борьба за власть – это неотъемлемое свойство дискурсов. В такой трактовке таится опасность чисто технического подхода к дискурсу, понимание его как безличного механизма смыслообразования, приводящего к пагубным последствиям в истории человечества. Дискурсы стремятся захватить власть над субъектом, стать формой его мышления. И чем меньше в дискурсе *преддискурсивных* моральных оснований, тем проще его захватить. Однако, как свидетельствует анализ Л. Витгенштейна [12], морально-эстетический опыт непосредственного переживания ценности несводим к языку. Добро и счастье жизни переживаются непосредственно. Вот почему основы морального дискурса берут истоки в *преддискурсивных* практиках и сами не требуют дискурсивных пресуппозиций. Именно поэтому люди идут на смерть ради добра и прекрасного даже в тех случаях, когда дискурс захвачен властью, сеющей смерть и разрушение.

Дискурс как мышление, которое объективируется в речи, погруженной в жизнь, имеет две важных функции: когнитивную и коммуникативную.

Когнитивная функция морального дискурса заключается в осмыслении реальности с точки зрения морали, в категориях добра и зла, долга и ответственности. Более того, поскольку в призме человеческого видения мир предстает как социальная реальность и поскольку главная форма познания берет начало с некоторого ценностного бэкграунда и заканчивается оценкой, постольку когнитивная функция морального дискурса состоит в наделении социальной реальности оценочно-смысловыми категориями. И в этом специфика морального дискурса.

Коммуникативная функция морального дискурса состоит в обеспечении взаимодействия людей по поводу нравственных ценностей и смыслов. В то же время комму-

никация является социально-языковой практикой, в которой разворачивается эмпирия морального дискурса. Коммуникативный аспект открывает перспективы для имманентного взаимодействия живых субъектов морального дискурса. По мнению К.О. Апеля [13], коммуникативный акт можно понимать как герменевтическую коммуникацию с текстом, в роли которого выступает коммуникативный партнер. В этом смысле «Другой» является необходимым условием морального дискурса. Мораль возможна только в интрасубъективной среде как особый тип рациональности, лежащий в основе всех других типов рациональности.

Близких этому позиций придерживался и Ю. Хабермас, разработавший модель рационального коммуникативного взаимодействия. Коммуникация приобретает у него характер базового социального процесса. В одной из своих работ [14] Ю. Хабермас пишет, что моральные обоснования связаны с реальным проведением аргументированных дискуссий не по прагматическим соображениям, не ради достижения баланса власти, а по внутренним причинам для того чтобы создать возможности для правильных моральных усмотрений. Этим реализация коммуникативной функции морального дискурса отличается от таковой у других видов дискурса.

Основатели дискурсивного подхода полагали, что дискурс как объективная структура доминирует над субъективностью, делая из нее функцию дискурса. В результате статус субъекта дискурса был как будто поставлен под сомнение. Однако применительно к моральному дискурсу говорить о полной редукции субъективности к дискурсу не приходится. У Делеза в «Логике смысла» [10] существует уровень манифестации, на котором и образуется субъективность (в отличие от уровня смысла, на котором дискурс образует смыслы без участия субъекта).

М. Фуко, проведя работу по очищению субъекта от чрезмерной субъективности, в конце концов обнаружил в остатке критическую работу мысли над самой собой, направленную на освобождение, а также практики себя, посредством которых некоторая активность создает свою субъективность [15]. Эта субъективность, видимо, является чем-то изменчивым, но все же у нее есть инварианта – критическая активность, направленная на осмысление структуры, в которую она погружена. Эту интенцию можно назвать имманентной метадискурсивностью, стремлением превзойти устанавливаемые дискурсом рамки в акте трансгрессии [16].

Специфика морального дискурса заключается также в том, что технически значение слова «благо» в дискурсе зависит от взаимосвязей смысла всех элементов, вовлеченных в данную актуальную структуру смысла. В этом случае смысл понятия «благо» образуется не в классической антитезе «добро – зло», но в результате связи элементов из разных смысловых уровней или логик. Например: «благо» (пожертвовать собой) = «патриот» + «родина в опасности» + «долг» + «*я уже пожил*» + «*меня все равно никто не ждет*». Но в такой схеме может быть и обратная сторона: «благо» (уничтожить «дегенеративную» расу) = «я высшая раса» + «“дегенеративная” раса вредна» + «*все равно они мучаются от своей ущербности*» + «*я буду правителем нового мира*». Обе схемы не могут быть равноценны только при истинности тезиса о наличии морального дискурса. Если же моральные *пресуппозиции* вытесняются другим дискурсом и тем более, если это случается с людьми, наделенными властью, наступают катастрофические исторические последствия.

Итак, при философском подходе к пониманию дискурса моральный дискурс трактуется как семиотическая система, в рамках которой конституируется смысл морали как основополагающей характеристики человеческого бытия, посредством которой конструируется и оценивается социальная реальность, задаются векторы деятельности человека в мире. Смысл таких понятий морального дискурса, как благо, долг, ответственность, не является метафизически фундированным и неизменным. Укорененные

в дискурсе, моральные понятия находятся в зависимости от структурно-лингвистических и внеязыковых, *мета*дискурсивных факторов.

Доказательством потенциальной многоплановости структуры смысла служит то, что, когда мы пытаемся принять «правильное» решение, всегда обнаруживается некое решение, представляющее другую актуализацию структуры смысла. Постоянная инаковость структуры оказывается бесконечной. Однако в моральном дискурсе решающее значение имеет моральная прагматика субъекта. Главный фактор, позволяющий говорить о свободе морального субъекта по отношению к техническим механизмам дискурса, – это непосредственное человеческое стремление к познанию нравственного бытия и моральному совершенству. В идеале – к восхождению в метадискурс критического мышления. Философский анализ дискурса заключается в стремлении показать место дискурса по отношению к самому главному объекту философии – человеку как субъекту собственной жизни. Задача морального дискурса состоит в наделении семиотической машины языка человечностью. Задача субъекта морального дискурса – не дать чисто техническому процессу смыслообразования стать доминирующим в дискурсе субъекта, ибо в таком случае человек утратит свои сущностные характеристики.

Заключение

Итак, философский подход к исследованию морального дискурса должен привести к построению теории, способной представить методологию осмысления морали в междисциплинарном поле аксиологии, семиотики, когнитивной лингвистики, определить структурные характеристики, задающие всеобщие свойства морального дискурса; эксплицировать механизмы функционирования морального дискурса как системы; выработать целостное представление о моральном дискурсе как о фундаментальном феномене, конституирующем моральную культуру человека. В результате должно быть выработано такое понимание предмета, которое позволило бы использовать метод дискурсивного анализа морали для объяснения и предсказания динамики социально-общественных процессов с акцентом на роль в этих процессах аксиологического уровня субъективности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dijk, T. A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach / Teun A. van Dijk. – London : Sage, 1998. – 365 p.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева – М. : Совет. Энцикл., 1990. – С. 136–137.
3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
4. Петряков, Л. Д. Дискурсивная реальность как объект философского анализа: онтологический и гносеологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филос. наук ; 09.00.01 / Л. Д. Петряков ; Ивановский гос. ун-т. – Иваново : Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2014. – 54 с.
5. Касавин, И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И. Т. Касавин. – М. : Канон+, 2008. – 437 с.
6. Огурцов, А. П. Благо и истина. Классические и неклассические регулятивы / А. П. Огурцов. – М. : ИФРАН, 1998. – 265 с.
7. Болотникова, Е. Н. Мораль как дискурсивная формация : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Е. Н. Болотникова ; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2006. – 21 с.
8. Гусейнов, А. А. Философия как этический проект / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2014. – № 5. – С. 16–26.

9. Эпистемология // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. – М. : Канон+, 2009. – С. 1160–1166.
10. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Академ. проект. – 2011. – 472 с.
11. Kress, G. Linguistic processes in socio-cultural practice / G. Kress. – Oxford : University Press, 1989. – 116 p.
12. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Философские работы : в 2 т. / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – Т. 1. – С. 3–73.
13. Апель, К. О. Трансформация философии / К. О. Апель. – М. : Логос, 2001. – 344 с.
14. Хабермас, Ю. Этика дискурса: замечания к программе обоснования / Ю. Хабермас // Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб., 2001. – С. 67–173.
15. Фуко, М. Технологии себя / М. Фуко // Логос. – 2008. – № 2. – С. 96–122.
16. Фуко, М. О трансгрессии / М. Фуко // Танатография эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб. : Мифрил, 1994. – С. 111–132.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.06.2016

Shatsernik M.G. The Philosophical Approach to the Study of Moral Discourse

The philosophical interpretation of the phenomenon of moral discourse is implemented within the framework of post-nonclassical philosophy. At the philosophical approach, the moral discourse is treated as a semiotic system in which the meaning of morality as the fundamental characteristics of the human being is constituted, by which the social reality is designed and evaluated, relevant rules of human activity in the world are given. The specifics of the moral discourse is revealed in the comparison of discourse in general as an objective technique of meaning formation and moral discourse as a morally meaningful knowledge. Possible structure of the theory of moral discourse includes: a philosophical methodology of morality understanding in the interdisciplinary field of axiology, semiotics, cognitive linguistics; definition of the essential characteristics specifying the general properties of moral discourse; explication of the mechanisms of moral discourse as a system; the production of a holistic view of moral discourse as a fundamental phenomenon that constitutes moral human culture.

УДК 130.2

В.А. Можейко

*магистр управления, аспирант Национального института образования
Министерства образования Республики Беларусь*

ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья включает в себя анализ и обоснование понятия мягкой силы как в классическом виде (подходы Дж. Ная, В.Л. Иноземцева, теория «гуманитарного воздействия»), так и с позиции современной синергетики (направленное воздействие мягкой силы как флуктуации вблизи точки бифуркации). Раскрыт потенциал мягкой силы для сохранения культурной идентичности в условиях современных глобализационных процессов. Прикладные аппликации осуществляются на материале современной белорусской культуры в свете идеи мягкой белорусизации. Определено содержание феномена мягкой белорусизации, место мягкой белорусизации в культурной политике Республики Беларусь, ее роль в сохранении культурной идентичности, потенциал мягкой белорусизации для внешней культурной политики. Обозначена необходимость разработки проекта модели формирования культурной политики мягкой белорусизации в Республике Беларусь с учетом сложившейся системы глобализационных вызовов и рисков.

Введение

Современные глобализационные процессы, задавая тенденцию вестернизации, создают риск формирования гомогенного культурного пространства, что чревато утратой культурой креативного потенциала. В этом контексте актуальным становится сохранения культурной идентичности и, соответственно, возможности кросс-культурных взаимодействий, выступающих одним из механизмов обеспечения инновационных процессов в культуре.

Цель статьи состоит в выявлении потенциала феномена мягкой силы в сохранении культурной идентичности в условиях глобализации. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

- 1) осуществить экспликацию содержания идеи мягкой силы в современной гуманитаристике;
- 2) раскрыть научное обоснование понятия мягкой силы средствами современной синергетики;
- 3) обозначить потенциал феномена мягкой силы для сохранения культурной идентичности в условиях современных глобализационных процессов;
- 4) выявить перспективы мягкой силы для сохранения и развития белорусской культурной идентичности.

Идея мягкой силы в современной гуманитаристике

Понятие мягкой силы (soft power) ввел профессор Гарвардского университета Дж. Най [1], подразумевая под мягкой силой такое политическое воздействие, которое добывается результатов за счет не применения прямолинейной грубой силы, а на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности определенных идей, проявлений культуры [2]. Дж. Най рассматривает мягкую силу как фактор воздействия, равный по мощи экономическому давлению и прямой военной силе («три главных источника силы – это армия, экономика и “мягкая сила”» [3, с. 20–24]), однако принципиально отличающийся от них с точки зрения механизмов воздействия.

Научный руководитель – А.С. Лаптёнок, доктор философских наук, доцент, директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета

Как справедливо отмечает В.Л. Иноземцев, «глобализация *не требует насилия* ...она основана на *привлекательности образов* (курсив наш – В.М.), которые мастерски создает, и на стохастических действиях миллиардов людей, которые и определяют тенденции» [4]. В экономической сфере своеобразным аналогом мягкой силы выступает геоэкономика (*geoeconomics*) как новая геополитика (геополитическая экономика), трактуемая пути достижения внешнеполитических целей (вплоть до обеспечения регионального преимущества или даже могущества) сугубо экономическими средствами – демонстрацией экономической привлекательности.

Согласно позиции Дж. Ная и Р.О. Кёхейна, современный мир, рассматриваемый с точки зрения протекающих в нем процессов, может быть определен как «взаимозависимый» [5], т.е. представляющий собой единый комплекс с подвижной интегральной структурой, отдельные блоки который реагируют на любые вызовы таким образом, что происходящие в них процессы не могут не отзываться существенным образом на функционировании других блоков, на первый взгляд от них не зависящих. За этой кажущейся независимостью скрывается многофакторная и полиморфная система связей, обеспеченная многочисленными параллельными механизмами своей реализации.

Как полагает М. Кастельс, в современных условиях «новая власть заключается в информационных кодах, в *представительских имиджах* (курсив наш – В.М.), на основе которых общество организует свои институты, а люди строят свои жизни и принимают решения относительно своих поступков. Центрами такой власти становятся умы людей» [6].

В целом в настоящее время в литературе складывается теория «гуманитарного», т.е. мягкого, несилового воздействия как наиболее успешного инструмента достижения целей в социокультурной сфере. Эта идея развивается такими авторами, как Р.Х. Джексон [7], Ф.Р. Тесон [8], Д. Чандлер [9], С. Честерман [10], М. Финнемор [11], Р. Хаас [12]. Однако проблема обоснования идеи мягкой силы требует дальнейшего исследования.

Понятие мягкой силы в синергетической проекции: проблема обоснования

Продуктивным представляется обоснование этой идеи с позиции синергетики, которая известна как теория, описывающая процессы в неравновесных средах. Применительно к культурному процессу примером неравновесности может выступать культурная ситуация, в рамках которой назрели определенные перемены (а если принять во внимание динамизм культурного развития в эпоху глобализации, то такое состояние можно считать характерным для современной культуры практически в любой момент времени). В подобных ситуациях проявляется такое свойство среды, как ветвление возможных траекторий ее развития, которое получило в синергетике название бифуркаций.

Понятием бифуркации (*англ.* bi- – происходящий дважды, двусторонний и *fork* – вилка, развилка, разветвление) выражают разветвление возможных путей развития того или иного явления, что открывает новые возможности в ее эволюции [13, с. 88]. В синергетике рассматривают и более сложные состояния, когда после осуществившегося разветвления эволюционные пути системы ветвятся еще и еще, порождая то, что Г. Николис, И. Пригожин, И. Стенгерс называют «каскадами бифуркаций» [13, с. 130, 279; 14, с. 244].

Фактически мы имеем дело с возникновением целого множества потенциально возможных в развитии рассматриваемого объекта процессов, поливариантностью их протекания. Как отмечают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, можно говорить о «многовариантности, альтернативности путей эволюции ...идеи выбора из данных альтернатив» [15, с. 10]. По какому из этих возможных путей пойдет развитие системы, зависит от многих факторов. Для нас же (применительно к разворачиванию культурного процесса) важным является то обстоятельство, что в ситуации возможности бифуркационного ветвления перспектив процесса система оказывается чрезвычайно чуткой к достаточно

незначительным факторам, к таким, которые вдали от точки бифуркации оказались бы для системы несущественными и воздействие которых не вызвало бы никакой реакции. Как пишут Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, «парадоксально, но в одной и той же среде без изменения ее параметров могут возникать разные структуры ...разные пути ее эволюции», что фактически «означает возможность неожиданных ...изменений направления течения процессов» [15, с. 10, 11].

В нашем контексте важно то обоснованное синергетикой обстоятельство, что в бифуркационной точке значительно усиливается роль внешних факторов, воздействующих на исследуемый объект (даже тех, на воздействие которых вдали от точки бифуркации никакой реакции не проявлялось). Это явление получило в синергетике отражение в содержании понятия усиления флуктуации. Под флуктуацией (англ. *fluctuation* – колебание) понимают незначительные изменения (колебания) какого-либо параметра: \pm от его стабильного показателя. Эти колебания Г. Николис и И. Пригожин называют «нарушениями», или «возмущениями», параметров среды, в которой существует объект [13, с. 14], и вдали от точки бифуркации объект не реагирует на них как на несущественные изменения условий своего развития. Как пишут Г. Николис и И. Пригожин, «событие, происходящее в системе случайно и локально изменяющее (в общем случае слабо) некоторые из ее характеристик и свойств, называется возмущением» [13, с. 14].

Флуктуации практически не оказывают воздействия на развитие объекта («затухают») в силу действия закона больших чисел: само состояние вдали от точки бифуркации в синергетике определяют именно как «состояние, когда ...действующие ...возмущения затухают во времени», т.е. происходят, «не оставляя следов в системе» [13, с. 14]. И. Пригожин и И. Стенгерс описывают эту ситуацию как «невосприимчивость системы к флуктуациям» [14, с. 194].

Однако вблизи бифуркационной точки ситуация резко меняется: объект оказывается чувствительным, казалось бы, даже к незначительным флуктуациям, причем под воздействием такого незначительного изменения параметров (слабого воздействия) он меняет свою эволюционную траекторию достаточно существенно. И. Пригожин и И. Стенгерс описывают это следующим образом: в тот момент, когда объект в своем развитии приближается «вплотную к точкам бифуркации ...флуктуации становятся аномально сильными и закон больших чисел нарушается». Т.е. резонанс от микровоздействия незначительной флуктуации оказывается таким же сильным с точки зрения своих последствий, как и результат микровоздействия: «Амплитуды флуктуаций имеют такой же порядок величины, как и средние макроскопические значения. Следовательно, различия между флуктуациями и средними значениями стираются» [14, с. 240]. Таким образом, как пишут Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, вблизи точки бифуркации можно наблюдать феномен «усиления флуктуации», или «разрастания малого» [15, с. 10]. Г. Николис и И. Пригожин иллюстрируют это следующим образом: «Полет мухи в Кембридже (Массачусетс) может привести к изменению климата в Индии» [13, с. 147]. Согласно описаниям синергетиков, это значит, что вблизи от точки бифуркации объект «колеблется» между возможными векторами развития» [15]. Поэтому И. Пригожин называет точки бифуркации точками смены «типов решений» [16, с. 50]. В такой точке, по формулировке И. Пригожина и И. Стенгерс, даже самая «небольшая флуктуация может послужить началом эволюции в совершенно новом направлении» [14, с. 56] и привести к появлению принципиально нового состояния объекта. Этот механизм Г. Николис и И. Пригожин называют возникновением нового «порядка через флуктуацию» [15].

Представляется важным рассмотреть восприимчивость и чуткость объекта к слабым воздействиям вблизи точки бифуркации в контексте культурологии. Если речь идет об объекте социокультурного характера или о развитии культуры в целом, то внешние воздействия могут рассматриваться в данном случае как тенденции общества воздей-

ствовать на развитие культуры, а потому осуществление этого воздействия в рамках реализации принятой культурной политики может оказаться более эффективным с учетом знания закономерностей развития культуры, понятой синергетически.

Вопрос о возможности использования синергетической методологии применительно к гуманитарным исследованиям рассмотрен в литературе и решен положительно (при необходимости учета специфики объектов социокультурной сферы).

Как показала А. Баблюянец, концепция и методы синергетики «проникли в область не только естественных, но и социальных наук» [17, с. 25]. Более того, многими авторитетными авторами методология, сформулированная в рамках синергетики, рассматривается как чрезвычайно эффективная в применении к исследованию социокультурной реальности. Так, по мнению О. Тоффлера, «синергетическая парадигма особенно интересна тем, что она акцентирует внимание на аспектах реальности, наиболее характерных для современной стадии социальных изменений: разноурядочности, неустойчивости, разнообразия, неравновесности, нелинейных соотношений, в которых малый сигнал на входе может вызвать сколь угодно сильный отклик на выходе, и темпоральности – повышенной чувствительности к ходу времени» [18, с. 16–17]. Из этого следует, что чувствительность того или иного объекта к слабым воздействиям вблизи точки бифуркации, если речь идет о том или ином объекте в системе общества, означает и его восприимчивость к управленческим воздействиям.

Как отмечают современные исследователи, в точках бифуркации системы находятся в таком состоянии, которое «делает их *чрезвычайно чувствительными к управлению* (курсив наш – В.М.)» [19, с. 36]. Это означает, что продуманное (при этом не требующее применения существенной силы) воздействия на систему, если оно осуществляется в момент, предшествующий бифуркации (и продумано с точки зрения своих последствий), может радикально изменить развитие системы, направить ее эволюцию по нужному пути, т.е. повлиять на саму суть процесса (пусть даже со стороны не слишком, казалось бы, мощного по своей интенсивности воздействия). Существенно важно, что такое воздействие не предполагает больших усилий (ни с точки зрения применения силовых воздействий, ни с точки зрения энергетических затрат, ни с точки зрения финансовых вливаний). Однако гораздо большее значение имеет в данном случае продуманность акции: воздействие может быть слабым, но оно должно быть осуществлено именно в нужное время – в точке, когда бифуркация уже назрела, но, как было показано выше, бифуркационное ветвление еще открыто для формирования новых векторов развития. Как отмечают исследователи, «для этого необходима тщательно обоснованная технология локальных по своему эффекту воздействий» [19, с. 36]. Именно такое воздействие и предполагает феномен мягкой силы.

Феномен мягкой белорусизации в культурной политике Республики Беларусь: сохранение культурной идентичности

Исходя из вышеизложенной логики мягкой силы можно говорить о мягкой белорусизации, под которой следует понимать постепенное, максимально добровольное расширение практики использования белорусского языка, поддержку развития и распространения белорусской культуры, сохранения и продвижения историко-культурного наследия через построение культурной политики в формате мягкой силы. Эта деятельность способствует укреплению культурной безопасности, формируя и укрепляя национальную идентичность [20; 21]. Мягкая белорусизация является практической реализацией такого компонента культурной безопасности, как культурная политика, т.е. государственная политика в сфере культуры.

В контексте внутренней культурной политики политика мягкой силы в свете сохранения и развития культурной идентичности предполагает мягкую белорусиза-

цию [21]. При этом феномен мягкой белорусизации выходит за пределы политики государства в отношении культуры. Как было показано выше, сосредоточение процессов белорусизации сугубо у государственных органов либо в их подчинении может иметь негативные последствия для эффективности таких процессов. Безусловно, поддержка мягкой белорусизации на государственном уровне как культурной политики имеет большую важность. Однако такие действия государства должны опираться на уже существующую общественную поддержку. Этого же требует и использование мягкой силы, которая по своей сути не может предполагать в качестве своего инструмента государственное принуждение, но должна строиться исходя из добровольного общественного участия, симпатии и привлекательности таких идей.

О мягкой белорусизации можно говорить как о феномене гражданского общества, оформившемся первоначально в рамках общественных движений. В соответствии с логикой постепенного развития мягкой силы не существует какой-то одной даты (события), которую можно было бы обозначить как начало мягкой белорусизации. Деятельность небезразличных граждан по продвижению белорусской культуры, белорусского языка нарастала постепенно и организационно оформилась к концу 2000-х гг. Среди основных стейкхолдеров можно обозначить культурную кампанию «Будзьма беларусамі», инициатором и координатором которой является Международное общественное объединение «Згуртаванне беларусаў свету “Бацькаўшчына”» и некоммерческую культурную организацию «Арт Сядзіба».

Так, культурная кампания «Будзьма беларусамі» существует с октября 2008 г. и занимается «углублением национальной идентичности белорусов» [22]. Ее миссия – «развитие белорусского общества на почве национальных ценностей», которые «есть в наших людях, языке, многовековой истории и культуре Беларуси» [22]. Только за первые пять лет работы «Будзьма» провела более 4 000 мероприятий в 220 населенных пунктах Беларуси. Среди них ежегодный фестиваль белорусскоязычной рекламы и коммуникации «Аднак!», коммуникационные программы «Краіна цмокаў» и «Культура паляпшае жыццё», музыкальный проект «Тузін. Перазагрузка» и др.

«Арт Сядзіба» впервые открылась в январе 2011 г. как независимая некоммерческая площадка. Она поддерживает белорусский язык и национальную культуру, «всегда готова поддержать любую активность, которая способствует демократизации, построению открытого общества, развитию творческих инициатив, десоветизации, белорусизации и расширению межкультурного диалога» [23]. Более чем за 5 лет своего существования «Арт Сядзіба» организовала и провела сотни мероприятий, способствующих популяризации и развитию белорусской культуры, включая первые «Дні вышиванкі». Команда «Арт Сядзібы» создала и развивает интернет-магазин Symbal.by, откуда пришло слово «вышивайка» (майка-«вышиванка» – современная одежда с принтом белорусского орнамента).

Безусловно, существовали и другие организации и инициативы, так или иначе способствовавшие продвижению белорусской культуры и белорусского языка. Активное участие в процессах мягкой белорусизации принимал и белорусский бизнес. К примеру, сеть автозаправок «А-100» с 1 января 2015 г. полностью перевела всю коммуникацию с клиентами на белорусский язык, что, по словам руководства компании, увеличило количество клиентов [24]. Важные шаги по популяризации белорусской культуры и белорусизации своего бизнеса предпринимали также ОАО «Пивзавод Оливария» и телекоммуникационная компания «Velcom» (УП «Велком»).

На данный момент нет какого-либо документа, официально закрепляющего культурную политику мягкой белорусизации и определяющего ее содержание и стратегию, что позволяет говорить о тенденциях и многочисленных элементах мягкой белорусизации, но не о ее стратегическом воплощении. В этом контексте особое внимание

следует уделить программным заявлениям Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. Актуальные вызовы белорусской культурной безопасности и соответствующие приоритеты белорусской политики были обозначены Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко еще 22 апреля 2014 года в обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию [25]. Начав свое выступление констатацией регионального кризиса («Государства, окружающие нас, пришли в движение. Бурлит Украина, в полный исторический рост пытается встать Россия. На наших глазах рушатся старые границы.»), Глава государства обозначил приоритеты Республики Беларусь: «В этой ситуации мы должны любыми средствами отстоять главную нашу ценность – независимость страны», для чего необходимо «единство народа Беларуси», «извлечение уроков из своих ошибок и ошибок соседей» и «ясный проект будущего Беларуси» [25].

Говоря о единстве народа Беларуси, А.Г. Лукашенко указывал и на существующие для него угрозы: «Мы, белорусы, не хотим и не должны допустить раскола нашего общества. Наши независимость и молодая государственность раздражают, конечно же, многих. И если в нашем единстве появится трещина, обязательно найдутся желающие этим воспользоваться... Если мы и дальше сохраним главную ценность – наше единство, то Беларусь сбережет независимость и продолжит свой уверенный путь в будущее» [25].

В контексте глобализационных процессов, порождающих риск формирования гомогенного вестернизированного культурного пространства, чрезвычайно актуально звучат следующие слова Президента: «Единство народа не означает единомыслия. Нам не нужно серое общество – покорное и равнодушное ко всему. Такое общество – без ценностей, без корней, без веры в себя – легко станет добычей враждебных сил, как внутренних, так и внешних. Нам нужна живая страна с разнообразием идей и мнений, с активной позицией всех ее граждан. Только тогда мы выстоим в любую бурю» [25].

Говоря о единстве славянских корней, Глава государства делал акценты на самостоятельности и национальной независимости: «Из общей духовной православной колыбели, из Святой Руси выросли три братских самобытных народа. Каждый из которых сегодня строит *свое* государство, создает *свою* государственность. Мы не пророссийские, не проукраинские и не пропольские, *мы – не русские, мы – белорусские!* (курсив наш – В.М.)» [25].

Тезисы по вопросам культурной политики, мягкой белорусизации были высказаны Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко и во время его встречи с представителями белорусских и зарубежных средств массовой информации 29 января 2015 г.: «Вот эти термины появились: мягкая сила. И мы посодествовали “мягкой белорусизации”... Я поддерживаю белорусский язык, потому что это то, что нас отличает, к примеру, от русского человека, от россиян. Это признак нации» [26]. То же говорил А.Г. Лукашенко и в 2014 г.: «Если мы разучимся говорить на белорусской мове – мы перестанем быть нацией» [25].

В контексте внешней культурной политики (культурной дипломатии) политика мягкой силы в общем смысле представляет собой продвижение интересов государства за рубежом через мягкое социокультурное сотрудничество. Следует рассматривать это как политический процесс использования культуры в качестве самостоятельного инструмента, т.е. процесс, который имеет свою концептуальную основу и содержит скоординированный, рассчитанный на долгие годы прогностический элемент.

Заключение

Таким образом, феномен мягкой силы может рассматриваться как эффективный инструмент воздействия на культурный процесс, который ориентирован не на применение прямолинейной силы, но на привлекательность формулируемых целей. Воздей-

стве на процесс посредством мягкой силы не предполагает больших усилий (ни с точки зрения применения силовых воздействий, ни с точки зрения энергетических затрат, ни с точки зрения финансовых вливаний), а результат достигается за счет точного выбора момента воздействия и готовности к нему, что требует прогнозирования развития культурной ситуации. Применительно к современной культурной ситуации в Республике Беларусь мягкая сила (в контексте необходимости развивать культурную идентичность в условиях глобализационных вызовов) выступает в форме мягкой белорусизации. На сегодняшний день можно с определенностью фиксировать наличие конкретных тенденций и многочисленных элементов мягкой белорусизации в процессе развития современной культуры Республики Беларусь. Однако отсутствие документа, официально закрепляющего культурную политику мягкой белорусизации и определяющего ее содержание и стратегию, не позволяет говорить о ее стратегическом воплощении. В этих условиях необходима разработка проекта модели формирования культурной политики мягкой белорусизации в Республике Беларусь с учетом сложившейся системы глобализационных вызовов и рисков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nye, J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power* / J. Nye. – New York : Basic Books, 1991. – 307 p.
2. Nye, J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* / J. Nye. – New York : Public Affairs Group, 2004. – 191 p.
3. Най, Дж. «Мягкая» сила и американско-европейские отношения / Дж. Най // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 10. – С. 20–24.
4. Иноземцев, В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире [Электронный ресурс] / В. Л. Иноземцев // Век глобализации. – 2008. – Вып. 1. – Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129823/>. – Дата доступа: 18.04.2016.
5. Keohane, R. O. *Power and Interdependence* / R. O. Keohane, J. S. Nye. – New York : Addison-Wesley, 2000; Keohane, R. O. *Power and Interdependence* / R. O. Keohane, J. S. Nye // *International Organization*. – The MIT Press 1987. – Vol. 41. – № 4. – P. 725–753.
6. Castells, M. *The Power of Identity* / M. Castells // *The Information Age: Economy, Society and Culture*. – Cambridge & Oxford : Blackwell, 1997. – Vol. II. – 560 p.
7. Jackson, R. H. *Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World* / R. H. Jackson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 240 p.
8. Teson, F. R. *Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality* / F. R. Teson. – New York : Transnational Publishers, 2005. – 272 p.
9. Chandler, D. *From Kosovo to Kabul and Beyond: Human Rights and International Intervention* / D. Chandler. – London : Pluto Press, 2005. – 304 p.
10. Chesterman, S. *Just War or Just Peace? Humanitarian Intervention and International Law* / S. Chesterman. – Oxford & New York : Oxford University Press, 2003. – 328 p.
11. Finnemore, M. *The Purpose of Intervention. Changing Beliefs about the Use of Force* / M. Finnemore. – New York & London : Cornell University Press, 2013. – 184 p.
12. Haas, R. *Intervention. The Use of American Military Force in the Post-Cold War World* / R. Haas. – Washington (D.C.) : Brookings Institution Press & Carnegie Endowment for Int'l Peace, 1999. – 320 p.
13. Николис, Г. *Познание сложного* / Г. Николис, И. Пригожин. – М. : Мир, 1990. – 342 с.
14. Пригожин, И. *Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой* / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 431 с.

15. Николис, Г. Самоорганизация в неравновесных системах. От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуацию / Г. Николис, И. Пригожин. – М. : Мир, 1979. – 512 с.
16. Пригожин, И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопр. филос. – 1991. – № 6. – С. 46–52.
17. Баблюянец, А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи / А. Баблюянец. – М. : Мир, 1990. – 374 с.
18. Тоффлер, О. Наука и изменение / О. Тоффлер // Пригожин И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – С. 11–33.
19. Зеленков, А. И. Может ли хаос быть конструктивным в эпоху глобальных рисков? / А. И. Зеленков // Диалог культур в эпоху глобальных рисков : материалы Международ. науч. конф. – Минск : РИВШ, 2016. – С. 33–36.
20. Можейко, В. А. Феномен мягкой белорусизации и формирование культурной политики Республики Беларусь в условиях глобализации / В. А. Можейко // Изв. Смолен. гос. ун-та. – Смоленск, 2016. – № 4(32). – С. 351–357.
21. Можейко, В. А. Востребованность механизмов мягкой белорусизации для формирования культурной политики в условиях глобализации / В. А. Можейко // Христианство в европейской и мировой истории : сб. докл. XX юбилейных Кирилло-Мефодиевских чтений. – Минск : Ковчег, 2015. – С. 133–135.
22. Будзьма беларусамі [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://budzma.by/ab.out>. – Дата доступа: 19.04.2015.
23. Арт Сядзіба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://artsiadziba.by/support>. – Дата доступа: 21.04.2015.
24. Кіраўнік сеткі паліўных станцый «А-100» І. Валадзько: пасля таго як на нашых станцыях пачалі размаўляць па-беларуску, кліентаў стала больш [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://people.onliner.by/category/opinions/2015/01/22/mnenie-138>. – Дата доступа: 25.01.2015.
25. Лукашенко, А. Г. Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию 22.04.2014 [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-obraschaetsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-8549/. – Дата доступа: 21. 04.2016.
26. Стенограмма встречи с представителями белорусских и зарубежных СМИ [Электронный ресурс]. – Официальный Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/stenogramma-vstrechi-s-predstaviteljami-belorusskix-i-zarubezhnyx-smi-107.60/. – Дата доступа: 25.01.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2016

Mojeiko V.A. The Practice of Using of Soft Power as a Tool for Preservation of Cultural Identity in the Conditions of Globalization

The article includes the analysis and justification of the concept of soft power as in its classical form (J. Nye, V.L. Inozemtseva approaches, the theory of «humanitarian action») and from the perspective of modern synergetics (directional impact of soft power as the fluctuations near the bifurcation point). The potential of soft power to preserve the cultural identity in contemporary globalization processes is revealed. Applied applications are carried out on the material of modern Belarusian culture in the light of the idea of soft Belarusization. The content of the phenomenon of soft Belarusization, the place of soft Belarusization in cultural policy of the Republic of Belarus, its role in the preservation of cultural identity, the potential of soft Belarusization for foreign cultural policy is defined. The need for drafting model of formation of cultural policy of soft Belarusization in the Republic of Belarus with regard to the current system of globalization challenges and risks is highlighted.

УДК 141.32

О.В. Громова

соискатель каф. философии

Днепропетровского Национального университета имени О. Гончара (Украина)

**СВОБОДА И ОДИНОЧЕСТВО КАК КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ
В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ Ж.-П. САРТРА**

Рассматривается проявление феномена одиночества в философии Ж.-П. Сартра. Во введении рассмотрена специфика освещения вопросов свободы и одиночества в экзистенциальной антропологии Ж.-П. Сартра. В основной части рассматриваются главные принципы понимания экзистенциальных феноменов, о которых пишет Ж.-П. Сартр; выделены мотивы свободы и одиночества как ключевые концепты в идеях философа. Акцентируется внимание на том, каким образом Сартр подводит к теме одиночества в своих произведениях, выделяется место концепта отчуждение в его философии. В статье использованы методы, обусловленные экзистенциальной парадигмой. К феномену одиночества в разнообразных его проявлениях обращается практически каждый экзистенциальный философ. Часто дискутируемый тезис о свойственном современной науке антропологическом повороте нуждается в критической рефлексии, и с этой точки зрения обращение к творчеству Сартра как нельзя более актуально. В заключении указывается, что одним из самых важных вопросов остается проблема индивидуального бытия. Ж.-П. Сартр в каждом своем произведении пытается найти ответы на вопросы о смысле существования, развивая темы свободы и одиночества. Особая актуальность данной темы связана с тем, что сегодня изучение проявлений одиночества приобретает междисциплинарный характер и основывается на стремлении понять закономерности этого явления. Феномен одиночества сложен и многогранен; в современном научном знании нет единства мнений не только по поводу его определения, но и его возникновения и трансформации. Полученные результаты могут быть применены для дальнейшей работы над вопросом места свободы и одиночества в экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра.

Введение

Проблематика экзистенциальной философии отражает важнейшие темы: каков человек и окружающий его мир, каков смысл бытия, как человек, будучи зависим от объективных воздействий, определяет свое бытие и познает собственное субъективное «я», решает встающие перед ним экзистенциальные вопросы. Экзистенциализм развивался как сумма антропологических парадигм, среди которых затруднительно вычленишь какое-либо отчетливое учение или систему, поскольку никто из экзистенциальных философов не стремится создать «направление» или «школу». Философия экзистенциализма проявляется в неустанном вопрошании о «подлинном» и «неподлинном», о бытии человека в мире и его предназначении. Экзистенциалистов не волнует обсуждение истины как формально-логической правильности. Они намеренно дистанцируются от идеи безличного знания, осуществляя переход философского дискурса из плоскости онтологии в плоскость антропологии. В экзистенциальном дискурсе истина перестает быть чем-то абстрактным, поскольку истиной становится то, что я знаю о себе и о мире, то, что я чувствую. Безразличное теоретическое знание, которое можно категоризировать, анализировать с точки зрения экзистенциализма не может быть ценным. Фокусирование внимания смещается на ключевые понятия, экзистенциалы, которые становятся основной темой философствования: свобода, забота, ответственность, страх, одиночество, тревога, неизбежность смерти. Такой подход задает особый ракурс рассмотрения человеческого бытия. В частности, для экзистенциальных мыслителей тема одиночества выступает как одна из наиболее важных тем. Экзистенциальная философия утвер-

Научный руководитель – В.Б. Окорочков, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Днепропетровского Национального университета имени О. Гончара

ждает, что человеческой жизни одиночество имманентно, что оно выступает не как результат внешних, случайных обстоятельств, но укоренено в самом бытии. Говоря об особенностях, индивидуалистичности бытия человека, экзистенциалисты обозначают в нем различные проявления феномена одиночества: в частности, одиночество как ответственность и одиночество как отчуждение, о которых речь ниже.

Сартр начинает с важнейших вопросов о том, каким образом человек, утративший связи с природой и с другими людьми, надеется обрести смысл в действительности, которая затоплена абсурдом и тревогой. Он разделяет различные способы бытия: бытие человеческой экзистенции («бытие-для-себя») и бытие вещного мира («бытие-в-себе»), задавая им радикально отличающиеся друг от друга свойства. Бытие-в-себе «есть то, что оно есть», голая фактичность, оно является пассивным, антидиалектичным. Бытие-для-себя никогда «не дано», ему только предстоит осуществиться. Бытие-для-себя выступает как проективное, оно «есть то, что оно не есть, не будучи тем, что оно есть». Это его свойство Сартр выражает знаменитым тезисом «существование предшествует сущности», показывая принципиальное отличие бытия человека от бытия предметов. В программном труде «Экзистенциализм – это гуманизм» он приводит иллюстрацию того, как проявляется разница существования и сущности. Например, когда ремесленник делает нож, он руководствуется при его создании «определенным понятием, а именно понятием ножа, а также заранее известной техникой, которая предполагается этим понятием и есть, в сущности, рецепт изготовления... Нож является предметом, который, с одной стороны, производится определенным способом, а с другой – приносит определенную пользу. Невозможно представить себе человека, который бы изготавливал этот нож, не зная, зачем он нужен... У ножа его сущность, то есть сумма приемов и качеств, которые позволяют его изготовить и определить, предшествует его существованию» [1, с. 321]. Человек же в отличие от предмета «сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется... Человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать» [1, с. 322]. Человек сначала осуществляет свое пребывание в мире и только потом находит свою сущность, формирует себя, создает свою личность. В отличие от предмета человек, пока он жив, всегда остается незавершенным проектом, делает и снова переделывает себя сам. Сущность не дана ему с рождения, он сам выбирает себя, оставаясь в этом выборе совершенно свободным. Этот тезис является принципиальным для понимания экзистенциальной антропологии.

Сущностью, говорит Сартр, является все то, что можно указать о человеческом бытии словами: это *есть*. И поэтому сущность «есть целостность свойств, которые *объясняют* действие. Но действие всегда по другую сторону этой сущности, оно является человеческим действием, лишь поскольку опережает всякое объяснение, которое ему дают, как раз потому, что все у человека можно обозначить формулой: это есть в силу того, что это было» [2, с. 105]. Человек вынужден непрерывно нести с собой понимание своей сущности до того, как будет сформировано суждение о ней, и поэтому он отделен от сущности через ничто. «Сущностью и является все то, что человеческая реальность понимает о себе как *бывшей*. И именно здесь появляется тревога как постижение себя, как существующего в постоянном отрыве от того, что есть; еще лучше: человек делает себя существующим как таковой» [2, с. 105]. Если признать, что существование предшествует сущности, то как субъекту, наделенному сознанием и волей, человеку необходимо приложить максимальные усилия для реализации себя. Также существование за-

висит не только от него самого, его целей и желаний: объективные факторы, такие как социальная среда, характер, наследственность, задают ограничения. «Человек – это то, что следует преодолеть», и «жизнь до того, как мы ее проживем, – ничто, но это от вас зависит придать ей смысл».

Сартр считает, что никто не разделит с человеком ключевые экзистенциальные моменты его бытия. Таким образом, сам человек вынужден стать ответственным за принятие решений и в одиночестве будет ощущать их тяжесть. «Я появляюсь один и в тревоге перед единственным и первичным проектом, конституирующим мое бытие; все барьеры, все опоры рушатся, ничтожатся сознанием моей свободы; я не должен и не могу прибегать ни к какой ценности, исходя из факта, что именно я поддерживаю в бытии ценности; ничто не может обезопасить меня от меня самого, отрезанного от мира и своей сущности этим ничто, которым я являюсь, я должен реализовать смысл мира и свою сущность; я принимаю решения в одиночестве, без оправдания и без извинения» [2, с. 111]. Общество выступает как чуждый и враждебный механизм, поскольку в обществе, отказавшись от себя самого или боясь принятия ответственности, человек становится обезличенным, «поглощенным общей невнятистью». Вина за собственное несовершенство и ответственность за все, что происходит вокруг него, проявляются как обратная сторона свободного человека.

При этом судьба человека парадоксальна: он вынужден выбирать, хотя по сути не получает никаких внешних оснований для того, чтобы сделать выбор. Никогда не выступая как трус или храбрец раз и навсегда, субъект пребывает в устремленности к раскрытию своей сущности, каждый раз снова и снова решая, поступит ли он храбро или трусливо. «Если я сочту данный поступок благим, то именно я, а не кто-то другой, решаю, что этот поступок благой, а не злой. ...Для каждого человека все происходит так, как будто взоры всего человечества обращены к нему и будто все сообразуют свои действия с его поступками. И каждый человек должен себе сказать: действительно ли я имею право действовать так, чтобы человечество брало пример с моих поступков? Если же он не говорит себе этого, значит, скрывает от себя свою тревогу» [1, с. 326].

По мнению Сартра, свобода является не качеством: человек не может выбирать, потому что свобода предъявлена человеку как требование. Свобода проступает, когда через тревогу человек постигает неизбежность своего небытия. В бытии-для-себя человек «обречен на свободу», поскольку выступает как незавершенный проект: до тех пор пока он жив, он делает и снова переделывает себя тем, что выбирает и создает свои поступки. «Именно свободный поступок и определяет всякий раз его действительность и даже его смысл» [3, с. 675]. Фактически свобода становится важнейшей характеристикой человеческой экзистенции, поскольку выступает не как «свойство моей природы», но как «содержание моего бытия». Однако свобода в итоге оказывается вовсе не благом, а роковой фатальностью. «Следует заметить, что свобода, обнаруживающаяся через тревогу, характеризуется постоянно обновляемой обязанностью переделывать Я, которое обозначает свободное бытие» [2, с. 104]. «Тревога есть, следовательно, рефлексивное постижение свободы ею самой. В этом смысле она выступает посредником, так как, являясь непосредственным сознанием самой себя, она возникает в отрицании требований мира. ...В тревоге я постигаю себя сразу полностью свободным и не могущим не делать того, благодаря чему смысл мира приходит к нему через меня» [2, с. 111]. В попытках субъекта избавиться от тревоги проступает то, что человек не может справиться с ней: «бегство от тревоги не есть только усилие отделения от будущего: оно пытается также устранить угрозу прошлого. От чего я пытаюсь бежать здесь, это и есть моя трансцендентность, поскольку она поддерживает мою сущность и возвышается над нею. Я утверждаю, что я есть моя сущность в способе бытия-в-себе» [2, с. 114]. Таким образом, человек бежит от тревоги, пытаясь «постигнуть себя извне как другого или как вещь».

Но можем ли мы добиться различными построениями того, чтобы приглушить или скрыть нашу тревогу? Сартр дает однозначный ответ: мы не можем устранить ее, поскольку сами «мы являемся *тревогой*» [2, с. 116].

Сартр уделяет пристальное внимание главным моментам индивидуального существования. Один из важнейших процессов, по его мнению, – отчуждение между личностью и обществом. Это трансформируется в утрату коммуникации и нарастание чувства социального одиночества. Попытки человека убежать от тревоги в «безличность», в то, что Хайдеггер называет «успокоенно-близкое-в-мире-бытия», с помощью суеты создавая иллюзию смысла, оканчиваются ничем. Отказ от собственной экзистенции в пользу чего-то или кого-то, перепоручение другому своего бытия, помимо безличности, рождают чувство абсурда и отчуждения от мира. В экзистенциальной философии проблема «подлинного» и «неподлинного» существования выступает как центральная. Жить неподлинной жизнью, предавая забвению самое себя, свое бытие, осуществляя себя как фактичность, – это то, что, по мнению Сартра, приводит к отчуждению.

Концепт отчуждения, воспринимаемый через призму идей Маркса, изучается Сартром досконально. Сартр пристально присматривался к учению Маркса и отдавал должное его идеям. Он высказывал мнение, что Маркс предлагает отличный от Гегеля вариант диалектики: диалектическая система Гегеля не требует доказательств, она догматична и дистанцируется от реального исторического процесса. Диалектика Маркса, напротив, построена критически: он изучает диалектические явления, которые проявлены в бытии. Сартр скорее негативно высказывается о трех законах диалектики, которые предложил Гегель, и настойчиво утверждает, что подобные законы могут быть свойственны лишь обществу, но не личности. Сартр уважительно относился к марксизму, однако не стал его последователем. Сартр представляет антропоцентричное толкование явлений, в то время как Маркс предлагал социоцентричные трактовки, фокусировал свои выводы в соотнесении с явлениями, которые он наблюдал в обществе. Сартр в отличие от Маркса говорит не о «противоречиях», или противоположностях, он всегда говорит о переживаниях субъекта к контексте отчуждения. «Я нахожусь по другую сторону всякого познания, которое я могу иметь; это – я, которое познает другой. И это – я в мире, который другой отчуждал от меня, ибо взгляд другого охватывает мое бытие и соответственно стены, дверь, замочную скважину; все те вещи-инструменты, в середине которых нахожусь я, поворачивают лицо к другому, которое в принципе избегает меня. Таким образом, я являюсь своим Эго для другого в середине мира, который течет к другому. ...Мое отчуждение, являющееся рассматриваемым-бытием, предполагает отчуждение мира, который я организую» [2, с. 417–419]. Ключевым словом, вокруг которого он развивает тему отчуждения, является вводимый им термин «нехватка». Именно нехваткой Сартр пытается объяснить многие явления в общественной и индивидуальной жизни. К примеру, нехватка какого-либо ресурса делает другого врагом. По меткому замечанию Арона, понятием «нехватка» Сартр продолжил знаменитый тезис Гоббса «человек человеку – волк».

Дискурс о другом развивает тему отчуждения и одиночества как отчуждения. Вступая в дискурс с другим, мы обнаруживаем двойное отрицание: я отрицаю другого, но и другой отрицает меня; другой, становящийся объектом для меня, вынуждает мое я также становиться объектом. Сартр говорит о том, что Я-для-другого – это Я-объект, отчуждаемое я. Оно расположено на границе субъективности моей и субъективности другого. Именно за счет своего я мне удается держать другого на определенной дистанции. Граница понимается Сартром двояко: с точки зрения другого как ограничителя, граница – это вместилище меня, моя оболочка; с точки зрения меня как ограничиваемого, граница – это предел моей самости, к которому она стремится, но который никогда не может быть ею достигнут. Отношение с другим проявляет отрицание меня, поскольку

ку другой не есть я; другой выступает как объект, утрачивает свою субъектность. Если я вынужден признать другого, то вынужден признать, что существует Я-для-другого, «произведенное одним и принятое к себе другим». Оно получает свою абсолютную реальность тем, что «является единственно возможным разделением между двумя существами, глубоко тождественными в том, что касается их способа бытия, непосредственно присутствующими одно к другому, поскольку только сознание способно ограничить сознание, никакой средний член между ними немислим» [2, с. 308].

Сартр говорит о «пограничных состояниях» и «часах ясности», «минутах просветления», убедительно показывая, что именно перед лицом смерти мы ощущаем подлинную ценность жизни. В этот момент, когда перед человеком открывается Ничто, бездна, которая была для него абстрактной в силу его охваченности повседневностью, человека охватывает тревога. Проявление тревоги и есть подлинное бытие, вынести которое намного трудней, чем пытаться существовать в условиях заведенного порядка вещей. «Мы бежим от тревоги, пытаемся постигнуть себя извне как другого или как вещь. То, что обычно называют открытием глубокого смысла или первичной интуицией нашей свободы, не имеет ничего первоначального: это процесс уже сконструированный, явно предназначенный для того, чтобы скрыть тревогу, подлинно “непосредственное данное” нашей свободы. Добиваемся ли мы этими различными построениями того, чтобы приглушить или скрыть нашу тревогу? Конечно, мы не можем ее устранить, поскольку мы являемся тревогой» [2, с. 116].

Сартр уверен, что у человека «нет другого законодателя, кроме него самого, и что решать свою судьбу он будет в полном одиночестве» [1, с. 327]. В кризисные моменты, на грани жизни и смерти, социальные установки перестают иметь значение, понимается их бессмысленность, изменяется система оценок происходящего. Человек оказывается наедине с собой, и мир для него становится иным, проявляется пустота и ничтожность социального на фоне подлинно значимого. Непрочность бытия, его призрачное благополучие выступают сквозной темой философии Сартра. Призрачность мира является в том, что человек не может не только защитить себя от происходящих вовне событий, но даже от того, что происходит в нем самом. Сартр убежден, что жизнь – это единственная объективная реальность, кроме нее, ничего нет. Жить неподлинной жизнью, предавая забвению самое себя, свое бытие, осуществляя себя как фактичность; именно это, по мнению Сартра, приводит к отчуждению от подлинности, в результате чего накапливаются чувства враждебности. «За пределами «человеческой бытийности» есть одно только великое Ничто; поэтому человеку нет смысла искать опоры, перестраховки. Он не может рассчитывать ни на помощь, ни на подсказку свыше. Он всегда наедине с собой» [2, с. 42].

Необходимость искать ответы на вопрос о смысле существования, о сущности добра и зла, об одиночестве человека в мире, побуждает Сартра к поискам новых литературных форм. Он создает новые подходы в литературе: экзистенциальный роман (роман «Тошнота» сделал его знаменитым), психологически-философский роман-биография (книги о Бодлере, огромный роман о Флобере). Роман становится более приемлемой формой изложения, поскольку в отличие от философского трактата позволяет точнее передать переживаемые индивидом чувства. Дополнительно это вовлекает читателя в рассмотрение сложного философского вопроса, поскольку побуждает его переосмыслить происходящее в проекции на собственную личность. Такая форма позволяет полнее осуществить передачу настроения, порывов, зачастую противоречивых эмоций, которые и составляют внутренний мир человека. Герои экзистенциальных произведений Сартра в результате происходящих с ними событий убеждаются в бесполезности рациональности, или привычного, способа самоопределения. Ощущение ситуации как исключительной, осознание поверхностности коммуникации с другими порождает острое чувство одиночества. События в произведениях Сартра поворачиваются так, что фо-

кусируют субъекта на себе, и формальная коммуникация не может избавить от этих переживаний. Давление обстоятельств в пограничной ситуации проявляется таким образом, что герой ощущает тотальное одиночество. Человек осознает бесполезность рационализации и привычного ему способа реагирования и самоидентификации. Оставшись в социальном вакууме, он испытывает потребность, порой даже агрессивную, утвердить себя, обратить на себя внимание. Однако парадоксальным образом именно такое существование в полном одиночестве и фактически за гранью кризиса возвращает личность к ее подлинному бытию. Независимо от своего состояния, от силы и яркости событий, качества происходящего герой экзистенциального произведения осознает значимость жизни, поскольку он смертен и одинок. Перед войной Сартр публикует рассказы из сборника «Герострат». Эти произведения развивают важнейший для его творчества сюжет: герой, попадая в пограничную ситуацию, переживает одиночество, поскольку становится заброшенным, предчувствует свою гибель, нарушаются или разрываются его социальные связи. Сартр показывает, как под воздействием пограничной ситуации происходит отсечение всего искусственного, того, что было навязано обществом. Совершая поступки, несовместимые с общепринятой моралью, чтобы только быть замеченным, поскольку равнодушие мира унижительно и невыносимо, герой «Герострата» говорит: «Я знаю, что они мои враги, но они этого не знают. Они любят друг друга, пожимают друг другу руки. А меня... меня они иногда похлопывали по плечу, потому что считали себе подобным. Но если бы они могли знать самую нелицеприятную часть правды, они бы меня избили. ...Я им покорился, сил сопротивляться у меня не было. Внезапно в самой гуще этой толпы я почувствовал себя ужасно одиноким и ничтожным. Как легко они могли причинить мне боль, если бы только захотели!» [5].

Важно отметить еще одну особенность понимания феномена одиночества как отчуждения в философии Сартра, когда другой выступает мотивом постижения человека в качестве собственно свободной самости. В третьей части «Бытие и ничто», которая имеет выразительное название «Для-другого», Сартр последовательно показывает, как индивидуальное сознание может быть понято через интерсубъективность. Он говорит о том, что бытие проявлено как бытие для другого, исследуя этот феномен через понятие «взгляд». Сартр говорит, что каждый смотрится в другого как если бы другой был его зеркалом. Именно взгляд другого делает меня объектом, и я, в свою очередь, своим взглядом делаю объектом другого. Взгляд определяет мое самосознание, поскольку, не будь другого, я не смог бы стать объектом для себя самого. Но фактически это означает и то, что моя свобода становится ограниченной посредством свободы другого. Соотношение свободы и необходимости постигается как отчуждение: в моем сознании рождается отчуждение, которое создает конфликт. Поскольку свобода другого неотчуждаема, сутью отношений людей друг с другом становится конфликт. «Конфликт есть первоначальный смысл бытия для другого. Все то, что нужно для меня, нужно и для другого. В то время как я пытаюсь освободиться от захвата со стороны другого, другой пытается освободиться от моего, в то время как я стремлюсь поработить другого, другой стремится поработить меня» [4, с. 22].

В заключение скажем, что проблемы, о которых говорит Ж.-П. Сартр, вызывают особый интерес в контексте нынешнего состояния общества, которому характерна смена парадигм. Порожденный техногенной цивилизацией духовно-интеллектуальный кризис создает основания для переоценки смыслов и возможностей человека, выводя на передний план сущностные антропологические вопросы о границе свободы, неизбежности смерти и одиночества. По мнению Сартра, развиваясь, цивилизация на каждом этапе поднимает эти проблемные вопросы как требующие разрешения и теоретического переосмысления. Римляне в момент триумфа и наивысшей славы произносили: «Memento mori!». Эта мысль проявляется также и в экзистенциальном дискурсе: жизнь, бы-

тие человека становится для нее единственной реальностью и главной ценностью. Важнейшим во все времена по-прежнему остается вопрос индивидуального бытия, очень личный для каждого из нас, вопрос смысла существования, поднимаемый Сартром, который он пытается решить в каждом своем произведении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр. – М., 1990. – С. 319–344.
2. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М. : АСТ/Астрель, 2009. – 928 с.
3. Сартр, Ж.-П. Дневники странной войны. Сентябрь 1939 – март 1940 / Ж.-П. Сартр. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 366 с.
4. Сартр, Ж.-П. Аллюзия любви [Текст] / Ж.-П. Сартр, С. де Бовуар. – М. : Алгоритм, 2008. – 240 с.
5. Сартр, Ж.-П. Герострат [Электронный ресурс] / Ж.-П. Сартр. – Режим доступа: <http://books.atheism.ru/files/gerostrat.htm>. – Дата доступа: 26.09.2016.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2016

Gromova O.V. Freedom and Loneliness as the Main Concepts in Existential Anthropology of J.-P. Sartre

The purpose of this article is to trace the expression of loneliness phenomenon in philosophy of J.-P. Sartre. The introduction discusses the specifics of coverage of issues of freedom and loneliness in existential anthropology of J.-P. Sartre. The article gives a detailed analysis of the main principles of understanding the existential phenomena according to J.-P. Sartre. The author distinguishes the motives of freedom and loneliness as the key concepts in existential anthropology of J.-P. Sartre. The attention in the articles is focused on how Sartre brings the theme of loneliness in his works and the place of alienation concept of alienation is highlighted in his philosophy. The article uses the methods arising from the existential paradigm. Almost every existential philosopher applies the phenomenon of loneliness in its various forms. Often debated thesis about inherent to modern science anthropological turn requires critical reflection, and from this point of view, an appeal to the creativity of Sartre could not be more urgent. In conclusion, the article points out that one of the most important issues is the problem of human existence. J.-P. Sartre in his works is trying to find answers to questions about the meaning of existence, developing the theme of freedom and loneliness. The particular relevance of the topic is related to the fact that today the study of manifestations of loneliness gets interdisciplinary nature and is based on the desire to understand the patterns of this phenomenon. The phenomenon of loneliness is complicated, multi-faceted, in modern scientific knowledge there is no agreement about its definition and its occurrence. The results we have got can be applied to further work on the question of the place of freedom and loneliness in existential anthropology of J.-P. Sartre.

УДК:173.7

Д.В. Столяров

магістр социол. наук, аспирант Института философии
Национальной академии наук Беларуси

АНАЛИЗ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» ПОСРЕДСТВОМ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ КАРЕН ХОРНИ

Рассматривается специфика гендерных взаимоотношений, описанных в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Анализируются такие явления, как «гендерная дискриминация» и «двойные стандарты». На примере литературных персонажей раскрываются характер и особенности социального механизма, провоцирующего подобные явления. В целях детального анализа научного характера применяется психоаналитическая концепция К. Хорни. Согласно теории К. Хорни показана суть взаимодействия культуры и человека в гендерной сфере.

Введение

Многие произведения мировой классики в первую очередь ценны тем, что отражают вневременные вопросы. Они возникли на заре человечества и представляют собой обширное поле не только для литературных размышлений, но и для научных исследований. Гендерная проблематика в рамках различных времён, культур и социальных институтов – одна из таких сфер. Классик русской литературы Л.Н. Толстой в ряде своих произведений гендерным вопросам уделяет особое внимание. Одно из таких произведений – роман «Анна Каренина», сюжет которого сконцентрирован непосредственно на проблемах гендерных взаимоотношений, проблемах семьи и брака. Американский психоаналитик К. Хорни также посвятила значительную часть своего научного творчества изучению вышеуказанных сфер. Цель статьи – посредством применения научной парадигмы в отношении классического литературного сюжета объяснить типичные и извечные проблемы гендерных отношений. В рамках данной цели можно выделить следующие задачи: 1) рассмотреть и раскрыть явления гендерной стереотипизации и двойных стандартов; 2) проанализировать эффективность применения научной парадигмы в отношении художественного текста. Анализируя и интерпретируя жизненные ситуации литературных героев сквозь призму научной теории, можно ещё раз убедиться в их неисчерпаемости и вневременной актуальности.

Культурная среда как объект анализа психоаналитической парадигмы К. Хорни

Рассматривая примеры взаимоотношений персонажей романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», нельзя не заметить, что психоаналитическая парадигма К. Хорни весьма точно может раскрыть сущность некоторых явлений, описанных в этом произведении. Акцентируя внимание на влиянии культуры на жизнь и отношения между индивидами, на их становление и развитие, К. Хорни приходит к выводу, что все люди в определённой степени являются заложниками неких культурных рамок. Данные рамки могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние, но уйти от них очень сложно. Если ещё отдельная личность может предпринять какие-либо попытки этого, то говорить об определённой социальной общности по данному вопросу абсолютно бессмы-

Научный руководитель – М.А. Можейко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств

сленно, ибо, отказавшись от одних рамок и норм, общество неминуемо попадёт в другие, поскольку такова его сущностная природа: общество само по себе уже есть рамка и норма, в какой бы примитивной форме это ни выражалось. Это абсолютно нормальный и закономерный процесс. Целью же общественного развития в таком случае может служить лишь максимальное расширение этих рамок и поиск наиболее благоприятных альтернатив.

Так, в романе «Анна Каренина» ярко показаны люди как заложники традиционной патриархально-консервативной системы, негативные стороны которой в той или иной степени оказывают влияние на практически всех значимых персонажей. Наиболее отчётливо характер консервативного уклада отражён Л.Н. Толстым посредством описания жизни и взглядов женщин того времени, в частности, Анны Карениной, Долли Облонской и Кити Щербацкой. Одним из основных тезисов, на наш взгляд, является то, что всякое негативное, что есть в человеке, как во внешности, так и в душе и поступках, есть результат последствий воздействия на него (человека) чего-то негативного в прошлом. Данное утверждение отчётливо отражено в описании жизни и судьбы главной героини. Изначально обречённые её брачные отношения, в которые она вступает под давлением, приводят Анну к ряду внутриличностных конфликтов и опрометчивых поступков. Так, под воздействием негативных социальных установок любой человек может быть раздираем внутренними конфликтами и вольно или невольно становится хуже, чем он есть на самом деле.

Анна, Долли, Кити – яркие примеры жертв своего времени, своей культуры. Не в силах себя в ней полностью реализовать, они постоянно мучимы терзаниями, и всякое дурное проявление в них есть ответ на те самые вызовы патриархальной культуры, сковавшей и примитивизировавшей всю женскую часть общества, оставив за женщинами лишь роли домоуправительниц и матерей, что, несомненно, не могло быть достаточным. Вот что пишет по этому поводу в одной из своих книг Карен Хорни: «Усилия женщины достигнуть независимости, расширить круг своих интересов и поле деятельности постоянно наталкиваются на традиционный скептицизм. Большинство считает, что такие усилия должны предприниматься только перед лицом экономической необходимости и что они извращают внутреннюю сущность и естественные склонности женщины. Таким образом, все эти усилия объявляются не имеющими жизненно важного значения для женщины, чьи помыслы должны, по сути дела, крутиться исключительно вокруг мужчин и материнства. Такое отношение к женщине, каковы бы ни были его основания и как бы мы его ни оценивали, отражает патриархальный идеал женственности, а именно женщину, чье единственное страстное желание – любить мужчину и быть им любимой, восхищаться им и прислуживать ему, и даже творить себя по его образу и подобию. Те, кто отстаивают эту точку зрения, как правило, ошибочно выводят из внешнего поведения существование внутренней инстинктивной предрасположенности к нему, в то время как в реальности инстинктивная внутренняя предрасположенность не может быть распознана как таковая по той причине, что биологические факторы никогда не заявляют о себе в чистом незамашированном виде, а всегда модифицируются традицией и средой» [1, с. 90–91].

В связи с этим следует отметить, что, рассматривая ситуацию сквозь психоаналитическую парадигму К. Хорни, нельзя хотя бы вскользь не упомянуть о феминистической парадигме, проблемы которой Л.Н. Толстой также остро поднимает в своем романе. Это особенно заметно, если вспомнить о феномене «двойных стандартов», так часто критикуемом в феминистических концепциях. Весьма красноречивым примером воплощения в жизни данного феномена может послужить сравнение таких персонажей, как Анна Каренина и её брат Степан Аркадьевич Облонский. Как известно, они оба были уличены в супружеской неверности, но если на публичную жизнь Степана Аркадь-

веча это не накладывает какого-либо существенного впечатления (он как прежде посещает мероприятия, приёмы, даже продвигается по службе), то жизнь Анны меняется кардинально: она становится затворницей поневоле, весь свет отворачивается от неё, двери салонов и «приличных» домов для неё закрыты. Такое отторжение, неспособность самореализоваться в сложившихся обстоятельствах ставят героиню на деструктивный конфликтный путь, что неминуемо ведёт к трагической развязке. При этом Анну ни в коем случае нельзя, на наш взгляд, возносить и делать из неё некий «образ свободной женщины» в феминистическом понимании, ибо Анна творит зло из собственных эгоистических побуждений, но, опять же, не следует забывать и о том, что из страданий ничего не рождается, кроме зла. Так, в романе описывается брак Анны с нелюбимым Карениным, что не могло не спровоцировать начала внутреннего конфликта, который, вызревая постепенно, со временем достиг своего апогея в виде сначала абсолютно тупиковых отношений с Вронским, унижения и осрамления пусть нелюбимого, но мужа, предательства по отношению к сыну, а затем самоубийства главной героини, раздираемой противоречиями. Так, одно первоначальное зло, как то брак по сговору, породило цепочку дальнейших зол. Анна есть тип невротической личности, движущейся, согласно теории К. Хорни, против людей. Такой тип поведения описывается примерно следующим образом: «В то время как подчиненный тип стремится к мирному улаживанию дел, агрессивный тип делает все, что в его силах, чтобы быть хорошим бойцом. Он бдителен и проницателен в споре и не откажется от брани, чтобы доказать свою правоту. Он может проявить все свои лучшие качества, если окажется припертым к стене и у него не останется никаких альтернатив, кроме борьбы. В отличие от подчиненного типа, который боится выигрывать, агрессивный тип плохо переносит проигрыши и без колебаний стремится к победе. Он готов обвинять других с такой же страстью, с какой подчиненный тип берет вину на себя. Ни в том, ни в другом случае учет реальной вины не играет никакой роли. Подчиненный тип, когда признает себя виновным, никоим образом не убежден, что это именно так; им движет потребность мирного решения проблемы» [2, с. 41]. Подобное заключение подтверждается и одним из эпизодов романа: «Вспоминая те жестокие слова, которые он сказал, Анна придумывала ещё те слова, которые он, очевидно, желал и мог сказать ей, и всё более и более раздражалась. Все самые жестокие слова, которые мог сказать грубый человек, он сказал ей в её воображении, и она не прощала их ему, как будто он действительно сказал их» [3, с. 561]. Таким образом, как пишет об этом К. Хорни, враждебная реакция может возникать не только в ответ на отвержение или на то, что воспринимается как отвержение, но также в ответ на предчувствие отвержения [2, с. 56].

Таким образом, приведённый пример показывает, как одно зло, произошедшее под воздействием культурных стандартов, а именно брак без любви, образовало череду негативных последствий, т.е. пренебрежение близкими людьми, непристойный во всех смыслах образ жизни и, как следствие, депрессия, разочарование и суицид героини. Несмотря на всю внешнюю непривлекательность ситуации, следует заметить, что Анна, её жизнь, её поступки – это активное сопротивление, война против традиционных устоев и гендерного неравенства. Да, её попытки неумелые, хаотичные, носят ярко выраженный деструктивный характер, но само их наличие уже есть свидетельство некоего проблеска во мраке бытия.

Совсем же иным в свете представленных событий предстаёт пред нами другой персонаж – Дарья Александровна, или Долли, супруга Степана Аркадьевича. Она также, будучи одержима внутренними конфликтами, находясь в жёстких рамках существующей социальной системы, тяготеет своим положением, но в отличие от Анны, в ней нет того безумного огня, способного толкнуть на пусть и отчаянные и бессмысленные, но всё же шаги на пути к освобождению. Весьма точно подобный тип личности

описывается в одной из работ К. Хорни: «Подчиненный тип, проявляет все черты, которые соответствуют людям, “движущимся к”. Этот тип демонстрирует заметную потребность в любви и одобрении, а также специфическую потребность в партнере, друге, любящем существе – муже или жене, “который должен осуществить все жизненные ожидания невротика и нести ответственность за все происходящее, как хорошее, так и плохое, причем успешное манипулирование партнером становится доминирующей задачей”. Из-за неразборчивой природы своих влечений подчиненный тип склонен переоценивать свою близость и общие с окружающими интересы и пренебрегать разделяющими факторами. Подобная неверная оценка людей вызвана не глупостью или неспособностью наблюдать, а обусловлена компульсивной природой его влечений. В итоге, данный тип невротика нуждается в том, чтобы он нравился, нуждается в том, чтобы быть нужным, важным для других, в особенности, для какой-нибудь одной конкретной личности; нуждается в том, чтобы ему помогали, его защищали, оберегали, им руководили» [2, с. 35].

Осознавая себя жертвой, не в силах раскрыться, она ненавидит свой образ жизни, свою бытовую повседневность, медленно и методично убивающую физически и духовно; но пойти против людей у неё не хватает некой безумной смелости, которая есть у Анны, и потому Долли идёт к людям, прощая мужу безответственность и поверхностность, рожая от него детей (сама не зная для чего). Вот как описывает жизнь Долли Толстой: «Да и вообще, – думала Дарья Александровна, оглянувшись на всю свою жизнь за эти пятнадцать лет замужества, – беременность, тошнота, тупость ума, равнодушие ко всему и, главное, безобразия» [3, с. 455]. Самое прискорбное в случае с данным персонажем то, что Долли полностью осознаёт и своё бедственное во всех смыслах положение, и то, что она сама в какой-то степени виновата в нём, но она ничего не делает против этого, и всё ограничивается тихими жалобами про себя – реквиемом по своей загубленной серой жизни.

Чувствуя острую потребность в любви, и Анна, и Долли подвержены целому ряду невротических конфликтов, связанных как с укладом семейной жизни и быта, так и с собственной реализацией в рамках культуры и общества. Различие их лишь в том, что Долли направлена к людям, бесконечно идя всем и вся на уступки, часто в ущерб собственным интересам и принципам, а Анна направлена против людей, подвергая их (мужа и любовника в первую очередь) агрессивным нападкам, которые на деле не что иное, как извращённая жажда любви и внимания, своеобразное признание своего вынужденного одиночества в рамках социальной общности, с которой у неё попросту нет никаких взаимных отношений, кроме неприязни и непонимания.

Особенности личностных типов персонажей романа «Анна Каренина» в условиях внешних и внутренних конфликтов

В ходе анализа мы можем увидеть, что автор проводит параллели между двумя этими женщинами, показывая, что они приобретают и чем они во имя этого жертвуют. Жертва Анны в данном случае очевидна, очевидна потому, что её социальные связи разрушены, новые же в рамках своей культурной общности она выстроить не может, в результате оказываясь не у дел, что и разрушает её окончательно. Это есть расплата за протест, высказанный в адрес устоявшейся морали и культуры, за попытку мести своему прошлому. Жертва Долли менее очевидна, что, впрочем, объяснимо, ибо и сама Дарья Александровна – особа гораздо более традиционного, спокойно-пассивного уклада, свойственного основной массе женщин. Ей, несмотря на всю тупиковость и бессмысленность положения, дорога её социальная база в виде семьи. Дети есть оправдание всех жертв. Как следствие, жертвенность Долли прослеживается в её серой, наполненной физическими и духовными страданиями, безмолвной жизни, в неимении права

на протест, ібо разум ёй рацыяналізуе ўсе унізітэльныя ўступкі і ўвогуле ўсё цягостнае бремя ёй жыцця. Характэрны гэты псіхатып, К. Хорні піша: «Умова быць несчасным і страдаць можа касатся, напрыклад, домашняй ці прафесійнай жыцця, якая падсознатэльна выстраіваецца так, што чалавек перапрацавае ці вымушэны прыносіць цягостныя жывы «рады сям'і». Так, мы часта наблідаем, як пасля свадьбы людзі опускаюцца, іх развіццё ідзе вспяць, будзь то ў прафесійнай кар'еры ці ў інтэлектуальнай сфэры. І, канечна ж, гэтыя бесчлісныя выпадкі прыслужніцтва ў свайго партнёра, прычым становішча раба прымаецца па сабственай волі, з сазнатэльным насладжэннем свайм велікім чувствам адказнасці. Глядзя на такія бракі, удзіваешся: чаму яны не разваліваюцца, а часта, наадварот, вельмі стабільны? Ну, па размышленні, як я ўжэ гаворыла, панамаеш, што іменна выкананне ўмовы несчаснасці і ёсць гарантыя неразрывнасці саюза» [1, с. 35–36].

Следуе такжэ ўпам'януць і о Кіці Шчэрбацкай – сестры Доллі, якую аўтар, па нашаму мненню, ставіць на распут'е, і яна, з адной староны, будучы заложніцай культурных стэратыпов, з другой, абладаючы большай жаждой жыцця, нежэлі Доллі, а меншым эгоізмам, чэм Анна, імела б ўсе шансы праявіць гібкасць характэра і ўспешна ў усіх сэнсах адаптавацца ў існуючай культурнай срэды.

Разглядваючы персанажэй-мужчынаў, я абратіў найбольшае ўважанне на тры цэнтральныя фігуры: Стэпана Аркадзевіча, Левіна і Вронскага. Гаворышы вышэ о тым, што жанчыны былі заложніцамі культурных рамаў, нельга адкіраць і таго, што ў падобным становішчы былі і мужчыны, проста за яўнай яго выігрышнасцю не ўсе з іх асознавалі гэту залежнасць. Яркімі прадставаіцямі патрыархальна-кансерватыўнага парадка яўляюцца з вяду такія разныя, а на дэле – дзве староны адной медалі: Стэпан Аркадзевіч і Канстанцін Левін. Яны – два разнапланавыя параджэння традыцыйнай культуры таго часу. Першы – тыпічны прадставаіцель гарадскага дваранства, другой – дэравенскі барын, не аторваны ад перавыбытнай сущнасці рускага крэстьянства. Іх разліччыя, на якіх акцэнтывуе наша ўважанне Л.Н. Толстай, канечна, прысутствуюць, а на дэле вельмі мнімы, ібо лішч абраз жыцця гэтых персанажэй разліччыа іх, а будучы параджэннем адной культурнай мадэлі, аднаго часу, яўляюцца абсалютна стандартнымі і тыповымі яго прадставаіцямі, яны нікуда не могуць ад гэтаго ўці, неспрама ні на якія спыткі.

Стандартная сямейная жыццё Стэпана Аркадзевіча пратэкае спакойна і інертна. Яму ў сваёй сям'і ўдачна з чыста функцыянальнай тачкі зраення. Сільных чувстваў к супруге ў яго не, што сздае ў нём ўнутраны канфлікт, які ўпаследствіі прыводзіць к змяне і параджае ўжэ следуючае зло ў ланцужку жыцця, а іменна, сцены з жэной, карыстны інтэрес і адсутствіе раскаяння как таковага, што і падтвэрждается ў следуючым эпізодзе. «Стэпан Аркадзевіч быў чалавек правдывы ў адносінах к сабе самому. Ян не мог абманываць сябе і ўвэраць сябе, што ян раскаяваецца ў сваёй поступке. Ян не мог тэпер раскаявацца ў тым, што ян, трыдцатыветрыхлетні, красывы, влюбчывы чалавек, не быў влюблён ў жэну, маць пяці жывых і двух умершых дэцэ, бывшую толькі годом млажэ яго. Ян раскаяваўся толькі ў тым, што не умел лухше скрыць ад жэны. Ян прачёл пісьма. Адно было вельмі непрыятнае – ад купца, купавашага лес ў імені жэны. Лес гэты неабходна было прадать; а тэпер, до прымірэння з жэной, не могло быць о тым речы» [3, с. 8].

Канстанцін Левін – чалавек савсем інаго жыццёнага ўкладу. К. Хорні дае следуючаю характэрыстыку такому лчыностнаму тыпу: «Патрэбнасць абособленай лчынасці ў прэвосходстве абладае адрэделенымі характэрычнымі чэртамі. Испытываючы автраванне к саперніцтву, прадставаіцелю рэзультату паследаватэльнай рабаты над сабой, абособленая лчынасць счытае, што скрытыя ў нэй сокровішчы дэжны прынадалежыць ёй бэз всякаго ўсілія з ёй староны; ёй ўнутраннае велічыя дэжно чувства-

ваться без какого-либо движения. В своих мечтах, например, такая личность может вообразить себя спрятанным в отдаленной деревушке сокровищем, поглядеть на которое ценители съезжаются издалека. Подобно всем представлениям о превосходстве приведенный пример содержит некоторый элемент реальности. Спрятанное сокровище символизирует богатую интеллектуальную и эмоциональную жизнь невротика, которую он хранит внутри волшебного круга» [2, с. 62]. Он есть олицетворение некой библейской серьезности (несмотря на то, что неверующий), уверенности в незыблемости своих установок и вместе с тем некой тайной ранимости в совокупности с демонстративной отрешённостью от людской суеты. Являясь в город, при встрече со своим приятелем Степаном Аркадьевичем и находясь в обществе городского дворянства, он как будто предпринимает попытку примерить на себя роль снизошедшего до людской суеты, роль существа, познавшего нечто сакральное, что в принципе недоступно рядовому обывателю, но, тем не менее, просто и очевидно. Однако следует заметить, что, поскольку описанное состояние есть лишь неумелая маска, под которой Левин пытается скрыть внутренние терзания, связанные с устройством личной жизни, его «явление» не возымело должного эффекта, и вместо восторженных взглядов и обывательского благоговения он в лучшем случае удостоивается ироничных замечаний со стороны Степана Аркадьевича, в худшем – желчной критики со стороны графини Нордстон. Переживания Левина, его неуверенность и метания в процессе разговора со Степаном Аркадьевичем Облонским о предложении к Кити явно выдают его напускное величие и хладнокровие. Это отражено и в тексте романа. «Убеждение Левина в том, что этого не может быть, основывалось на том, что в глазах родных он невыгодная, недостойная партия для прелестной Кити, а сама Кити не может любить его. Он шёл по дорожке к катку и говорил себе: “Надо не волноваться, надо успокоиться. О чём ты? Чего ты? Молчи, глупое”, – обращался он к своему сердцу. И чем больше он старался себя успокоить, тем всё хуже захватывало ему дыхание. Знакомый встретился и окликнул его, но Левин даже не узнал, кто это был. Он подошёл к горам, на которых гремели цепи спускаемых и поднимаемых салазков, грохотали катавшиеся салазки и звучали весёлые голоса. Он прошёл ещё несколько шагов, и пред ним открылся каток, и тот час же среди всех катавшихся он узнал её. Он узнал, что она тут, по радости и страху, охватившим его сердце» [3, с. 23].

Примерно так подобное состояние описывается в работе К. Хорни о невротической личности: «Прямым результатом тревожности, связанной с невротическим соперничеством, является страх неудачи и страх успеха. Страх неудачи отчасти является выражением страха быть униженным. Любая неудача становится катастрофой» [4, с. 250]. И действительно, после неудавшегося предложения Кити Левин уходит в себя, ещё более закрываясь от общества, вынашивает мысли о женитьбе на крестьянке, что определённым образом может быть нами воспринято как стремление к компромиссу, свойственное для невротической личности такого типа. К. Хорни уточняет по этому поводу: «Невротик стремится и приходит к компромиссным решениям – не случайно называемым невротическими, – и эти решения менее удовлетворительны, чем решения нормального человека, и достигаются дорогой ценой для личности в целом» [4, с. 11]. Вообще, Левин, будучи ярким примером личности, движущейся от людей, во многом подпадает под описание, данное такому типу в работе К. Хорни «Наши внутренние конфликты»: «Решающим признаком можно считать внутреннюю потребность невротиков обособленного типа устанавливать эмоциональную дистанцию между собой и другими. Более точно – их осознанная или бессознательная решимость не позволяет вовлекать себя в эмоциональную связь с другими, будь то любовь, борьба, сотрудничество или конкуренция. Они очерчивают вокруг себя что-то вроде волшебного круга, который никто не имеет права пересечь. Вот почему чисто внешне они могут оставаться “одинокими»

кими” и на людях. Комппульсивный характер этой потребности обнаруживается в их тревожности при столкновении с реальным миром» [2, с. 57].

В данной ситуации уже неудивительным становится то, что возлюбленная Левина Кити Щербацкая, будучи представительницей городской, светской культуры, во многом свободная от пережитков традиционализма, отказывает изначально Левину в пользу Вронского, который держится как бы особняком от консервативно-традиционного общества, но тем не менее умеет находиться как бы и при нём, в случае необходимости органично вписываясь туда. Последующая любовь к Анне – единственная слабость этого персонажа, которая и низвергает его, доселе не ведавшего душевных терзаний, в пучину внутренних конфликтов.

Осознавая тягостность своего положения, объявив, как и Анна, протест доминирующей культурной традиции и светским приличиям, Вронский гораздо раньше понимает всю их обречённость, всю бессмысленность происходящего, что и описано в одной из глав романа следующим образом: «Он подошёл к двери и затворил её; потом с остановившимся взглядом и стиснутыми крепко зубами подошёл к столу, взял револьвер, оглянул его, перевернул на заряженный ствол и задумался. Минуты две, опустив голову с выражением напряжённого усилия мысли, стоял он с револьвером в руках неподвижно и думал. “Разумеется”, – сказал он себе, как будто логический, продолжительный и ясный ход мысли привёл его к несомненному заключению. В действительности же это убедительное для него “разумеется” было только последствием повторения точно такого же круга воспоминаний и представлений, через которые он прошёл уже десятки раз в этот час времени. Те же были воспоминания счастья, навсегда потерянного, то же представление бессмысленности всего происходящего в жизни, то же сознание своего унижения. “Разумеется”, – повторил он, когда в третий раз мысль его направилась опять по тому же самому заколдованному кругу воспоминаний и мыслей, и, приложив револьвер к левой стороне груди и сильно дёрнувшись всей рукой, как бы вдруг сжимая её в кулак, он потянул за гашетку» [3, с. 315]. Как мы можем наблюдать, когда Вронский и Анна идут вразрез с устоявшимися нормами, борьба против них в равной степени измощает обоих. Они, будучи бессильными в отношении социальной системы, будучи неспособными понять друг друга и разрешить внутренние и внешние противоречия, не могут удовлетворить своих индивидуальных потребностей, ибо не понимают и не пытаются понять потребностей друг друга. Вронский и Анна (в первую очередь, она, ибо ещё не осознала обречённости) лишь выдвигают обвинения и упрёки друг против друга. К. Хорни описывает подобное состояние примерно следующим образом: «Женщина, цепляющаяся за мужчину, на которого она перекладывает всю ответственность за свою жизнь, может абсолютно не обращать внимания на то, можно ли в самом деле полагаться на данного человека, действительно ли она счастлива с ним, любит ли и уважает ли она его» [5, с. 13].

Таким образом, рассмотрев ряд значимых персонажей романа «Анна Каренина», можно сделать вывод о том, что описанное в произведении соответствует в ряде случаев психоаналитической парадигме К. Хорни, которая исчерпывающе раскрывает и объясняет проблемы и конфликты главных героев. В заключение хотелось бы привести ещё одну цитату из работы К. Хорни, которая лишь подтверждает высказанные выше суждения: «Жизнь с неразрешенными невротическими конфликтами влечет не только распыление усилий, но и двусмысленность в вопросах морального характера, т.е. двойственность моральных принципов и всех чувств, аттитюдов и поведения, на которых держатся отношения невротика с другими и которые влияют на его развитие. И как распыление усилий ведет к бесполезной трате энергии, так и двойственность в моральных вопросах ведет к потере нравственной последовательности и искренности или, другими словами, к ослаблению нравственной целостности. Подобное ослабление порождается

противоречащими друг другу позициями, занимаемыми невротиком, а также его попытками скрыть все эти противоречия» [2, с. 143].

Применение психоаналитической парадигмы не случайно, если учесть глубокий психологизм исследуемого произведения. На наш взгляд, особенность «Анны Карениной» прежде всего в том, что Л.Н. Толстой преследует цель детального разбора каждой отдельной ситуации, каждого отдельного персонажа, тонко описывая всю палитру переживаний и эмоций. Именно благодаря этому психоаналитический разбор этой истории способен в наибольшей степени уточнить проблемы, затрагиваемые Л.Н. Толстым, но уже не на художественном, а на научном уровне. Так, можно наблюдать, что практически все конфликты романа вызваны трудностями, существующими в данное время, в данной культуре, внутренняя незащищённость, особенно свойственная Долли и Левину, порождающая чувство неполноценности и агрессию, во многом свойственна Анне и Вронскому.

В финале романа читатель может увидеть торжество того самого традиционного уклада, ознаменованное повержением главного его врага, а именно, Анны, тихим, стабильным и вместе с тем безумно скучным и убогим существованием семьи Облонских во главе с ярко выраженным конформистом Степаном Аркадьевичем, а также принятие Вронским после смерти Анны позиции «ухода от людей». Состояние Вронского весьма красноречиво описано в одном из его финальных монологов. «Я, как человек, – сказал Вронский, – тем хорош, что жизнь для меня ничего не стоит. А что физической энергии во мне довольно, чтобы врубиться в каре и смять или лечь, – это я знаю. Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла» [3, с. 585]. Следует всё же обратить внимание и на некую пафосность и наигранность этих слов. Складывается ощущение, что Вронскому всё же жаль себя. На наигранности всего этого акцентирует внимание и Толстой в одном из комментариев касательно графа Вронского: «Он сделал нетерпеливое движение скулой от непрерывающей ноющей боли зуба, мешавшего ему даже говорить с тем выражением, с которым он хотел» [3, с. 583]. Тем не менее он уходит на войну, казалось бы, в самую гущу событий, на самый пик риска, но, как бы это ни звучало странно, Вронский уходит в покой, для него война есть забытие, есть та спасительная тишина, заглушающая сердечную боль, и боль уязвленного самолюбия, и тоску от потраченных лет сожжённой жизни.

Свадьба Константина Левина и Кити Щербацкой – ещё одно свидетельство победы культурных стандартов над бунтующими одиночками, однако победы неполной, ибо Кити предстаёт пред нами всё же человеком иного плана, нежели типичная женщина тех лет. С виду покорившаяся и смирившаяся с требованиями культурных рамок, она всё же не отошла от сути своей и, полюбив все доброе в муже, но сохранив живость ума, решительность действий и критичность мышления, преодолела внутренние конфликты, нашла оптимальный путь личностного развития, не вступая в открытые противоречия с культурной системой.

Заключение

Таким образом, мы можем наблюдать, как культурная система и порождаемые ею стереотипы в отношении мужского и женского влияли на жизнь людей тех или иных психологических характеристик. В современном мире рассмотренные вопросы также не потеряли актуальности ввиду как обострившихся проблем традиционного брака, так и возникновения принципиально важных для разрешения вопросов, связанных с трансформацией гендерных и брачно-семейных отношений. В нынешний переходный период, обусловленный кризисом традиционной полоролевой системы и института семьи в целом, обращение к классическим примерам данных ситуаций при помощи науч-

ных методик может помочь переосмыслить ключевые проблемы этого направления человеческих отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хорни, К. Женская психология / К. Хорни. – СПб. : Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 1993. – 209 с.
2. Хорни, К. Наши внутренние конфликты / К. Хорни – М. : Акад. проект, 2007. – 224 с.
3. Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой. – Минск : Беларус. сов. энцикл., 1979. – 610 с.
4. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – 464 с.
5. Хорни, К. Самоанализ / К. Хорни. – СПб. : Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 1993. – 253 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.09.2016

Stolyarov D. V. Analysis of Gender Relations in the Novel by L.N. Tolstoy's «Anna Karenina» with Karen Horney Psychoanalytic Paradigm

The paper deals with the specificity of gender relations in the novel «Anna Karenina» by L.N. Tolstoy. Phenomena of gender discrimination and double standards are analyzed. The nature and characteristics of social mechanism, provoking similar phenomena, are considered by the example of literary characters. For the purpose of detailed analysis of scientific nature psychoanalytic conception of famous researcher K. Horney is applied. Using this theory research shows and explains the meaning of interaction between culture and human in the gender sphere.

В.Н. Ватыль

*д-р полит. наук, проф., зав. каф. политологии
Гродненского государственного университета имени Я. Купалы*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ МОДУСЫ ОСМЫСЛЕНИЯ*

На основе анализа противоречивого развития глобализационных процессов и посредством использования междисциплинарного подхода освещаются основные принципы и характеристики европейской и евразийской интеграции. Осуществляется концептуализация интеграционных процессов как множественных политических, экономических, социокультурных и институциональных форм. Задаются параметры для исследования интеграционных систем в пространстве глобализации, создаются определенные идентификаторы-переменные, позволяющие обновить аналитические подходы к обозначенной теме.

Современные глобальные вызовы и неоднозначные процессы экономической, политической и культурной интеграции формируют принципиально новую топологию планетарного пространства. Соответственно наука о международных отношениях, глобалистика и ряд смежных дисциплин, от политической философии до геополитики, перенастраивают методологию и исследовательский аппарат на изучение интеграционных процессов [1].

Парадигма национального (экономического) развития, выдвинутая после Второй мировой войны, сменилась нацеленностью на наднациональное экономическое развитие в рамках интеграционных объединений. Государства, реагируя на глобальные риски, вынуждены начать коллективную игру в пространствах транснациональной интеграции для решения национальных проблем. При этом создаваемые системы национальных государств не дополняют друг друга, как это планировалось в послевоенной экономической парадигме, а начинают остро конкурировать. Динамика глобализма во многом обусловлена этими процессами и формирует одну из магистральных тенденций современности.

Устойчивым трендом глобалистики и международных отношений становится изучение и прогнозирование перестройки политической и регионально-экономической модели мира. Актуализация же парадигмы глобалистики, отвергающей представления о глобализации как о нарастающей однотипности мира, связана с несостоятельностью обязательного для всех либертаристского трека и основана на прогнозах о сегментации пространства на несколько мегарегионов по модели ЕС с наднациональными институтами, правовыми нормами, финансовой политикой и собственной валютой [2].

Ключевой характеристикой процессов, рассматриваемых как основное следствие глобализации, является «несовпадение пространств». Политические, экономические, идеологические ареалы утратили географическое соответствие, нарушив упорядоченность и управляемость в мировой политике. До этого теории связывали «равновесие мира» с сотрудничеством между государствами и множеством новых акторов международных отношений. Сегодня такой подход устаревает, и на первое место выходят взаимодействия между крупными интеграционными системами, соотношение политики, экономики и идеологии в которых может быть различным. Такие союзы, как ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР, АСЕАН, АПТ (АСЕАН – 3) [2], вбирают в себя государственные сувере-

* *Статья подготовлена в рамках темы ГПНИ № А67-16 «Политическое регулирование современных интеграционных процессов: белорусский дискурс».*

нитеты и начинают конкуренцию за глобальное влияние [3]. При этом модель и опыт ЕС берутся за основу как наиболее успешный пример интеграции [4]. На постсоветском пространстве внимание приковано к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) – обновленной реинтеграционной системе, созданной на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства.

«Интеграция» понимается здесь как объединение двух и более стран в широкую системную общность через поэтапное делегирование суверенитета надгосударственным структурам. Главный принцип – «вместе сильнее». Основная цель – повышение статуса в глобальной иерархии стран и интеграционных систем. Для детального понимания используется термин «интеграционная система»; он наиболее точно отражает системный характер крупных интеграционных объединений во всей сложной взаимосвязи трех основных факторов: экономики, политики, идеологии. Соответственно, вводится понятие «интеграционный треугольник», вершинами которого являются политика, экономика, идеология.

Как представляется, взгляд на интеграционные процессы с позиций междисциплинарного подхода способен оказать воздействие на становление новых и пересмотр устоявшихся теорий в рамках трех классических парадигм международных отношений. Исследователи внешней политики государств, ее роли в намечающейся перегруппировке центров влияния сегодня не могут игнорировать фактор вовлеченности стран в интеграционные системы. Кроме того, с учетом их возрастающей роли в мировой политике и экономике возможна трансформация подхода к вопросу «акторности» и к дискуссионной проблеме «эрозии» суверенитета государств. Эволюция суверенитета может рассматриваться не в традиционном смысле его «ослабления», обусловленного перераспределением ресурсов власти от правительств к новым игрокам мировой политики (ТНК, НПО, НКО, инвестиционные фонды, рейтинговые агентства), а с точки зрения «поднятия» суверенитета и его диссолюции в наднациональных экономических суперструктурах. В этой связи примечательны усилия стран, направленные на снижение степени зависимости от транснационального капитала в интеграционных системах. Согласно теориям интеграции, объединенные системы эффективнее протекционируют собственную экономическую (и политическую!) сферу от наступления международных монополий.

Наконец, с точки зрения глобалистики начавшийся процесс деления мирового пространства на сферы влияния интеграционных систем может быть рассмотрен в свете возможных ответов на вызовы глобализации как необратимого, неоднозначного и противоречивого процесса. Интересно сопоставить такой подход с теориями «мифологической глобализации», описывающими политико-экономическую динамику современности (в противовес апологетике глобализации), как ярко выраженную регионализацию с усиливающейся иерархичностью интеграционных блоков. Подходы, в которых глобализация рассматривается только как очередной этап экономической интернационализации, все еще сохраняют значимость. Некоторые последователи продолжают отстаивать ту точку зрения, согласно которой современный уровень политической и экономической кооперации не выше, чем в конце XIX в.

На наш взгляд, необходимо концептуализировать интеграционные процессы как множественные политические, экономические, социокультурные и институциональные формы; задать параметры для исследования интеграционных систем в пространстве глобализации; создать определенные идентификаторы-переменные, позволяющие обновить аналитические подходы к проблеме.

Одним из примеров обновления исследовательских подходов в преломлении к выше обозначенной теме сегодня является Европейский союз (ЕС) – один из самых значимых референтных ориентиров в противостоянии политических сил на националь-

ных аренах: отношение к политике ЕС и вовлеченность в реализацию конкретных решений в рамках интеграционного проекта оказываются ключевыми критериями, определяющими характер электоральной поддержки национальных партий и политических размежеваний в государствах-членах [4, с. 29]. Роль Евросоюза как политического института, формирующего повестку дня и задающего контуры европейского политического пространства, оказалась в последние, кризисные, годы не только в центре внимания национальных партий, групп интересов и органов власти разного уровня, но и непосредственно в фокусе публичной дискуссии и массовых протестных действий. Это в очередной раз убедительно указало на дальнейшее углубление «великого разлома» между большинством национальных сообществ, поддерживающим (возможно, по разным причинам) нынешний курс Евросоюза, и теми, кто требует кардинальной корректировки интеграционной политики. Эти же результаты свидетельствуют о политизации размежеваний между ключевыми и периферийными игроками Евросоюза вокруг видения причин и путей выхода из кризиса.

С одной стороны, политизация европейской интеграции проявляет себя как европеизация, оказывая влияние на национальный политический ландшафт, на расклад партийно-политических сил и эволюцию. С другой стороны, этот тренд европеизацией не ограничивается: финансово-экономический кризис в Евросоюзе и происходящие в ЕС реформы хозяйственного управления, в том числе в связи с кризисом, существенно раздвинули рамки политизации и сделали ее намного более многомерной. Магистральный тренд политизации, во многом определяющий сегодня повестку дня европейского интеграционного проекта, означает перенесение центра тяжести интеграционной политики в сферу принятия политических решений.

В центре взаимодействия оказываются проблемы национального суверенитета и противостояние вокруг стратегии национального развития, на которую непосредственно влияют принимаемые в Брюсселе решения. При этом потребности регулирования наталкиваются на системные ограничения, стимулирующие рост конфликтного потенциала евроскептиков. Об этом свидетельствуют, в частности, и перипетии регулирования иммиграционной политики, и трудности строительства социальной Европы. Нельзя не отметить в этом контексте и противоположный политизации процесс экономизации европейской интеграции: растет значение экономических факторов как источников власти, которые серьезно влияют на принятие политических решений в Европейском союзе, а в конечном итоге – на трансформацию европейского политического пространства.

Динамика европейского строительства оказывает прямое влияние на деятельность политических институтов, на публичную политику, управленческие решения и социальный климат в национальных сообществах. Меры антикризисного регулирования, принятые европейскими институтами на рубеже 2010-х гг., непосредственно сказались и продолжают сказываться на уровне и качестве жизни граждан единой Европы. В то же время возможности влияния на эти решения ограничены, с одной стороны, сложившимся институциональным дизайном ЕС, сложностью процессов разработки и многоуровневого согласования позиций в сферах наднационального регулирования, с другой – трудностями в достижении консенсуса и даже в сближении позиций вокруг общего видения приоритетов развития между теми группами интересов, которые считают себя в выигрыше от интеграции, и теми, кто числит себя проигравшими. Кризисное развитие, по верному утверждению И. Семененко и И. Прохоренко [4, с. 30], стимулирует дальнейшее размывание «разрешительного консенсуса» – имплицитного согласия большинства политических игроков и граждан стран-членов с приоритетами и повесткой дня, продвигаемыми европейскими властными элитами, – и нарастание «конфликтной европеизации» массовой политики [4, с. 30].

Противоречивое развитие интеграционных процессов в ЕАЭС также требует обновления теоретико-методологических подходов. Одним из таковых сегодня выступает дискурс-анализ идейно-символического пространства евразийской интеграции. Новейшие исследования показывают, что идейно-символическое пространство политики представляет собой многомерное, реально-политическое и ценностно-смысловое измерение [5, с. 15–17; 6]. Соглашаясь с подобными оценками, мы также в анализе дискурса идейно-символического пространства политики в системе европейской интеграции будем учитывать не только изменения среды, в которой эти идеи и смыслы производятся, распространяются и соперничают друг с другом, но и конфигурации политических идей и символов во взаимосвязи с институциональными и дискурсивными условиями, определяющими правила игры и стратегии акторов, которые эти идеи и смыслы производят, и с политическими коммуникациями, обеспечивающими обращения последних.

Идейно-символическое пространство является одним из важнейших элементов, влияющих на процессы интеграции на постсоветском континенте. Значимость этого фактора сегодня возрастает и, возможно, будет возрастать и далее в связи с развитием «информационного общества» и изменением конфигурации властных отношений. Следует рассматривать возможность формирования общего идейно-символического пространства Беларуси, России, Казахстана, Армении и Кыргызстана как вполне реальную в настоящий период. Идейно-символическое пространство является духовно-практическим образованием, представляющим собой систему идей, поддерживаемых актором региональной политики, имеющих непосредственно деятельно-установочное значение и идеологический механизм (механизм внедрения этих идей в общественное сознание). Оно является неотъемлемым свойством любой интегрированной общности и любого актора мировой и региональной политики и обеспечивает существование любого государственно-организованного общества как целостного образования.

Общее идейно-символическое пространство включает в себя взаимодействие мировоззренческих, ценностно-смысловых и социокультурных установок и практик. Его общность есть качественная характеристика, так как указанное взаимодействие смыслов и практик рождает общие преимущества и общие проблемы. В процессе такого взаимодействия также происходит содержательная унификация идейно-символического пространства. При этом не исключены конфликты интерпретаций, однако при разумно организованном идеологическом пространстве эти конфликты могут быть преодолены через открытый дискурс.

Общее идейно-символическое пространство в системе евразийской интеграции – это коммуникативная ценностно-идейная среда, которая определяется характером взаимосвязи политико-правовой идеологии Беларуси, России, Казахстана, Армении и Кыргызстана как независимых международных акторов. В общее идеологическое пространство входят базовые ценности стран евразийской интеграции и связанные с ними политико-правовые и социокультурные практики [7, с. 102–114; 8, с. 36–37].

Дискурс-анализ положений Договора о Евразийском экономическом союзе показывает, что в нем отсутствуют отсылки к общим (евразийским) ценностям: евразийские партнеры, исходя из оценки особенностей нынешнего этапа интеграции, не включили в договор политические аспекты. Поэтому идейно-символический аспект не получил в нем достаточной проработки. Однако в ст. 3 Договора о ЕАЭС перечисляются ряд принципов, на основе которых ЕАЭС должен осуществлять свою деятельность:

- 1) уважение общепризнанных принципов международного права включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности;
- 2) уважение особенностей политического устройства государств-членов;
- 3) обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов государств-членов;

4) соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции;
5) функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов [9].

В итоге, можно констатировать, что в данном соглашении доминируют экономические приоритеты, нацеленные на обеспечение национальных интересов стран евразийской интеграции. Договор фиксирует переходный этап с перспективой политической интеграции, что, как следствие, потребует от акторов евразийского объединения определить свое отношение к общим, объединяющим их ценностям. Но уже сегодня практика евразийских интеграционных процессов ставит вопрос, какие ресурсы и механизмы могут способствовать решению проблем и достижению желаемых интеграционных целей. Один из таких ресурсов, по нашему мнению, – идейно-символический.

Основу этого ресурса составляет принцип, в соответствии с которым центр принятия решений по всем жизненно важным вопросам, относящимся к той или иной общности, должен находиться внутри соответствующих стран, а не вне их, не в западных центрах. Из утверждения этого принципа закономерно вытекает, что решение каких-то общих, касающихся всех проблем, выходящих за рамки компетенции и возможностей отдельных государств, должно достигаться в результате многостороннего, идейно-символического диалога с учетом интересов всех заинтересованных сторон. Диалог как определенный способ взаимодействия возможен лишь в том случае, если в ходе взаимодействия происходит сближение смыслов, утверждаемых той или иной цивилизационной традицией. Именно это мы имеем возможность наблюдать (несмотря на многочисленные реальные трудности, возникающие в ходе диалога) в странах евразийской интеграции. Ориентация участников объединения на формирование полицентрической структуры организации международного сообщества означает и глубокое изменение самой направленности процесса мирового развития, а именно изменение соотношения эндогенных (обусловленных внутренней логикой бытия той или иной цивилизации) и экзогенных (внешних по отношению к той или иной конкретной общности) факторов эволюции: рост значения первых и, соответственно, снижение силы воздействия вторых.

В основе духовно-ценностной стратегии евразийской интеграции лежит общая ориентация на усиление значения эндогенных и уменьшение влияния экзогенных факторов развития. Совпадение позиций по этому пункту, судя по всему, имеет для участников объединения большее значение, чем очевидные различия экономических и политических систем и существующие противоречия между ними. Из охарактеризованной общей ориентации вытекает и та акцентировка роли национального государства (в противовес распространенным на Западе версиям о «затухании» этого института), которая, несомненно, объединяет всех участников евразийской интеграции. Именно такое государство является основным субъектом и институциональным рычагом тех преобразований (в том числе и в сфере международных отношений), к которым они стремятся. Наконец, в институциональном плане евразийская интеграция есть не что иное, как объединение именно национальных государств. Точно так же из описанной общей установки вытекают и преимущественная ориентация на реальную, а не на «сервисную» (финансовую) экономику, и особое внимание, уделяемое развитию внутреннего рынка.

Регионализация как одна из объединительных тенденций означает ориентацию на создание полицентричной структуры управления мировой системой связей, т.е. альтернативный глобализации способ организации данной системы в условиях интенсификации и «уплотнения» этих связей. Условиях, в которых утвердить собственную неповторимую индивидуальность перед лицом нивелирующих тенденций мирового развития может лишь тот народ, та культура, которые смогли объединиться с другими, родственными или в чем-то близкими им народами и культурами. В этом контексте императив

достижения взаимопонимания различных страновых духовно-ценностных традиций приобретает особое значение.

Общее понимание характера и задач процесса модернизации является следующей важнейшей общей чертой, объединяющей государства евразийской интеграции, и одновременно отделяющей их от «коллективного Запада». В научных кругах уже достаточно давно преобладает стремление к преодолению евроцентризма, однако на уровне официального идеологического и политического дискурса Запад склонен считать свою модель модернизации оптимальной и в связи с этим универсальной, а потому «обязательной к исполнению» для всех, кто стремится идти в ногу со временем. Все без исключения участники евразийской интеграции выдвигают на первый план идею органического синтеза ценностей модернизации и собственной цивилизационной традиции. По нашему убеждению, есть все основания говорить о том, что эта идея лежит в основе их общей интеграционной стратегии. Формирование общей идентификационной стратегии оказалось возможным в силу того, что при всей разнице традиций участников евразийской интеграции в самой основе их цивилизационного строя лежит нечто общее, некий общий комплекс ценностей, причем потенциально совпадающих по своей основной исторической направленности с ценностями модернизации.

Теоретическо-методологический анализ идейно-символической коммуникации в странах евразийской интеграции создает возможность для выявления тех типологических признаков интеграции, которые могут стать модельными в изучении многообразного содержания евразийской интеграции. Для выявления этих признаков мы взяли за основу признак «образа действия», под которым понимается специфический для данной интеграционной группировки набор алгоритмов реализации программы взаимодействия группы государств в конкретной сфере. «Образы действия» полезны для сравнительного анализа, поскольку они воплощают реальные черты сущностного, содержательного поведения стран-участниц интеграционных процессов, не привязываясь к конкретным формам этих действий [10, с. 9–10]. Важно выделять образы действия в следующих основных областях интеграционных взаимодействий: 1) учреждение группировки; 2) идеологическое обоснование сближения; 3) экономическое строительство; 4) управленческая активность; 5) стратегия расширения и 6) модель обеспечения безопасности [10, с. 9–10] (таблица).

Таблица. – Параметры сравнительного анализа интеграционных объединений

Образ действия	Объект рассмотрения
Учреждение группировки	Исходные мотивы сближения
Идеологическое обоснование сближения	Обоснования сближения
Экономическое строительство	Цели и пределы экономического сращивания
Управленческая активность	Соотношение полномочий руководящих органов, пропорция элементов надгосударственного и межправительственного управления
Стратегия расширения	Подход к выбору критериев и темпов расширения
Модель обеспечения безопасности	Алгоритм обеспечения региональной безопасности: связан ли институционально механизм безопасности с основными структурами группировки

Исходной методологической гипотезой сравнительной аналитики стало предположение о том, что ключевое типологическое подобие интеграции в государствах евразийской интеграции определяется не процедурой принятия интеграционных решений или мерой реализованности принципа наднациональности, а устойчивой ориентацией участников интеграции на приоритетность развития внутригрупповых связей по отно-

шению к внегрупповым, готовностью ради этого предоставлять друг другу на взаимной основе особые права, льготы и привилегии, а также явно выраженной волей к многостороннему сотрудничеству для решения общих проблем, подтверждаемой регулярностью встреч для решения вопросов, выходящих за рамки обычного международного общения.

В духе такого понимания интеграции (и для получения аналитически полезных результатов) сравнению должны подлежать не столько формы воплощения интеграционных устремлений, сколько сами эти устремления, мера их устойчивости, направленность и результативность.

«Работающей» основой анализа региональных вариантов интеграции послужила представленная выше таблица сопоставления «образов действия» участников интеграции в главных сферах сближения. Изучение этих образов действия в соответствии с цепочкой «потребность – интерес – цель – образ действия – результат» предполагало исследование исходных причин возникновения интеграционных импульсов (внешней и внутренней среды процесса), их отражение в концептуальных документах отдельных стран, многосторонних инициативах и соглашениях, планах действий, степени их реализации. В совокупности эти черты образуют «историко-политический тип» интеграции. Проведенное по такой схеме сравнение дает возможность выявить черты существенного типологического сходства в развитии интеграционных процессов в ЕврЭС. Сходство прослеживается прежде всего в содержании мотивационного комплекса в обоих ареалах, в структуре которого важную роль играла боязнь внутрирегиональных конфликтов, необходимость объединения перед лицом более крупных, прежде всего внерегиональных игроков.

В сфере идеологического обоснования интеграционных процессов наблюдается общность в усилиях по созданию символов общей идентичности, основанных на политических мифах об общем историко-культурном наследии и общности исторических и экономических судеб в будущем.

В экономике просматривается сходство в установке на упрощение условий внутрирегионального экономического обмена и создание условий для повышения конкурентоспособности интеграционной группы в целом по отношению к «сторонним» государствам. Вместе с тем обращают на себя внимание важные типологические различия парадигм экономической интеграции. Для стран ЕврЭС характерна асинхронность и многоуровневость экономической интеграции, которая проявляется с разной степенью глубины и интенсивности на нескольких уровнях. В минувшие полвека на пространстве этих государств наблюдались в сущности однородные модели расширения интеграционных «ядер».

При очевидном внешнем различии динамики интеграционных процессов в ЕС и ЕврЭС интеграционные импульсы тяготеют не к сплошному, а к очаговому типу распространения. Понятие интеграции так или иначе связано с представлением о социально-политической гомогенности. Однако характер этой связи на пространстве обозначенных интеграций не прояснен. Можно предположить, что политическая однородность – одно из ключевых условий успешной интеграции. Но допустима и иная гипотеза: формирование политической однородности – не начальная точка интеграции, а один из ее возможных (не обязательно главных) результатов. Экономическая политика большинства стран «интеграционного ядра» регионов не одинакова, но однородна. Это политика рыночного регулирования с более или менее заметной долей государственного контроля. Похоже, что отправной точкой данной версии интеграции является не политическое родство, а однотипность экономических политик.

В ЕврЭС процесс сближения идет с «переменной» скоростью. Евразийская интеграция в отличие от европейской характеризуется выжидательностью и осмотрительностью. Случаются откаты интеграционных тенденций, однако в силу исходно низкой

скорости интеграционного движения они не становятся губительными кризисами. В указанных регионах интеграционное сближение происходит в большем соответствии с региональной конкретикой – мерой готовности или неготовности стран сближаться друг с другом, не конфликтуя. Евразийская интеграция делает акцент на преобладании межправительственного подхода к принятию главных решений, в рамках которого ведущую роль играют не наднациональные институты, а исполнительная власть стран-членов. Сама мысль о делегировании власти «своего» правительства какому-то наднациональному органу не получает поддержки. Идеалом же выступает дозированная интеграция в экономике под строгим контролем суверенных национальных правительств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костин, А. И. Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов / А. И. Костин, В. С. Изотов // Весн. Моск. ун-та, Сер. 12, Полит. науки. – № 2. – С. 9.
2. Семенов, И. С. Социально-политические изменения в современном мире: проблемы концептуализации / И. С. Семенов // Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития : монография : в 2 т. / редкол.: И. С. Семенов (отв. ред.) [и др.]. – М. : ИМЭМО РАН, 2014. – Т. 1. – С. 5–16.
3. Кузнецова, О. Региональная политика в странах Латинской Америки / О. Кузнецова // Мировая политика и междунар. отношения. – 2015. – № 6. – С. 118–123.
4. Семенов, И. От проекта элит к массовой политике: вызовы политизации европейской интеграции / И. Семенов, И. Прохоренко // Мировая политика и междунар. отношения. – 2015. – № 7. – С. 29–40.
5. Малинова, О. Ю. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / О. Ю. Малинова // Символическая политика : сб. науч. тр. / отв. ред. О. Ю. Малинова. – М. : РАН ИНИОН, 2013. – Вып. 1. – С. 15–17.
6. Малинова, О. Ю. Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. – М. : РОССПЭН, 2013.
7. Лукин, А. В. Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции / А. В. Лукин // Полис, 2014. – № 6. – С. 102–114.
8. Барабанов, О. Н. Перспективы формирования идеологического пространства России и Европейского союза : монография / О. Н. Барабанов, А. И. Клименко. – М. : МГИМО-Университет, 2010. – С. 36–37.
9. Договор. ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>. – Дата доступа: 10.05.2016.
10. Байков, А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / А. А. Байков ; отв. ред. А. Д. Богатуров. – М. : Аспект Пресс, 2012.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.10.2016

Vatyl V.N. Globalization and Modern Integration Processes: Theoretical and Methodological Modes of Thinking

Based on the analysis of the contradictory globalization processes and using an interdisciplinary approach basic principles and characteristics of European and Eurasian integration are highlighted in the article. The conceptualization of the integration processes as multiple political, economic, socio-cultural and institutional forms is done. The parameters for the study of integration systems in the space of globalization are specified, specific identifications – variables, to update analytical approaches to the designated topic are created.

УДК 321.01

А.И. Лысюк¹, М.Г. Соколовская²¹*д-р полит. наук, доц., проф. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*²*ст. преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ИДЕИ КОНФУЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

В статье исследуются политические идеи Конфуция сквозь призму их использования в современных модернизационных процессах. Указывается, что благодаря их творческому применению многим государствам Восточной Азии, в первую очередь Китаю и Сингапуру, удалось совершить экономический рывок. Отмечается, что конфуцианство выступает не только региональной, но и универсальной политико-идеологической системой, пригодной для форматирования социальных процессов в разных странах мира. Подвергается анализу ее ориентация на конвергенцию различных моделей социального устройства. Доказывается, что принципиальное значение для успешных социальных модернизаций имеет следующая триада ценностей: общественная сакрализация знания, нравственные императивы политики и основанное на них эффективное лидерство.

Введение

Известно, что феномен социальной модернизации включающий в себя активно идущие процессы индустриализации, урбанизации, связан со значительным повышением уровня образования населения и его благосостояния, предполагает интенсивное развитие технической базы производства и сопровождается все более усложняющимися процессами общественного разделения труда с присущими им разнообразием профессиональных и иных общественных структур и высокой степенью социальной мобильности населения.

Изначально идеологическим обрамлением процессов модернизации являются политические ценности, рожденные эпохой Просвещения, – «вера в универсальность рациональности как инструмента, свобода, сознание своих прав, надлежащий процесс законотворчества, невмешательство в частную жизнь и индивидуализм» [1, с. 19]. Однако не менее очевидно и то, что в современном мире, особенно в Восточной Азии, все чаще говорят о его «реглобализации» и об «азиатском универсализме» – процессах, в которых западные ценности и модели развития уже не являются единственным принципом переустройства общества. Более того, «по мере того как страны Восточной Азии добиваются экономических успехов, их жители не упускают случая сделать акцент на отличия своей культуры и воспеть превосходство этих ценностей над устоями Запада и других стран. Азиатские государства все меньше прислушиваются к требованиям и интересам США и западных стран» [2, с. 153]. Многие жители Восточной Азии и ряд международных экспертов также утверждают, что азиатское развитие и азиатские ценности – это модели, которые необходимо позаимствовать Западу с целью обретения новых источников и возможностей развития.

Корневой системой т.н. азиатских ценностей, обеспечивших ренессанс Восточной и частично Юго-Восточной Азии, является конфуцианство, которое первоначально выступило источником модернизации Сингапура под руководством Ли Куан Ю, а впоследствии было инкорпорировано государственными элитами Китая, Японии, Вьетнама, Малайзии и других стран, выступив важным инструментом успешных социальных практик.

Идеи Конфуция имеют многовековую историю (классическое конфуцианство, неоконфуцианство и новое конфуцианство XX в.), пройдя через некоторые историче-

ские трансформации, однако их основополагающие принципы оставались неизменными. Эта тематика интересна и применительно к социально-экономическим процессам в Республике Беларусь, поскольку современный Китай, во многом сформированный по лекалам Конфуция, не только провозглашается белорусской элитой стратегическим союзником, но и сама модель его организации в отличие от западной считается пригодной для творческого копирования в стране.

Думается, что лишь отчасти права Т.П. Григорьева, отметившая, что «сводить значение Конфуция к социальному реформаторству, к политике по меньшей мере наивно. Конфуций озабочен вечным, прежде всего назначением Человека. Тем и интересен нашему времени» [3, с. 85]. Очевидно, однако, что уникальность учения Конфуция заключается наряду с прочим и в том, что оно обладает огромным модернизационным потенциалом и не только предлагает ответы на вечные интеллектуальные и смысловые проблемы человека и человечества, но и обеспечивает идеологическое сопровождение эффективных современных социальных трансформаций, адаптируя для этого различные культурные формы и коды.

Как справедливо отмечал Ту Вэйминь, учение Конфуция позволяет «выйти за пределы трех общеупотребительных, но устаревших дихотомий: противопоставления традиционного – современному, западного – всему остальному и локального – глобальному», что «может иметь далеко идущие последствия для развития межкультурного диалога в глобальном сообществе ... сконцентрировать внимание на подъеме Восточной Азии как на лучшей иллюстрации конфуцианства как образа мышления, в котором дихотомий не существует» [1, с. 8]. Кроме этого, очевидно, что совокупность ценностей, составляющих основу конфуцианства, помогает преодолеть ценностную неопределенность и невнятность, вызванную на Западе эпохой постмодерна. В этой ситуации ценности социальной справедливости и ответственности, взаимопонимания и морали, семьи и социального альтруизма, трудовой этики и др. помогают и западной, и славянской цивилизациям уточнить и откорректировать нынешние парадигмы их развития.

В данной статье мы ориентированы на решение трех совмещенных друг с другом задач. Во-первых, будем обращаться к творческому наследию Конфуция с целью обнаружения в нем некоторой совокупности идей, обладающих актуальным звучанием и значением. Во-вторых, проанализируем их творческое развитие и социальную адаптивность в контексте социальных преобразований в Восточной Азии, особенно в современном Китае. В-третьих, представляет эвристический интерес анализ универсального значения этих идей в условиях глобализации, в том числе и для Республики Беларусь.

Идеи Конфуция о знании и образовании и современные общественные вызовы

Какие же конкретные идеи Конфуция с особой силой и эффективностью продемонстрировали свои модернизационные возможности, превратив традицию с изначально присущим ей консервативным компонентом, ограничивающим социальную динамику, в важный фактор общественного развития? В первую очередь, следует указать на превращение образования и знания, которые в концепции Конфуция выступают ключевым фактором социальной организации и развития, в своеобразную «гражданскую религию» общества. Приобретенное же знание по своей природе позволяет не только раскрыть творческий потенциал традиции, но и выступить материальной и духовной силой социальных преобразований, радикальным образом повысить уровень экономического и человеческого потенциала в конкретном обществе.

Ориентация Конфуция на знания наиболее очевидным образом проявляется в виде социального поощрения стремления к образованию как обязательного атрибута достойной общественной жизни. К тому же невежество выступает деструктивной силой, поскольку «опасна мысль без обучения» [4, с. 23]. Конфуций считал, что каждый чело-

век от рождения обладает личностным потенциалом к познанию и одним из пяти Постоянств, которыми Небо наделило его, – Чжи (Мудростью). Насколько человеку удастся приблизиться к ней, это зависит уже от его воли, мотивации и усердия. В любом случае «низшими людьми» называются те, кто даже в крайности, не говоря о повседневности, не демонстрирует тяги к учению. Однако любой потенциал может пребывать втуне как возможность, но не реальность, тем более что конкретное знание может устаревать. Истинный же человек («благородный муж») постоянно ориентирован на самосовершенствование. Поэтому закономерно, что «Луньюй», ключевое сочинение конфуцианства, начинается со следующего утверждения: «Учитель говорил: “Не радостно ли учиться и постоянно добиваться совершенства?”» [4, с. 17]. Основу же знания составляет знание людей.

Своеобразная сакрализация Конфуцием знания и образования в достаточно высокой степени была усвоена государственными элитами Китая, вступившего в конце 70-х гг. XX ст. на путь «четырёх модернизаций», детерминировав соответствующие социальные практики. Это и направление сотен тысяч молодых людей в лучшие университеты мира, и ориентация на привлечение масштабных внешних инвестиций и технологий, и резкое повышение качества обучения в средней и высшей школе страны, и открытость социальным инновациям и др.

Ключевое значение для развития Китая играет в концепции Конфуция интеграция образовательного и интеллектуального компонента в процессы государственного управления. Как справедливо отмечает В.В. Переломов, «именно благодаря образованности, знанию культуры (*вэнь*) человек мог стать *цзюнь цзы* (благородный муж – А.Л., М.С.), а это открывало широкие возможности для чиновничьей карьеры. ...Приток «свежей крови» в ряды бюрократии ...происходил, что способствовало устойчивости и жизнеспособности императорской системы управления» [5, с. 101]. Конфуций также полагал, что для того, чтобы сановник смог получить посмертный титул *вэнь* (Просвещенный), ему необходимо обладать тремя качествами: иметь живой ум, любить учиться, не довольствоваться достигнутым и в процессе своей деятельности не стыдится «обращаться за советом к низшим» [4, с. 37].

Ориентация на знание принципиально важна для построения системы эффективного государственного управления, поскольку сутью жизнедеятельности как отдельного человека, так и государственного чиновника является необходимость «руководствоваться правильным», и следование этому правилу делает невозможным совершение неправильного. Такое знание обладает безусловным практическим значением, так как, во-первых, властвующему необходимо знать, согласно Конфуцию, как должны быть устроены Поднебесная и государство, чтобы придать конструктивное звучание принимаемым решениям. Во-вторых, важное значение имеет представление о том, каким должно быть поведение правителей («совершенномудрых»). В-третьих, необходимо иметь четкое представление о том, «как стать совершенным мужем». В-четвертых, обязательным является знание о ритуалах как хранителях традиции и подлинных ценностей.

В конечном счете, культ в обществе знания и образования приводят, если использовать политологические категории, к меритократии – власти наиболее одаренных, образованных, культурных и профессиональных людей. Доступ к властным позициям можно получить уже не в зависимости от происхождения, хотя этот фактор и имеет важное значение, а за реальные компетентности и заслуги. Ядром и центральным элементом системы государственного управления оказывается бюрократическая структура, состоящая из «благородных мужей» – прообразов будущего «совершенного бюрократа» в интерпретации М. Вебера.

По мнению польского исследователя П. Жукевича, для политической системы, обоснованной Конфуцием и инкорпорированной в процессы государственного управле-

ния современного Китая, характерны следующие черты: 1) логическое и содержательное разделение задач между отдельными министерствами и государственными службами; 2) создание корпуса профессиональных руководителей, рекрутированных на основе конкурсов; 3) наличие четких образцов политических карьер и компетенций для каждой должности в системе власти; 4) контроль за деятельностью государственной администрации специальным аппаратом, обладающим необходимыми полномочиями [6, с. 257].

Возрождение конфуцианства в Китае привело к формированию менеджерского стиля принятия государственных решений, что, собственно говоря, является основополагающим и главным принципом для успешного управления, особенно в XX–XXI стст. Как справедливо отмечает, приводя в пример успешные современные экономические практики Китая и США, один из самых успешных российских менеджеров Г. Греф, «на самом деле нет никакой конкуренции товаров, продуктов или услуг. Есть конкуренция моделей управления... Выиграть можно только за счет более эффективной модели управления, которая включает в себя ... в первую очередь, – аспект культуры» [7, с. 10].

Этот стиль управления в Китае, ставшем на путь модернизации, выступил, в том числе, в стремлении избавиться от идеологизации процесса принятия решений, от политического доктринерства и сделать ставку на прагматические экономические решения. Как следствие, маоистская доктрина изоляционизма была заменена открытостью по отношению к миру. Был выбран вариант эволюционных изменений с формальным сохранением коммунистической идеологии, поскольку отказ от нее мог подвергнуть рискам легитимность действующей власти. Были разрешены такие «капиталистические» практики, как распределение земли между членами сельских коммун, создание для привлечения инвестиций специальных экономических зон, свободное ценообразование, стимулирование частного сектора и др. В концентрированном виде содержание этой политики было артикулировано на XIII съезде Компартии КНР (25 октября 1987 г.) главным архитектором китайских реформ Дэн Сяопином в его известном афористическом высказывании «Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей».

Действительно, в современном Китае основная ставка делается на развитие частного предпринимательства исключительно по прагматическим основаниям: исторической практикой доказана большая эффективность частного сектора экономики по сравнению с государственной. Существовавшая в стране при Мао Цзэдуне социалистическая модель продемонстрировала свою экономическую неэффективность. Вместе с тем некоторые китайские исследователи полагают, что полностью от социализма не следует отказываться исходя не только из политической целесообразности, но и по рациональным основаниям, так как процесс своеобразной конвергенции конфуцианства и марксизма может придать развитию новые позитивные импульсы. По словам Цянь Сюня, «конфуцианство, являющееся основой китайской культурной традиции, и марксизм – два различных учения, но в целом по своему содержанию и особенностям они взаимодополнительны» [8, с. 151]. По этой причине предлагается объединить марксистское учение о классовой борьбе с конфуцианским учением о гармонии как источнике социального развития, антропологию Конфуция с экономическим учением Маркса, марксистский рационализм с нравственными принципами конфуцианства. Одновременно властвующая элита Китая (исходя из соображений целерациональности) ограничивает, но не подавляет проявление и либеральных интенций, лишенных в Китае своей исторической почвы. Вместе с тем изначально присущая конфуцианству мировоззренческая гибкость и адаптивность позволили ему интегрировать базисные парадигмы социализма и западного либерализма, приводя к тому, что возникшие на их основе «сетевой капитализм, мягкий авторитаризм, коллективистский дух и консенсная политика во всей Восточной Азии (как в экономической сфере, так и в области политики, а также в об-

ществе)» доказали «непреходящую значимость конфуцианской традиции для всей восточноазиатской современности в целом» [1, с. 14].

Нравственные парадигмы конфуцианства

При всей значимости культурно-образовательного фактора, как справедливо отмечает В.В. Малявин, «все способности и знания для Конфуция ничего не значат без прочной нравственной основы – без доверия, верности долгу, честности, любви» [9, с. 176]. Применительно к политическим процессам «именно ...Конфуций соединил воедино два таких разных ...понятия, как “власть” и “справедливость”, т.е. общественно-политический и нравственный факторы» [10, с. 9]. Согласно Конфуцию, человек, преступивший нормы морали, является «говорящим животным». Он убежден, что если правитель дает волю своим корыстным эгоистическим желаниям, а не благородным мотивам, то Небо вручает «повеление на царство» другой династии, так как оно традиционно награждает правящих за благородные дела и дарует власть достойнейшим из людей. Интегрированным же моральным принципом, по Конфуцию, является ориентация на то, чтобы не делать другим того, чего не желаешь себе. «И тогда не будет обиженных ни в государстве, ни в семье» [4, с. 75]. Поэтому сановник (благородный муж) обязательно оценивается по моральным критериям и должен соответствовать всем требованиям носителя *жэнь*: любить человека, быть искренним и честным, преданным государственным делам и правителю, в своей политической миссии проявлять осмотрительность и осторожность, неуклонно соблюдать правила и ритуалы. Он должен сделать сознательность и правду своими ведущими мотивами. По убеждению Конфуция, «храбрец без праведности», несмотря на его мужество, представляет реальную угрозу государству. Как мы видим, речь здесь идет о чисто нравственных критериях. По этой причине один из секретов мудрого правления заключается в том, чтобы отбирать на службу именно честных людей, карьерно возвышать праведных и ставить их над неправедными, что обязательно сделает простых людей лояльными и послушными власти. Конфуций отмечал: «Стоит лишь увлечься самому хорошими делами, и весь народ тотчас устремится ко всему хорошему. У благородного мужа добродетель – ветер, у малых же людей она – трава; склоняется трава вслед ветру» [4, с. 79].

Нравственно ориентированное политическое правление, согласно Конфуцию, включает в себя и совокупность других социально значимых факторов. Во-первых, Конфуций считал, что уступчивость (*жан*), особенно для людей, исполняющих государственные функции, является обязательным элементом в делах управления. По своей природе этот фактор ориентирован на то, чтобы слушать и слышать своих подданных, и, исходя из услышанного, корректировать свою политику.

Во-вторых, сановник должен не зазнаваться, не заискивать и не лебезить перед вышестоящими, всегда помнить о чести и достоинстве, уважать самого себя как личность. Только в этом случае он может состояться как государственный муж. При этом (что принципиально важно и актуально) ему ни в коем случае не следует не только обманывать государя (правителя), но даже быть готовым противостоять ему, как это сделал в свое время и сам Конфуций по отношению к императору Дин-гуну [9, с. 245–248].

В-третьих, в представлении Конфуция, правитель должен следовать вполне определенным правилам поведения, которые включают в себя и человеколюбие, и вежливость, и почтительность к родителям, предкам и властям, и честность; также сановник должен постоянно беспокоиться о том, хорошо ли он служит на той должности, которую занимает.

В-четвертых, он обязан исповедовать принцип справедливости, чтобы вызвать доверие народа, и избегать конфликтов между управляемыми и управляющими, ибо «когда народ не верит (*государству* – *А.Л., М.С.*), то ему (*государству* – *А.Л., М.С.*) не усто-

ять» [4, с. 76]. Важным позитивным принципом правления является и то, что сановник не должен чрезмерно отягощать народ повинностями, а использовать труд народа таким образом, чтобы тот не гневался на вышестоящих.

В-пятых, сановник как истинный благородный муж должен быть и учителем народа, воздействуя на него добротой и личным примером. В полной мере это относится и к императору.

В-шестых, разумеется, даже самый благородный человек способен допускать ошибки, поэтому, по словам Конфуция, правление непременно связано с исправлением, что опять-таки облагораживает процесс коммуникаций с подданными [4, с. 78].

В-седьмых, по Конфуцию, нажитое неправедным путем богатство не пойдет человеку впредь, и, помимо того, что не даст желаемого удовлетворения от обладания, может вызвать карьерные риски на государственной службе: «Богатства и знатность, обретенные нечестно, мне кажутся проплывшим мимо облаком» [4, с. 49].

Когда же Конфуций называет пять достоинств идеального правителя, то все они в той или иной степени связаны с моральной составляющей: «Благородный муж, оказывающая милость, не несет расходов; не вызывает злобы у людей, когда заставляет их трудиться; его желания несовместимы с жадностью; он полон величавости, но чужд высокомерия; он грозен, но в нем нет свирепости» [4, с. 125].

Как же эти принципы работают в современном Китае? В первую очередь, они выражаются в превращении борьбы с коррупцией в своеобразную национальную идею, проходящую под лозунгом «Нешадно бить и тигров, и мух» (т.е. не следует делать разницы между крупными и мелкими чиновниками). В реестр преступников попадают даже чиновники самого высшего уровня, бывшие ранее «непотопляемыми». Например, 29 июля 2014 г. Центральная дисциплинарная комиссия Коммунистической партии Китая объявила о начале расследования в отношении Чжоу Юнкана, обвиняемого в серьезных нарушениях партийной дисциплины. Этот политик ранее занимал пост министра общественной безопасности КНР и являлся секретарем политико-юридической комиссии ЦК КПК, курирующей суды, пенитенциарные учреждения и сектор безопасности КНР. Ключевым инструментом решения проблемы борьбы с коррупцией «сегодня и в ближайшем будущем китайское руководство рассматривает следование букве закона и построение правового государства как гарантию укрепления и развития социализма с китайской спецификой» [11, с. 7].

Нравственный аспект распространяется и на внешнеполитическую деятельность, поскольку нынешнее руководство Китая говорит о своем увеличении «нравственной вовлеченности в дела мира», признавая наличие перекаса в сторону развития товарно-денежных и торгово-экономических отношений с другими странами. И, бесспорно, на всех уровнях политических коммуникаций происходит артикуляция необходимости скромности государственной элиты как в личном, так и в социальном значении этого слова.

Фокусировка конфуцианства на моральной проблематике в политике имеет принципиальное значение для современного мира с учетом того, что мы живем в эпоху постмодерна, когда «в политике смешивается “левое” и “правое”, в средствах коммуникации – истина и ложь, в мире предметов – полезность и бесполезность... Великие гуманистические критерии стерлись в нашей системе социальных образов и знаков» [12, с. 16]. В этой ситуации привлечение морального ресурса конфуцианства для усиления нравственного потенциала современных обществ является конструктивным решением для гармонизации социальной среды в различных ее сферах.

Конфуций и принципы авторитарного правления

Основу конфуцианства составляет традиция авторитарного правления, предполагающая достаточно жесткие семейные и социальные иерархии. Конфуций, отвечая

Великому Князю из удела Ци о сути управления государством, говорил: «Да будет государь государем, слуга – слугой, отцом – отцом и сыном – сыном» [4, с. 77]. Государство трактуется как большая семья, а власть императора («Сына Неба») уподобляется власти отца. Только человек, чтущий отца и мать, может стать хорошим подданным. Основная же добродетель нижестоящих заключается в почтительности и послушанию «старшим». Отсюда исходит огромная роль государства в форматировании социальных процессов и управлении ими. Подобный управленческий принцип сохраняется в Китае и Восточной Азии, приобретая в настоящее время формы «мягкого» авторитаризма. Как отмечает Ту Вэймин, «участие государства в экономике может принимать различные формы – прямого руководства, как в Сингапуре; активного лидерства, как в Южной Корее; подбадривающего наставления, как в Японии; выборочного вмешательства, как в Тайване; или же позитивного невмешательства, как в Гонконге, – но присутствие центрального правительства при принятии всех важных экономических решений не только ожидается, но также всецело приветствуется как бизнес-сообществом, так и обществом в целом» [1, с. 20]. По мнению польских исследователей В. Дзяка и М. Бурдельского, государственный патернализм и активизм в целом благоприятно сказываются на модернизации Китая, поскольку реформы Дэн Сяопина соответствуют традиции реформ, идущих сверху, и их осуществление «облегчал тот факт, что они соответствовали ...конфуцианской традиции послушания и лояльности граждан по отношению к власти» [13, с. 109].

Основу подобного послушания составляют определенные культурные ценности, особенно моральные. Однако в рамках системы государственного управления «по Конфуцию» наблюдается скептическое отношение к закону, поскольку, по убеждению китайского мыслителя, у подданных они могут вызвать только сиюминутный страх, тогда как нравственное совершенствование стабильно и обладает существенным мотивационным потенциалом. Конфуций утверждал: «Если править с помощью закона, улаживать наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность» [4, с. 20–21]. Значение закона для социальной самоорганизации, таким образом, не отрицается, однако принципиальное значение приобретает культивирование государством моральных добродетелей своих граждан.

По версии В.С. Нерсисянца, отрицательное отношение Конфуция к позитивным законам (*фа*) обусловлено и соображениями гуманности, «их традиционно наказательным значением, их связью ...с жестокими наказаниями» [14, с. 29]. Т.е. речь идет о его гуманистических соображениях (человеколюбии).

На первый взгляд, демократия как принцип управления отрицается всем содержанием конфуцианства. Однако в реальности, как отмечает Ту Вэйминь, «конфуцианский вариант демократии можно не только представить себе, но и воплотить в реальности» [1, с. 21]. Действительно, ситуация достаточно противоречивая. С одной стороны, Ф. Фукуяма утверждает, что исторически конфуцианство исходит из того, что китайцам «не присуще “стихийное” чувство гражданственности», что предполагает, в свою очередь, высокий уровень социальной пассивности населения» [15, с. 157]. Более того, по его же замечанию, несмотря на то, что материализованные идеи Конфуция могут «породить беспрецедентное процветание», но они означают «и продленное детство для большинства граждан» [16, с. 369], т.е. свидетельствуют об очевидной их социальной инфантильности. С другой же стороны, отмечает Фукуяма, авторитарная власть в состоянии в случае необходимости «возбуждать гражданский дух», чему благоприятствуют и вполне конкретные черты конфуцианского мышления, например, коренящаяся в нем идея активности и ответственности социальных низов за состояние своего государства. Наиболее простой и естественный вариант пробуждения гражданственности в китай-

ских обстоятельствах – это актуализация национально-патриотических чувств граждан страны, учитывая высокоразвитое чувство их национальной идентификации.

Следует отметить, что демократия в ее либеральном виде руководством КНР была отвергнута как нечто противоречащее историческим традициям страны. Однако подобный подход не исключает существования ограниченных и специфических форм демократии с китайской спецификой – «социалистической консультативной демократии». В настоящее время подобная «демократия» выразилась в идее организации «обратной связи» между государственной элитой и народом, предполагающей как знание вышестоящими нужд и настроений нижестоящих, так и важность мнения людей о действиях чиновников. По этой причине нынешняя политика КПК нацелена на то, чтобы усилить фактор сдерживания власти посредством укрепления над ней контроля народа, для чего следует «посадить власть в клетку институтов», что должно привести к росту политической ответственности чиновников. В этом случае появится возможность органично сочетать руководящую роль партии с принципом «народ – хозяин страны». Руководством КПК предполагается также повысить в Китае роль и значение неправительственных общественных организаций, включая и иностранные.

Китайская же демократия применительно к внешней политике – это следование принципу равноправия всех стран, невмешательство во внутренние дела, уважение всех культур и моделей развития, принятие тезиса о многообразии и культурном богатстве разных цивилизаций и необходимости ведения межцивилизационного диалога; при этом концепция прав человека при всей значимости политических и гражданских прав должна придавать существенное значение экономическим, социальным и культурным правам. Развитие демократических институтов в современном Китае предполагает также и своеобразную трансформацию некоторых базовых ценностей. Например, учитывая то, что сущностью конфуцианской культуры является возвышение семьи над всеми другими социальными отношениями, создается экономическая система, в которой именно семейная энергетика концентрируется в сфере развития предпринимательства. Или же, чтобы противостоять «мирадам частных интересов, утверждающих себя за счет общества» (Фукуяма), создается система коммерческой этики и экономической культуры, сформулированная в конфуцианских терминах, в которой четко артикулируются общественные интересы.

Заключение

Очевидно, таким образом, что идеи Конфуция обладают существенным модернизационным потенциалом, демонстрируя, что культурная традиция может играть важную роль в процессе социальной модернизации в государствах Восточной и Юго-Восточной Азии. Более того, социальная практика показала, что политико-идеологическое учение Конфуция не только обладает локальным (региональным) значением, но и является по своей сути универсальным, заключая в себе важные принципы и для иных цивилизаций, что позволяет им осуществить корректировку социальных и культурных проектов и практик. В эпоху постмодерна с ее расплывчатостью и невнятностью смысловых ориентаций особенно актуально учение Конфуция о моральной регламентации политической деятельности и о роли традиционных ценностей в самоорганизации общества. Следует отметить и тот факт, что идеи Конфуция в их идеологическом и политико-практическом преломлении отчетливо демонстрируют историческую ограниченность социалистических идей в их тоталитарном обрамлении, отход от которых в пользу конфуцианства после смерти Мао Цзэдуна позволил Китаю совершить впечатляющий исторический рывок. Идеи Конфуция предполагают и известное переосмысление теории конвергенции, позволяющее на конфуцианской основе интегрировать наилучшие модели организации различных социальных систем, что позволяет, к примеру, со-

временному Китаю использовать как социалистические, так и капиталистические принципы и практики социальной организации, но с обязательной национальной спецификой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вэймин, Ту. Подъем «Конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл / Ту Вэймин // Полис. – 2012. – № 1. – С. 7–25.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.
3. Григорьева, Т. П. Конфуций / Т. П. Григорьева // Вопросы философии. – 2011. – № 2. – С. 82–92.
4. Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения / Конфуций. – М. : Эксмо, 2006. – 958 с.
5. Переломов, Л. С. Конфуцианство и легизм и политической истории Китая / Л. С. Переломов. – М. : Наука, 1981. – 340 с.
6. Żukiewicz, P. Przywództwo polityczne. Teoria i Praktyka / P. Żukiewicz. – Warszawa : Difin, 2011. – 440 s.
7. Герман Грэф пабываў у ЗША і быў ашаламлены ўбачанымі там новымі тэхналогіямі // Наша ніва. – № 19. – 18 мая 2016. – С. 1–16.
8. Цянь Сюнь. Мое скромное мнение о соединении марксизма с традиционной китайской культурой / Цянь Сюнь // Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 148–157.
9. Малявин, В. В. Конфуций / В. В. Малявин. – М. : Молодая гвардия, 1992. – 335 с.
10. Блюменкранц, М. А. Конфуций: вчера и сегодня / М. А. Блюменкранц // Конфуций. Уроки мудрости. – М. : Эксмо, 2006. – С. 5–13.
11. Коваль, А. «Тигр» в клетке! Пусть торжествует закон! / А. Коваль // Зеркало недели. Украина. – 2014. – 8 авг.
12. Якимович, А. К. Тоталитарная и независимая культура / А. К. Якимович // Вопросы философии. – 1991. – № 11. – С. 16–25.
13. Dziak, W. Chiny u progu XXI wieku / W. Dziak, M. Burdelski. – Toruń : Wyd-wo Adam Marszałek. – 321 s.
14. Нерсесянц, В. С. Политико-правовая мысль Древнего Китая / В. С. Нерсесянц // История политических и правовых учений : учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М. : НОРМА, 2001. – С. 25–34.
15. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2004. – 588 с.
16. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2004. – 730 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.06.2016

Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Ideas of Confucius and the Problems of Social Modernization of Contemporary Society

The political ideas of Confucius perceived in the light of their use in contemporary modernization processes are studied in the article. It is shown that many countries of Eastern Asia – China and Singapore, in the first instance – employing them in a creative way have managed to achieve a historical change. It is mentioned that Confucianism is not only a regional, but also a universal political and ideological system, which can be appropriate for the formatting of social processes in different countries of the world. Its orientation towards convergence of different models of social organization is analyzed. It is argued that the following trine of values has a principle meaning for the successful social modernizations: social sacralization of knowledge, moral imperatives of politics, and an effective leadership based on the latter.

УДК 321.01

Н.А. Антанович*канд. полит. наук, доц., доц. каф. политологии
Белорусского государственного университета***ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К АНАЛИЗУ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ**

В статье поставлена цель классифицировать подходы и теории анализа государственного и политического управления, раскрыть их ключевые характеристики. В качестве основополагающих подходов выделены институциональный; системно-функциональный (его разновидность – процессуальный); коммуникативный (его разновидность – сетевой), неоинституциональный. Институциональный подход исследует формальное измерение сути политики и включает в себя теории бюрократии, организации и рационального выбора. Системно-функциональный подход концентрируется на проблематике процессов и результатов государственного управления и использует элитистскую, плюралистическую, партисипаторную и корпоративистскую теории. Теории «хорошего управления» и политических сетей возникли под влиянием коммуникативного подхода, хотя на них значительное влияние оказал неоинституционализм. Неоинституционализм позволяет исследовать взаимосвязь экономических и политических институтов и причины их неэффективности. Неоинституционализм сформировал терминологический аппарат для изучения политико-административных и экономических процессов: ограниченная рациональность, политический рынок, социальный контракт, «оппортунистическое поведение», «институциональные ловушки», транзакционные издержки, «рентоориентированное поведение». Одной из новейших тенденций является изучение инклюзивной/экслюзивной и дистрибутивной природы институтов. Подходы к анализу государственного и политического управления рассмотрены в связи с различными типами государства, а также с традиционно-прямолинейной, коллегиальной, сетевой управленческими моделями.

Введение

Разработка теории и методов изучения государственного и политического управления – одно из ключевых направлений политического анализа. Данное исследовательское направление является междисциплинарным, а публикации отличаются систематическим количественным ростом и качественным многообразием. Так, в монографии по теории государственного управления, изданной в 2012 г. [1], выделяются в качестве основополагающих теории бюрократии, институционализма, рационального выбора, государственного менеджмента, принятия решений, хорошего управления, а также постмодернистская теория.

Существенный вклад в изучение проблем государственного и политического управления внесли такие ученые, как О.В. Гаман-Голутвина, В.В. Герменчук, Р.В. Евстифеев, Т.А. Кулакова, Г.Л. Купряшин, В.А. Мау, А.В. Павроз, Л.В.Сморгунов, А.И. Соловьев, Н. Хенри.

Цель статьи – *классифицировать подходы и теории анализа государственного и политического управления, раскрыть их ключевые характеристики.*

Многочисленные теории, объясняющие суть государственного управления, можно сгруппировать на основе таких исследовательских подходов, как *институциональный (или директивный, кратологический); системно-функциональный (его разновидность – процессуальный); коммуникативный (его разновидность – сетевой); неоинституциональный.*

Институциональный подход позволяет изучить формальное измерение сути политики (т.е. политический порядок, организацию институтов и норм). Теория бюрократии, теории организации и рационального выбора связаны с институциональным подходом. *Теории бюрократии* (в классическом, веберовском варианте) и *рационально-*

го выбора создали основу исследования взаимоотношений государственных служащих и политиков как выборных должностных лиц, а также акторов, вовлеченных в публичную сферу. Они позволили изучить механизмы контроля и критерии оценки эффективности деятельности госслужащих. *Теория организации* дает возможность выявить воздействие структуры государственных институтов на выработку политического курса и управленческих решений, соотношение централизации и децентрализации, координацию действий различных уровней управленческой иерархии. Под влиянием работ М. Вебера, В. Вильсона, а также А. Вивьена, А. Шардона в науке государственного управления долгое время господствовали идеи разделения политики и администрирования. Г. Саймон, Д. Уалдо, Дж. Свара подвергли критике дихотомическую концепцию управления, указывая на «смягченный дуализм», поскольку содержание государственного администрирования определяется политическим курсом [2, с. 393].

С нашей точки зрения, теория бюрократии и теория организации и рационального выбора позволяют анализировать роль государственной службы в управленческих процессах. Однако проблематика функционирования государственной службы не исчерпывает спектра вопросов в изучении государственного и тем более политического управления. **Системно-функциональный подход** направлен на изучение администрирования как части политического процесса (используется модель политико-административной системы); государственное управление рассматривается как процесс принятия решений и их политической легитимации. Основы этого подхода заложены в трудах Д. Истона, Г. Алмонда, Э. Шилза, Д. Аптера, Д. Лернера, Г. Лассуэлла. При таком подходе политический анализ концентрируется на проблематике процессов и результатов государственного управления. Как показал Н. Хенри, *процессуальный* (public policymaking) вид политического анализа исследует механизмы выработки, реализации и контроля политических решений¹, а *результатирующий* сконцентрирован на оценке результатов и последствий управленческих действий [3, р. 347].

Государственное управление как процесс, связанный с представительством интересов, по мнению Н. Хенри, описывают *элитистская, партисипаторная, плюралистическая и корпоративистская* теории [3]. Согласно *теории элит*, публичная политика определяется ценностями правящих элит. *Партисипаторная* теория постулирует необходимость децентрализации управления, расширения полномочий региональных и местных властей, развития самоуправления. Логическим продолжением этой концепции являются теории «хорошего управления» («good governance») и «сетевого управления», о которых речь пойдет ниже. *Теория плюрализма* выявила влияние групп интересов на выработку политического курса, главным образом, на законотворческий процесс. Часто роль групп интересов описывается как функционально позитивная, а их деструктивная роль в борьбе за перераспределение общественного дохода недооценивается. Возможна ситуация, когда властные институты «захватываются» группами интереса. *Корпоративистская* концепция отражает формирование политического курса через взаимодействие институтов исполнительной власти, профсоюзных и предпринимательских организаций. В корпоративистской модели государства возникает система «неконкурентного представительства ограниченным числом групп интересов», а властные институты стремятся «координировать взаимодействие таких вертикально интегрированных групп корпоративного представительства» [4, с. 51].

Инструментальное значение **коммуникативного подхода** состоит в следующем: государственное и политическое управление рассматриваются в связи с переводом информации из неформальных в формальные каналы коммуникации (идеи К. Дойча), под-

¹ Основополагающими в теории принятия политических решений являются концепции рационализма (И. Дрор, Г. Саймон), инкрементализма (Ч. Линдблом) и стратегического планирования (А. Чандлер).

черкнута значнасць консенсуснага, несіловага прыняцця рашэнняў (ідея «дэлібератывнай дэмакратыі» Ю. Хабермаса). Камунікатывная палітыка разглядаецца як інструмент палітычнага кіравання (канцэпцыя палітычнага менеджмента як несіловага кіравальнага ўздзеяння для легітыматцы ўлады). Тэорыі «*хорошага кіравання*» і *палітычных сетак* узніклі дзякуючы камунікатывнаму падходу, хоць на іх значнае ўплывае неаінстытуцыяналізм.

Навейшыя даследаванні дзяржаўнага кіравання апираюцца на **неаінстытуцыянальны падход**, узнікшы ў 1980-е гг. (асновныя тэарэтыкі: Д. Норт, Р. Коуз, Б. Вайнгаст, Дж. Мейер, У. Паўэлл², П. Дымаджіо). Неаінстытуцыяналізм ўпітаў ідэі традыцыйнага інстытуцыяналізма, сістэмна-функцыянальнага падходу, тэорыі грамадзянскага выбара (Дж. Бьюкенен). Неаінстытуцыяналізм дазваляе даследаваць эвалюцыю эканамічных і палітычных інстытутаў, іх узаемасвязь, прычыны неэфектывнасці. Неаінстытуцыяналісты існуюць шэраг паняццяў: інстытут (тракуемы як савакупнасць правілаў і нормаў паводнення), фармальныя і нефармальныя абмежаванні для сацыяльнага дзеяння, абмежаваная рацыянальнасць, палітычны рынак, сацыяльны кантракт, «апаартуністычнае паводненне», «інстытуцыянальныя ловушкі», транзакцыйныя издержкі, «палітычная рента», рентааарыентаванае паводненне. Суб'екты эканамічнага і палітычнага рынкаў, праследуючы свае мэты, дзейнуюць у рамках інстытуцыянальных абмежаванняў. Чым менш канкурэнтнае асяроддзе, у якім дзействуе кіруючая палітычная эліта, тым больш верагодна рентааарыентаванае паводненне³.

«Неаінстытуцыяналісты выступаюць супраць «атамістычнага ўзгляда» на сацыюм, свайгоўнага бяхавіоралістам», – адзначаў С. Белл, а неаінстытуцыяналізм мае «шырокі круг прымянення ў палітычным аналізе і публічнай палітыцы, ён можа быць існуюць у вывучэнні «спасобнасцей дзяржавы» і пры аналізе палітычных сетак» [6, р. 371]. Для вывучэння сучасных дзяржаў існуюць паняцця «*дзяржаўная саастаннасць*» (policy capacity of government), «*дзяржаўная слабаць*» (state fragility), «*несаастаннае дзяржаўнае*» (failed state). Дзяржаўная саастаннасць праяўляецца ў здольнасці дзяржавы выконваць свае функцыі з улікам інтарэсаў грамадзян як палітычнага грамадства.

Неаінстытуцыяналізм у палітычнай навуцы развівалі Дж. Марч, Дж. Олсен, П. Холл, а таксама расійскія палітолагі Р.В. Евсіфеев, Л.Г. Купрышын⁴, А.И. Лінецкі, А.В. Павроз, С.В. Патрушев, З.М. Шокарова, беларускія аўтары В.В. Герменчук, А.В. Стром. Літоўскія палітолагі А. Янкаускас і С. Гудінскас прымянілі неаінстытуцыяналізм у транзітологіі і выявілі, што ««дзяржаўная слабаць», «захап дзяржавы», «несаастаннае дзяржаўнае» ўсе часцей прызнаюцца ў якасці прычыны, чаму «бесфармны п'юралізм» ці «неліберальная дэмакратыя» прэваліруюць у многіх краінах сусвету» [9].

² Прыведзем цытату У. Паўэлла «Наіболей ўпечаліваючая чэрта інстытутаў заключаецца ў іх здольнасці пераўтвараць феномены, якія на вызначаным этапе могуць быць даволна спорнымі, ў нешто естэсвеннае. На фундаментальным узроўні мы імаем дэла з праяўленнем ўлады – навазываннем вызначанага спосаба мыслення другім людзям такім абразам, што ён становіцца нормай» [5, с. 12].

³ «Рентааарыентаванае паводненне» узнікае пры атрыманні перавагаў абранымі групіроўкамі. Як адзначаў А. Крюгер, «канкурэцыя за прысваенне ренты узнікае із-за расхожджэння між дзельнымі і сацыяльнымі издержкамі на аадельныя віды дзейнасці» [7, р. 291]. Важна перапятствоваць «захап дзяржавы» як чыноўнікамі, так і «дзельцамі рынчнай эканамікі».

⁴ Сагласна Л.Г. Купрышын, ««новы» інстытуцыяналізм ...утверждае, што бараьба сапернічаючых груп за дэфіцытныя рэсурсы наадіт сваё аб'ясненне ў канфлікце інстытуцыянальнай арганізацыі палітычнага рэжыма і эканамічных структураў, у сааветствіі з якім некотарыя інтарэсы аказваюцца ў прывілежаваным палажэнні, ў тое врэмя як другія падаўляюцца» [8, с. 6].

Одной из новейших тенденций в экономической и политической науках является изучение инклюзивной/экслюзивной и дистрибутивной природы институтов. Феномены редистрибутивного распределения и «экслюзивной экономики», и их политические последствия изучены Д. Акемоглу, Дж. Робинсоном. Т. Фотополос проводит идею инклюзивности принятия решений, управления и демократии (*inclusive democracy and decision making*)⁵.

Немецкий исследователь А. Мир (Anja Mihr – директор Центра государственного управления и прав человека, Берлин) утверждает: «Новый институционализм близок инклюзивной демократии. Институты должны служить людям. Но мы не должны забывать, что тысячелетняя история традиции принятия решений исключительно на вершине властной пирамиды (а конфигурация институтов является отражением данного положения дел) очень глубоко интегрирована в сознание. Однако в сознании происходит медленный переход, благодаря которому в один прекрасный день мы увидим, что президенты, парламенты и суды являются нашими слугами, а не наоборот» (цитата из экспертного интервью с профессором А. Мир, апрель 2016 г.).

Под влиянием неонституционализма находятся теории *нового государственного управления (менеджмента) (НГМ)*, «хорошего управления» и *политических сетей*. НГМ, возникшая в 1980-х гг., стала реакцией на бюрократизацию государства всеобщего благосостояния, ориентировала на использование рыночных методов в государственном управлении западных стран, обосновала идею «служебной роли государства». П. Окойн, Д. Осборн и Т. Гэблер выдвинули идею «переосмысления управления», призывая использовать методы «предпринимательского управления», вкладывать средства в результаты, а не в намерения, предоставлять услуги на конкурентной основе, пресекать бюрократическую трату средств, осуществлять децентрализацию [11].

Идеи НГМ использовались при проведении административных реформ 1980-х гг. в Великобритании США, Канаде, Новой Зеландии и других странах англосаксонской модели государственного управления. В Великобритании использовались приватизация, сокращение численности госслужащих и государственных программ, развитие рыночно-ориентированных механизмов управления. В США подобные реформы: сокращение госрасходов, приватизация госпредприятий проводились администрацией Р. Рейгана. В 1986 г. была создана комиссия П. Волкера, изучавшая государственную службу [12, с. 149–150]. В ЕС – это реформы под руководством Н. Киннока с 1999 по 2004 гг. НГМ использовалась также при проведении административной реформы в Российской Федерации в 2004–2008 гг. Однако идеи НГМ не должны нивелировать различия между частными и государственными организациями. Так, Дж. Рэйни писал, что в отличие от частных «большинство государственных организаций не продает результаты своей деятельности на рынках» [13, с. 75].

Политические системы западных стран опираются на рационализированный административный аппарат при активном применении децентрализации управления и расширении различных форм включения граждан в управление, что воплотилось в концепции «governance» («совместное управление», «со-управление»). В документах ООН

⁵ Один из основоположников концепции инклюзивной демократии Т. Фотополос определял ее так: «Демократия несовместима с любой формой неравенства в распределении власти, т.е. с любой концентрацией власти, политической, социальной или экономической. Следовательно, демократия несовместима с такими товарно-имущественными отношениями, которые приводят к концентрации власти. Кроме того, она несовместима с иерархическими структурами, закрепляющими доминирование либо институционально (например, преобладание мужчин над женщинами), либо «целевым способом» (например, доминирование Севера над Югом в рамках разделения труда), через оправдание природным доминированием. И, наконец, демократия принципиально несовместима с любой замкнутой системой верований, догматов или идей» [10].

термин «хорошее управление» («good governance») связывается с принципами демократического правового государства: верховенство права и защита прав человека; прозрачность власти и ее подотчетность гражданам; отзывчивость и оперативность реагирования на социальные проблемы; ориентация на консенсус [14]. Следует также упомянуть инициативу ООН о партнерстве «Открытое правительство» (2011 г.) для повышения «прозрачности и подотчетности государственного управления», обеспечения обратной связи между институтами власти и гражданами. Концепция «governance» разрабатывалась Дж. Розенау и Э.-О. Чемпелем («Управление без правительства: порядок и изменения в мировой политике», 1992), а также Дж. Стокером. Основания теории «governance» Стокер связал с исторической ситуацией, когда «границы между странами и внутри государственного и частного секторов стали размытыми» [15, р. 17–18].

Концепция «governance» подвергается критике. К примеру, С. Белл и А. Хайндмур считают «общество-центристскую перспективу управления» несовершенной и отстаивают «государственно-ориентированный подход». Они указывают, что термин «governance» описывает «растущую тенденцию правительств управлять страной в партнерстве с рядом негосударственных субъектов и, как следствие, маргинализацию правительств в процессах принятия решений» [16, р. 149]. Реализация идей «хорошего управления» означает установление открытых обратных связей с обществом, а не отфильтрованных по «заданным сверху шаблонам».

Концепция «governance» связана с *теорией сетей* (или «сетевым подходом») ⁶ в анализе государственного управления и политики. Политические сети изучали Р. Родес, Т. Берцель, Д. Марч, Д. Ноук, Э. Хейвуд, З.С. Викторова, Т.А. Кулакова, Г.Л. Купряшин, В.М. Сергеев, Л.В. Сморгун. Термин «политическая сеть» (policy network) стал использоваться в 1980–90-е гг. *Политическая сеть* – разновидность социального сообщества, которое связывает между собой политических субъектов со сходными позициями и/или интересами; формирует относительно устойчивые отношения по вопросам политических проблем или программ. Во-первых, политические сети могут формироваться как на уровне элитарных группировок, так и на уровне широкого массового взаимодействия. Во-вторых, современные ИКТ позволяют использовать сетевое взаимодействие в государственном управлении для расширения каналов обратной связи между центрами принятия решений и обществом.

С одной стороны, «сетевые структуры» выступают «феноменом постмодерна»: меняется социальная структура, связь человека с конкретными территориальными сообществами ослабевает, а интернет-коммуникации позволяют присоединиться к экстерриториальным группам на основе личного выбора. С другой – организация социальной жизни может быть основана как по иерархическому, так и по сетевому принципу. Политические институты действуют как «в среде социальных сетей, так и в среде иерархий» [18, с. 8–9]. Хотя социальные и политические сети не являются «изобретением» информационного общества, однако именно в информационном обществе они приобретают принципиально новые характеристики. Современные социальные сети формируются благодаря многоканальной интенсивной коммуникации, обеспечивающей обмен информацией и ресурсами.

Политико-управленческие сети соединяют государственных и негосударственных акторов. Сетевой подход в анализе государственной политики и управления делает акцент на взаимодействии управляющих и управляемых, в том числе посредством раз-

⁶ Т.А. Кулакова отмечает: «Сетевой подход как направление политической науки соответствует исследованиям и описанию некоторых форм государственного руководства как переговорных отношений между множеством акторов для достижения согласия в проблемной области с фокусом на взаимодействиях партнеров между собой» [17, с. 12–13].

вития электронного правительства. Р.В. Евстифеев отмечает: «Концепции Connected Government и теории социальных сетей делают упор на создание устойчивых неформальных и полуформальных общественных структур, участвующих в определении целей и реализации государственного управления» [19, с. 25].

В ряде работ подчеркиваются лишь позитивные свойства сетей, утверждается, что сетевые структуры (гуманитарные, экологические, религиозные, научно-исследовательские, коммерческие) формируют гражданское общество, которое подкрепляет собой вертикаль политической власти. Но такая ситуация является идеализированной. Сетевые сообщества обладают как позитивным, так и негативным социальным капиталом. Ряд исследователей обращает внимание на деструктивные свойства сетевых сообществ с негативным социальным капиталом (иногда их называют «антисети»). Важный вывод мы находим у Дж. Пьери: «Сети могут быть исключаящими и включающими. Исключающие сети достаточно организованны, членство в них ограничено... Причиной ограниченного членства является стремление гарантировать высокую степень однородности субъектов с точки зрения их целей и ценностей. Инклюзивные сети максимизируют членство, что позволяет всем желающим присоединиться к сети» [20, р. 14–15].

Теория политических сетей исследует сочетание коммуникативных процессов постиндустриального общества и трансформацию государства на организационном, функциональном и коммуникативном уровнях, а также неформальные практики политического процесса. С. Белл констатирует следующий факт: «В странах с либеральными политическими традициями большинство “арен политики” формируется под плюралистическим давлением политических сетей... При доминировании политических сетей, как правило, формируется реактивный тип публичной политики: само государство является слабым, а негосударственные субъекты не в состоянии осуществлять решительное руководство. Система может быть вполне демократичной в том смысле, что есть много голосов, но бесцельной с точки зрения стратегической политики» [6, с. 372].

Таким образом, хотя формально-правовые основания и административно-бюрократические процедуры по-прежнему жизненно необходимы для государства, в условиях постиндустриально-информационного этапа общественного развития государственное управление подвергается качественным трансформациям. Постмодернистская социальность изменяет устоявшуюся концепцию государства. Эпоха постиндустриализма позволяют расширять формы прямого политического участия, многократно увеличивает возможности влияния на индивидуальное и массовое сознание (в том числе путем манипуляции), стимулирует развитие новых форм государственного управления. Постмодернисты утверждают, что происходит размывание суверенитета, формируется небюрократическое и децентрализованное государство [21, с. 152].

Описанные выше подходы к анализу государственного и политического управления связаны с *типами государства*, которые существовали в разные исторические периоды и формировались благодаря экспертному знанию: «рационально-бюрократическое государство», «минимальное государство», «социальное государство» («государство всеобщего благосостояния»), «менеджеристское, эффективное, малозатратное государство», «корпоративное государство» («государство-корпорация»), «активизирующее», «сетевое государство». С нашей точки зрения, в основе перечисленных типов государств (отличающихся внутренней структурой, функциональной направленностью, идеологической базой и целевыми установками), лежат несколько *управленческих моделей*: традиционно-прямолинейная, коллегиальная, сетевая. В *традиционно-прямолинейной* (моноцентричной, бюрократической) модели единый политический центр подчиняет себе иерархичную систему институтов на разных уровнях бюрократической организации. В *коллегиальной* (коллегиально-правительственной) управленческой модели действует несколько центров политического влияния, возможна интеграция представи-

телей контрэліты, грамадскага грамадства в дзейную управленческую команду. Модель «сетевое управления» предполагает привлечение различных заинтересованных лиц к достижению общественных целей на базе ИКТ. Модель сетевого управления согласуется с концепциями «хорошего управления», эффективного и активизирующего государства. Мы считаем, что наиболее актуальными для развития Республики Беларусь являются концепции *эффективного и активизирующего государства*.

Заклучение

Качество государственного управления – решающий фактор развития. Задачи, стоящие перед органами государственного управления, могут быть рутинными и «задачами без прототипов». Для их решения применяется два типа менеджмента: процессный и проектный. Проектный (инновационный) менеджмент нуждается в научном обеспечении, поскольку связан с риском, грозит устойчивости сложившейся властной иерархии, а его результаты проявляются в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Итоги статьи мы представили в сводной таблице, которая демонстрирует связь подходов к изучению государственного управления с теориями и концепциями, объясняющими процессы управления и выработки политического курса, а также с типами государства (таблица).

Таблица. – Классификация подходов к изучению государственного и политического управления и их содержательная характеристика

Подходы к изучению государственного управления	Теории и концепции, объясняющие процессы государственного управления и выработки политического курса	Типы государства	Модели организации / управленческих взаимодействий
Институциональный (акцент на структуре организации)	Теория бюрократии; теория организации; теория рационального выбора	Рационально-бюрократическое; минимальное	Традиционно-прямолинейная / бюрократическая
Системно-функциональный/процессуальный (акцент на процедурах)	Элитистская; плюралистическая; партисипаторная; корпоративистская	Социальное; всеобщего благосостояния; корпоративное	Бюрократическая; коллегиальная
Коммуникативный (акцент на участии и партнерстве)	«Хорошего управления»; политических сетей	Эффективное, малозатратное; активизирующее; «сетевого управления»	Коллегиальная; «сетевого управления»
Неоинституциональный (акцент на результате / эффективности)	Общественного выбора; новый государственный менеджмент (НГМ); «государственная состоятельность»		

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. The public administration theory primer / H. G. Frederickson [et al.]. – Boulder CO : Westview Press, 2012. – 274 p.
2. Политико-административные отношения: кто стоит у власти? / под ред. Т. Верхейна. – М. : Права человека, 2001. – 512 с.
3. Henry, N. Public Administration and Public Affairs / N. Henry. – New Jersey, 1999. – 496 p.

4. Павроз, А. В. Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние / А. В. Павроз // Вестн. МГУ. Сер. 18, Социология и политология. – 2009. – № 4. – С. 50–62.
5. Сегодня я настроен чуть более оптимистично, чем 10 лет назад : интервью с Уолтером Пауэллом [Электронный ресурс] // Экономическая социология : электрон. журн. – Март 2012, Т. 13. – № 2. – С. 8–16. – Режим доступа: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255784750/ecsoc_t13_n2.pdf.
6. Bell, S. Institutionalism: Old and New [Electronic recourse] / S. Bell // Government, Politics, Power And Policy In Australia. – Australia : Pearson Education Australia, 2002. – P. 363–380. – Mode of access: <https://espace.library.uq.edu.au/view/UQ:9699/Institutionalism.pdf>. – Date of access: 10.04.2016.
7. Krueger, A. The Political Economy of the Rent-Seeking Society / A. Krueger // The American Economic Review. – 1974. – Vol. 64, № 3. – P. 291–303.
8. Купряшин, Г. Л. Политико-административные институты модернизации государственного управления : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Г. Л. Купряшин ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2013. – 46 с.
9. Jankauskas, A. Reconceptualizing Transitology: Lessons from Post-Communism [Electronic recourse] / A. Jankauskas, L. Gudzinskas // Lithuanian annual strategic review. – 2007–2008. – P. 181–199. – Mode of access: http://hawk.ethz.ch/serviceengine/Files/ISN/120815/ichaptersection_singledocument/cd80ea04-6609-4e87-a572-b75eb06-8229f/en/Chapt.8.pdf. – Date of access: 10.04.2016.
10. Fotopoulos, T. The Multidimensional Crisis and Inclusive Democracy [Electronic recourse] / T. Fotopoulos. – Mode of access: <http://www.inclusivedemocracy.org/journal/ss/ch13.htm>. – Date of access: 12.04.2016.
11. Osborne, D. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit Is Transforming the Public Sector / D. Osborne // D. Osborne, T. Gaebler. – New York : Plume, 1992. – 405 p.
12. Сравнительное государственное управление: теория, реформы, эффективность : сб. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т ; под. ред. Л. В. Сморгунова. – СПб. : Изд-во С.-Петербурга, 2000. – 227 с.
13. Рэйни, Хэл Дж. Анализ и управление в государственных организациях : пер. с англ. / Хэл Дж. Рэйни. – М. : Инфра-М, 2004. – 401 с.
14. What is Good Governance? [Electronic recourse] // UNESCAP United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. – Mode of access: <http://www.unescap.org/resources/what-good-governance>. – Date of access: 12.09.2015.
15. Stoker, G. Governance as theory: five propositions / G. Stoker // International Social Science Journal. – 1998. – № 155. – P. 17–28.
16. Bell, S. R. The Governance of Public Affairs / S. R. Bell, A. M. Hindmoor // Journal of Public Affairs. – 2009. – № 9/2. – P. 149–159.
17. Кулакова, Т. А. Административная реформа и трансформация взаимодействий государства и общества (на примере России) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Т. А. Кулакова ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2012. – 45 с.
18. Сергеев, В. М. Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети / В. М. Сергеев, К. В. Сергеев // Полис. – 2003. – № 3. – С. 6–13.
19. Евстифеев, Р. В. Политико-административные преобразования в контексте глобальных вызовов: отечественный и зарубежный опыт, проблемы и тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Р. В. Евстифеев. – Уфа, 2011. – 48 с.
20. Pierre, J. New Governance, New Democracy? The quality of government institute / J. Pierre // QoG Working Paper Series : University of Gothenburg. – 2009. – № 4.

21. Ирхин, Ю. В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ / Ю. В. Ирхин // Политика. – 2005–2006. – № 4(39). – С. 136–160.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.09.2016

Antanovich N.A. Theoretical and Methodological Approaches to Public Administration

The aim of the article is to classify the approaches and theories of public administration and public policy management. As the basic approaches, the author highlights the followings: institutional; systemic-functional (concentrated on the political process); communicative (networking), neoinstitutional approaches. The institutional approach explores the formal dimension of politics and includes the theories of bureaucracy, organization and rational choice. Systemic-functional approach focuses on issues of governance processes and outcomes, and uses elitist, pluralistic, participatory, corporatist theory. Theories of «good governance» and political networks have arisen under the influence of the communicative approach, although they were considerably influenced by neoinstitutionalism. Neoinstitutionalism allows exploring the relationships of economic and political institutions, and the reasons for their ineffectiveness. Neoinstitutionalism formed a terminological apparatus for the study of political-administrative and economic processes: bounded rationality, political market, the social contract, «opportunistic behavior», «institutional traps», transaction costs, «rent seeking behavior». One of the newest trends in the economy and political science is the study of the inclusive / exclusive and distributive nature of institutions. The approaches to the analysis of public and political control are considered in connection with the different types of the state, as well as with traditional rectilinear, collegial, network management models.

УДК 327.5

А.А. Плащинский*канд. полит. наук, проректор по идеологической и научно-инновационной работе
Международного университета «МИТСО» Федерации профсоюзов Беларуси***ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПАРАДИГМЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА:
К ПОИСКУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ**

Рассматривается процесс проектирования парадигмы нового мирового порядка в рамках деятельности «мозговых центров» США. Раскрывается их роль в трансформации системы международных отношений по окончании Первой мировой войны, Второй мировой войны и холодной войны. Отмечается ряд современных геополитических проектов США, нацеленных на продвижение «либеральной» матрицы глобального управления. Обосновывается необходимость определения национальной идеи для формирования сбалансированной системы миропорядка.

Введение

Парадигма нового мирового порядка является матрицей системы глобального управления. Ее концептуальной разработкой занимаются ведущие «мозговые центры» в США, в особенности Совет по международным отношениям (основан в 1921 г.). В рамках проектной деятельности «мозговые тресты» осуществляют стратегическое планирование американской внешней политики, разрабатывают научно-практические рекомендации правительству. Многие концептуальные документы, разработанные в недрах таких центров, лежат в основе Стратегии национальной безопасности, а также доктрин президентов США.

Актуальность исследования парадигмы нового мирового порядка обусловлена главным образом необходимостью реализовать синергетическую модель евразийской интеграции для установления сбалансированной системы мироустройства. В этой связи особо важно определить такую смыслообразующую *национальную идею*, которая будет способствовать формированию справедливого миропорядка, а также обеспечит дальнейшую реализацию социально-ориентированной политики в Республике Беларусь. Решение поставленных задач является единственной альтернативой расширению глобального хаоса и организации «цветных революций» на пространстве бывшего СССР.

Деятельность «мозговых центров» США по трансформации миропорядка

На первом этапе установления нового мирового порядка во время Первой мировой войны США реализовали проект «*Расследование*», ставший предшественником Совета по международным отношениям. Он был создан в сентябре 1917 г. в целях реализации программы послевоенного переустройства мира и подготовки материалов к Парижской мирной конференции. По инициативе советника президента США Э. Хауса (в последующем он возглавил Совет) была сформирована исследовательская группа «*Расследование*» в количестве 150 человек. Члены проекта «*Расследование*» приняли участие в Парижской мирной конференции в 1919–1920 гг. в составе американской делегации и координировали ее работу.

Концептуальные разработки этого проекта легли в основу Версальского мирного договора 1919 г., обеспечили идеологическую основу *доктрины Вильсона* (доктрина универсализма) и обусловили возникновение международного движения «интернационалистов» (Движение за мировое правительство). Американская программа послевоенного переустройства мира, известная как Четырнадцать пунктов Вильсона и озвученная президентом США в обращении к конгрессу 8 января 1918 г., также была разработана в рамках проекта «*Расследование*». Четырнадцатым пунктом программы предлагалось

создание «общей ассоциации наций» (Лиги Наций) [13]. Устав Лиги Наций, Часть I Версальского мирного договора были разработаны лидерами «большой тройки» (США, Великобритания и Франция) [8].

В октябре 1918 г. проект «Расследование» разработал секретное приложение к Четырнадцати пунктам под названием «Официальный американский комментарий» [9; 13]. В документе ставилась цель послевоенного раздела Российской империи на ряд суверенных государств. Планировалось провозглашение независимости государств Балтии, Украины, государств Средней Азии и Кавказа, которые затем должны были оказаться под протекторатом США. Сибирь, например, рассматривалась как подконтрольная США сфера, а Европейскую часть России предполагалось разделить на три части. С тех пор намерение Запада разделить Россию на Европейскую Россию, Западную Сибирь и Дальний Восток для установления «международного контроля» над ресурсами является основополагающим постулатом в парадигме нового мирового порядка. На современном этапе такая идея активно продвигается в трудах З. Бжезинского [1, с. 239–240].

На втором этапе установления нового мирового порядка во время Второй мировой войны проектная деятельность Совета по международным отношениям была сфокусирована на формировании наднациональной системы. С этой целью на протяжении шести лет (с 1939 по 1945 гг.) Совет осуществлял реализацию *Проекта «Исследования войны и мира»* [12]. Данный проект консультировал правительство США по вопросам реализации американской политики во время Второй мировой войны и сразу после ее окончания. Как отмечает П. Гросс, «члены Совета предложили осторожное предприятие, напоминающее [проект] «Расследование»: программу независимого анализа и исследований, которая будет направлять американскую внешнюю политику в предстоящие годы войны и в период амбициозного *нового мира, который возникнет после нее* (курсив наш – А.П.)» [6, р. 23]. Проект предложил Госдепартаменту США провести долгосрочные внешнеполитические исследования по следующим направлениям: политические вопросы; финансово-экономические вопросы; проблемы безопасности и вооружений; территориальные вопросы. После согласования с госдепартаментом Совет организовал функциональные рабочие группы экспертов для исследовательской работы по обозначенным направлениям. В 1942 г. к ним было добавлено пятое направление – проблемы мира. В состав проекта вошли более 100 человек. Финансирование проектных разработок осуществлялось за счет средств Фонда Рокфеллера, Фонда Карнеги, Фонда Форда и др. [2; 12].

В рамках проекта «Исследования войны и мира» состоялись 362 встречи рабочих групп, были подготовлены 682 меморандума конфиденциального характера для госдепартамента. Известный советский дипломат и ученый-международник Р. Овинников пишет: «В среднем получалось 115 меморандумов в год. Тематика меморандумов далеко не всегда отвечала конкретным заказам госдепартамента. Зачастую ее подбирал сам совет. Он считал полезным заранее просветить правительство по тому или иному вопросу, открыть ему глаза на новую проблему. К тому времени штат госдепартамента стал во многом неотличим от состава экспертов и членов СМО – они перемешались» [2].

Работа проекта «Исследования войны и мира», как показано выше, основывалась на деятельности рабочих групп. Еще до вступления США во Вторую мировую войну Рабочая группа по финансово-экономическим вопросам подготовила меморандум «Влияние войны на внешнюю торговлю Соединенных Штатов» (март 1940 г.). Группа по вопросам безопасности и вооружений, возглавляемая А. Даллесом, убеждала в необходимости разместить американские оккупационные войска в побежденной Германии. Группа по территориальным вопросам, возглавляемая И. Боуманом, настаивала на проведении политики «открытых дверей» по отношению к Китаю. 17 марта 1940 г. данная группа подготовила меморандум «Стратегическая важность Гренландии». В до-

кументе предлагалась послевоенная геополитическая экспансия США. В частности, планировалось включение Гренландии в сферу действия доктрины Монро, а также размещение на этой территории американских военных баз [6].

Как уже отмечалось, члены Совета по международным отношениям (проекты «Расследование» и «Исследования войны и мира») приняли участие в работе *послевоенных мирных конференций*, важным итогом которых стало создание Лиги Наций и ООН. В 1944 г. члены группы по политическим вопросам проекта «Исследования войны и мира» приняли участие в международной экономической конференции в Думбартон-Оксе. В 1945 г. представители этой группы (43 члена Совета) совместно с членами Королевского института международных отношений *приняли участие в учреждении ООН* на Сан-Францисской конференции [6]. Данные факты свидетельствуют о согласованной деятельности «англо-американского истеблишмента» по созданию системы глобального управления.

На третьем этапе установления нового мирового порядка в период холодной войны и после ее окончания внешнеполитические круги США реализовали «Проект моделей мирового порядка», «Проект 1980-х», «Проект для нового американского столетия» и др. Данные проекты были направлены на продвижение «глобальных ценностей» и закрепление гегемонии США в мире. Значительное внимание в их разработках уделялось трансформации концепции национального суверенитета в целях десоверенизации государств и затем создания наднациональной системы управления.

«Проект моделей мирового порядка» осуществлялся под руководством Совета по международным отношениям начиная с 1968 г. С целью переустройства международной системы предлагалось, в первую очередь, трансформировать образовательные системы государств, а также общепринятые механизмы обеспечения национальной безопасности. Кроме того планировалось учредить институт международной полиции для разрешения споров и, в конечном итоге, установить координирующий орган для обеспечения единой структуры глобального управления (мировое правительство). Проект носил транснациональный характер. Об этом свидетельствует вовлечение в его деятельность максимально широкого спектра участников: международных институтов, крупных ученых, региональных соглашений, национальных государств, наднациональных общественно-политических движений, местных сообществ и индивидов [7]. С начала 1990-х гг. проект разработал различные концепции моделей миропорядка, сценарии реализации переходных стратегий к таким моделям, а также их хронологические рамки.

В рамках «Проекта моделей мирового порядка» были разработаны академические программы и методические рекомендации, которые послужили основой курса глобалистики. В частности, посредством «Транснациональной академической программы» были подготовлены аналитические и образовательные материалы, вошедшие в учебный курс американских университетов, – «Мир и исследования мирового порядка». Таким образом, проектная деятельность Совета по международным отношениям способствовала развитию *Движения за мир через образование* – одного из течений глобального общественно-политического «Движения за мировое правительство».

Примечательно, что проект оказал влияние и на советское руководство, в частности, М.С. Горбачева, взаимодействие с которым было установлено через Г. Герасимова – пресс-секретаря Горбачева и пресс-секретаря МИД СССР. А. Дуган подчеркивает, что Г. Герасимов был вхож в среду академической интеллигенции и средств массовой информации и поэтому являлся «сильным дополнением» для проекта [3]. После распада СССР члены проекта вышли из состава Института мировой политики.

Крупный американский ученый Р. Фалк пишет, что «Проект моделей мирового порядка» повлиял на развитие мировых событий на протяжении последних двадцати пяти лет [5, р. 3]. Для реализации проекта были приглашены всемирно известные уче-

ные. В своих трудах, подготовленных на первом этапе проекта, они предлагали идеи и «вероятные утопии» для будущего. На втором этапе проект должен был разработать серию предложений и практических рекомендаций для того, чтобы «спроецировать предпочтительные миры для 1990-х (курсив наш – А.П.)» [4, р. 184]. По мнению Фалка, некоторые из опубликованных трудов проекта даже сегодня являются значимыми с практической точки зрения, так как «они проецируют предпочтительные модели будущего для 2030-х годов» [4, р. 184].

«Проект 1980-х» был разработан в начале 1970-х гг. Его разработчики планировали, что выводы и рекомендации проекта создадут основу для реализации политики США в мире на 10–15 лет вперед. Для этого было подготовлено более 80 научно-прикладных исследований, проводимых по проблемному принципу. Однако к открытой публикации были представлены только 25 работ. Посредством публикаций ставилась задача «сфокусировать мышление научных и официальных кругов» [2]. Многие из участников проекта в последующем заняли руководящие должности в правительстве США: «В январе 1977 года, после инаугурации Президента Картера ...всех руководящих лиц проекта перевели в Вашингтон, округ Колумбия, в состав членов кабинета администрации Картера» [14]. З. Бжезинский, член руководящего органа проекта, Комитета по исследованиям, был назначен советником президента США по национальной безопасности (1977–1981). Таким образом, американские «мозговые центры» играют важную роль в подготовке кадров для политического истеблишмента США.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что американские «фабрики мысли» осуществляют *проектирование системы мироустройства*, в особенности по итогам международных конфликтов. Проекты «Расследование» и «Изучение войны и мира», как показано выше, закрепили политико-правовые, концептуальные и методологические основы системы глобального управления, установленной по итогам Первой мировой войны и Второй мировой войны (Лига Наций и ООН). В рамках «Проекта 1980-х» были разработаны сценарии развития международных событий в период после окончания холодной войны. Продвигалась идея институционализации мирового правительства. После распада СССР данная идея активно реализуется в рамках проектной деятельности «мозговых центров» США.

«Проект для нового американского столетия» был основан в 1997 г. У. Кристолом и Р. Каганом как «некоммерческая образовательная организация, цель которой заключается в содействии американскому глобальному лидерству» [11]. Идея учреждения Проекта зародилась еще в 1992 г. в Пентагоне. Основной его целью являлась разработка ближневосточного вектора стратегии США и, в частности, подготовка и идеологическое обеспечение американской интервенции в Ирак в 2003 г. После интервенции США в Ирак «Проект для нового американского столетия» прекратил свою работу. Документы и сайт проекта были удалены из сети Интернет. Однако учредители Проекта У. Кристол и Р. Каган продолжили проектную деятельность. В 2009 г. ими был создан неоконсервативный «мозговой центр» – «Внешнеполитическая инициатива» как продолжение «Проекта для нового американского столетия».

В настоящее время Совет по международным отношениям осуществляет проектные разработки, направленные на дальнейшее продвижение парадигмы нового мирового порядка. Под прикрытием демократической идеологии и концепции «глобального управления» реализуется доктрина мирового правительства. В 2000 г. в рамках Программы исследований имени Дэвида Рокфеллера был учрежден проект «Исследовательская группа по новому мировому порядку» [10]. Группа работала над проектом с 1 июля 2000 г. по 30 июня 2004 г. С 1 мая 2008 г. Совет реализовал пятилетнюю «Программу международных институтов и глобального управления» (МИГУ). Данная программа также выполнялась за счет ресурсов Программы исследований имени Д. Рокфеллера.

Заклучение

Как показало многолетнее исследование, парадигма нового мирового порядка является многогранным феноменом. Одной из сторон его является «мировое правительство» как система сетевого взаимодействия организаций транснациональных элит, участвующих в продвижении «либеральной» матрицы глобального управления. С другой стороны, названный феномен представляет собой глобальный исторический и геополитический проект. Целью его реализации является установление тотального контроля над развитием человеческой цивилизации. Данный проект реализуется в мировом масштабе. Поэтому многие глобальные процессы, в том числе современный процесс институционализации мирового правительства, имеют проектный (управляемый) характер.

В условиях расширения глобального хаоса необходимо формирование и реализация государственной стратегии, основанной на национальной идее. Определение национальной идеи – ключевого элемента в системе информационной безопасности – возможно только на основании мировоззренческих образов, которые смогут консолидировать общество перед лицом настоящих и будущих вызовов, а не раскалывать его в соответствии с принципом «разделяй и властвуй». Реализация национальной идеи требует создания мощного экономического и военно-политического фундамента в процессе евразийской интеграции. Только справедливая и всеобъемлющая национальная идея, синергия «белорусской мечты», «русской мечты», «украинской мечты» позволит сохранить независимый путь развития и не допустить попадания Беларуси, России, Украины в «кольца анаконды».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 254 с.
2. Овинников, Р. С. Уолл-стрит и внешняя политика [Электронный ресурс] / Р. С. Овинников // Site-kommutator.narod.ru. 1980. – Режим доступа: <http://site-kommutator.narod.ru/omer/smo.htm>. – Дата доступа: 09.08.2016.
3. Dugan, A. The world order models project: WPI history. Part III [Electronic resource] / A. Dugan // The World Policy Institute. – Mode of access: <http://www.worldpolicy.org/blog/2012/03/07/world-order-models-project>. – Date of access: 03.06.2015.
4. Falk, R. A. Re-imagining human global governance / R. A. Falk. – London : Routledge, 2013. – 208 p.
5. Falk, R. A. The Constitutional Foundations of World Peace / R. A. Falk, R. C. Johansen, S. S. Kim. – Albany : State University of New York Press, 1993. – 388 p.
6. Grosse, P. Continuing the inquiry. The Council on Foreign Relations from 1921 to 1996 [Electronic resource] / P. Grosse // Council on Foreign Relations. – Mode of access: <http://www.cfr.org/history-and-theory-of-international-relations/continuing-inquiry/p108>. – Date of access: 03.06.2015.
7. Maessen, J. Legitimizing global tyranny – moving towards world government [Electronic resource] / J. Maessen // Global Research: Center for Research on Globalization. – Mode of access: <http://www.globalresearch.ca/legitimizing-global-tyranny-moving-towards-world-government/30961>. – Date of access: 05.06.2015.
8. Milestones: 1914–1920: the League of Nations, 1920 [Electronic resource] // U.S. Department of State, Office of the Historian. – Mode of access: <https://history.state.gov/milestones/1914-1920/league>. – Date of access: 08.06.2015.
9. Official American commentary on the Fourteen points [Electronic resource] // The intimate papers of Colonel House [Electronic resource] : in 4 vol. / ed. C. Seymour. –

Boston ; New York, 1928. – Vol. 4. – Mode of access: http://archive.org/stream/intimatepapersof007804mbp/intimatepapersof007804mbp_djvu.txt. – Date of access: 08.06.2015.

10. Study group on new world order [Electronic resource] : July 1, 2000 // Council on Foreign Relations. – Mode of access: <http://www.cfr.org/projects/world/study-group-on-new-world-order/pr286>. – Date of access: 11.06.2015.

11. The Project for the New American Century [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.newamericancentury.org/lettersstatements.htm>. – Date of access: 30.10.2003.

12. The war and peace studies of the Council on foreign relations, 1939–1945 / Council on Foreign Relations. – New York : The Harold Pratt House, 1946. – 48 p.

13. Wilson, W. President Woodrow Wilson's 14 Points (1918) [Electronic resource] / W. Wilson // Our Documents. – Mode of access: <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=true&doc=62>. – Date of access: 09.06.2015.

14. Zoakos, C. A conspiracy of morons: the CFR Project 1980s [Electronic resource] / C. Zoakos // Execut. Intelligence Rev. – 1979. – Vol. 6, № 9. – Mode of access: <http://www.larouchepub.com/eiw/public/1979/eirv06n19-19790515/index.html>. – Date of access: 11.06.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.09.2016

Plashchinsky A.A. Projecting the New World Order Paradigm: in Search of a National Idea

The article deals with the process of projecting the new world order paradigm in the framework of the activity of U.S. think tanks. It discovers their influence on world's transformation in the aftermaths of World War I, World War II and The Cold War. It also views some of the modern geopolitical projects of the U.S., which have been aimed at the promotion of the «liberal» matrix of global governance. Thus, it justifies the necessity of identifying the national idea to shape a balanced system of world order.

УДК 338.1:001.895 (1-67 ЕАЭС)

Г.М. Бровка*канд. пед. наук, доц., доц. каф. таможенного дела
Белорусского национального технического университета***СТРАТЕГИЯ ИННОВАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ ЕАЭС**

Стратегическая цель устойчивого развития государств Евразийского экономического союза – это обеспечение высоких жизненных стандартов населения и условий для гармоничного развития личности на основе перехода к высокоэффективной экономике, базирующейся на знаниях и инновациях. Успешное решение стратегических задач ускорения экономического и социального развития напрямую зависит от эффективности процессов трансформации научных знаний в инновации и их коммерциализации, от степени инновационной восприимчивости основных отраслей хозяйственных комплексов государств, а также от ориентированности на мировые тенденции в инновационной сфере при обязательном учете собственных особенностей, национальных интересов и при обеспечении инновационной безопасности.

На современном этапе развития мирового сообщества продолжается расширение существующих мощнейших интеграционных экономических объединений на региональном и континентальном уровнях. Данный процесс глобализации приводит к открытию новых рынков, снижению налогов, устранению таможенных барьеров, либерализации перемещения капитала и трудовых ресурсов. Это позволяет получать дополнительные выгоды от свободного международного обмена, обеспечивать устойчивость и рост национальных экономик [1]. Другой ключевой характеристикой современного этапа развития мировой экономики является определяющая роль научно-технического прогресса и инноваций в формировании конкурентоспособности, обусловленная ускорением внедрения научных достижений, новой техники и технологий.

Нельзя не отметить, что инновационное развитие экономической системы становится причинным фактором модернизации, которая приводит к качественно новому состоянию системы, являющемуся результатом всеобщего инвестиционно-инновационного процесса. Как следствие, для государств – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС): Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан, Армении и Кыргызстана – ключевым направлением повышения конкурентоспособности, а также своевременной реакцией на вызовы, обусловленные тенденциями развития мировой экономики, является модернизация национальной экономики.

Под модернизацией нами понимаются качественные изменения в хозяйстве на основе внедрения новых технологий производства и управления, приводящие к повышению эффективности экономики страны, ее конкурентоспособности на внутреннем и мировом рынках, устойчивости к внутренним и внешним шокам [2]. Характер модернизации национальной экономики неразрывно связан с ее инновационным потенциалом, способностью общества, бизнеса и власти воспринимать, создавать и распространять нововведения, повышающие конкурентоспособность страны. Согласно национальным программам модернизации государств Евразийского экономического союза, этого можно достичь за счет перехода к инновационной модели развития и новой диверсификации экономики.

Инновационная экономика (экономика знаний) – экономика, где основными факторами развития являются знания и человеческий капитал. Процесс развития такой экономики заключен в повышении качества человеческого капитала, в повышении качества жизни, в производстве знаний высоких технологий, инноваций и высококачественных услуг [3]. Поэтому на сегодняшний день вопрос перехода к инновационному развитию активно обсуждается на государственном уровне в странах – членах ЕАЭС как основное и приоритетное направление развития национальных экономик.

Рассматривая построение инновационной экономики на примере Республики Беларусь, отметим, что и для других государств-участников выбор приоритетных направлений и модели развития является актуальным.

Национальные интересы Республики Беларусь охватывают все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, тесно взаимосвязаны и являются концептуальными ориентирами для ее долгосрочного развития. Стратегическими национальными интересами являются: обеспечение независимости, территориальной целостности, суверенитета, незыблемости конституционного строя; устойчивое экономическое развитие и высокая конкурентоспособность белорусской экономики; достижение высокого уровня и качества жизни граждан.

Очевидно, что понятие национальный интерес и понятие национальная безопасность неразрывно связаны между собой. Национальная безопасность – это защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внешних и внутренних угроз, обеспечивающая устойчивое развитие страны [4]. Под инновационной безопасностью мы понимаем способность социально-экономической системы государства сохранять устойчивое состояние и обеспечивать инновационное развитие в условиях внешнего и внутреннего негативного воздействия [5].

ЕАЭС создано для эффективного продвижения процесса формирования таможенного союза и единого экономического пространства, координации действий государств-членов при интеграции в мировую экономику и международную торговую систему. Один из главных векторов деятельности организации – обеспечение динамичного развития стран ЕАЭС путем согласования социально-экономических преобразований, активного внедрения достижений научно-технического прогресса в производство, развития и интеграции образования и науки стран-участниц при эффективном использовании их экономических потенциалов в интересах повышения уровня жизни народов.

В число основных задач ЕАЭС при обеспечении национальных интересов входит:

- 1) завершение оформления в полном объеме свободной торговли, формирование общего таможенного тарифа и единой системы мер нетарифного регулирования;
- 2) обеспечение свободы движения капитала, формирование общего финансового рынка, согласование принципов и условий перехода на единую валюту, установление общих правил торговли товарами и услугами и их доступа на внутренние рынки;
- 3) создание общей унифицированной системы таможенного регулирования;
- 4) разработка и реализация межгосударственных целевых программ;
- 5) создание равных условий для производственной и предпринимательской деятельности;
- 6) формирование общего рынка транспортных услуг, единой транспортной системы, формирование общего энергетического рынка, обеспечение инновационного развития государств-участников;
- 7) создание равных условий для доступа иностранных инвестиций;
- 8) предоставление гражданам государств ЕАЭС равных прав в получении образования и медицинской помощи на всей его территории;
- 9) сближение и гармонизация национальных законодательств, обеспечение взаимодействия правовых систем государств ЕАЭС с целью создания общего правового пространства и др.

В этой связи основные направления совершенствования государственного управления Беларуси предусматривают: формирование национальной инновационной системы; создание благоприятных условий для развития предпринимательской инициативы и увеличения притока инвестиций в экономику; развитие государственно-частного партнерства в целях обеспечения устойчивости государственной финансовой систе-

мы; расширение самостоятельности и ответственности региональных и местных органов управления в решении социально-экономических проблем [6].

Следует отметить, что действующая государственная система управления экономикой и сам государственно-хозяйственный механизм, которые характеризуются слабостью мотивационных стимулов к внедрению инноваций, сложностью регулирования отношений собственности на интеллектуальные объекты и забюрократизированностью процессов принятия решений, не позволяют эффективно воплощать научно-технические достижения в производство товаров массового спроса и внедрять прорывные технологии [2]. Поэтому для обеспечения полноценной модернизации национальной экономики, формирования конкурентной среды и материальных стимулов развития необходимо совершенствование ее институциональной системы.

Таким образом, нынешняя роль государства в экономике в качестве производителя товаров и услуг должна трансформироваться в регулятор процессов ее модернизации по следующим основным направлениям [7]:

1. *Изменение отраслевой структуры ВВП в направлении роста удельного веса сферы услуг.* Сфера услуг играет важнейшую роль в построении эффективной нересурсоемкой инновационной экономики и повышении общей производительности труда. Развитие торговли услугами во многих странах мира способствовало модернизации экономики.

2. *Трансформация структуры собственности.* Увеличение доли негосударственной формы собственности является важнейшим направлением повышения эффективности функционирования экономики в целом, поскольку развитие предпринимательства позволит, с одной стороны, абсорбировать избыточную занятость на крупных государственных предприятиях, а с другой – задействовать резервы частной инициативы.

3. *Построение экспортно-ориентированной экономики.* Важным для Республики Беларусь является обеспечение роста экспорта товаров и услуг на уровне не ниже запланированного в прогнозных документах. Не менее 65% произведенной продукции должно быть экспортировано; это тот индикатор, который был определен базовым на 2013 год, и он не теряет своей актуальности в настоящее время [8].

4. *Привлечение прямых иностранных инвестиций и вхождение в производственно-сбытовые цепочки ТНК.* Интеграция национальных предприятий в глобальные производственно-сбытовые цепочки ТНК и связанное с ними привлечение прямых иностранных инвестиций, несущих в себе новые технологии для инновационной модернизации национальной экономики (обновление производственно-технологического аппарата, доступ к сбытовым сетям, менеджмент и т.д.), является мощным фактором роста конкурентоспособности и экспортного потенциала страны.

5. *Формирование дорожной карты инновационного развития.* Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. показатель «Внутренние затраты на научные исследования и разработки» в 2015 г. был запланирован на уровне 2,5–2,9% ВВП. Это среднемировой уровень. Согласно оценочным данным, в 2012 г. уровень наукоемкости ВВП составил около 1%, в том числе за счет средств республиканского бюджета – 0,6–0,7% [8].

Улучшить ситуацию в данной сфере предлагается за счет следующих мер:

- 1) соблюдение технологической дисциплины инновационных производств;
- 2) расширение внебюджетных источников финансирования;
- 3) широкое использование венчурных и инновационных фондов;
- 4) формирование рынка научно-технической продукции;
- 5) расширение экспорта объектов интеллектуальной собственности;
- 6) развитие инновационной инфраструктуры.

6. *Повышение энергоэффективности национальной экономики.* Одним из приоритетных направлений модернизации экономики является повышение эффективности использования топливно-энергетических ресурсов. Экономия энергоресурсов с учетом имеющихся в настоящее время в рамках ЕАЭС преференциальных цен на нефть и природный газ является важнейшим источником высвобождения финансовых ресурсов в условиях их ограниченности для обновления производственных фондов [7].

7. *Совершенствование системы образования, науки и государственного управления.*

Также в рамках перехода к инновационной стадии экономического развития должен быть создан более совершенный интеллектуальный капитал, способный к проведению передовых исследований, внедрению новых технологий в производство, доведению их до высокого коммерческого результата и управлению тем технологическим потенциалом, который создает фундамент для стабильного развития национальной экономики.

Создание новой архитектуры системы государственного управления обусловлено, во-первых, необходимостью формирования качественно нового субъекта государственного управления; во-вторых, изменением институциональной среды его функционирования; в-третьих, повышением эффективности взаимодействия органов государственного управления с обществом, бизнесом и системой управления в условиях инновационного развития экономики.

Таким образом, Беларусь в своем экономическом развитии должна соблюдать баланс национальных интересов и возможностей, предоставляемых при участии в проекте ЕАЭС.

Важнейшим видится достижение равных условий для субъектов хозяйствования стран-членов, а также защита общих интересов. Достигнуть этого будет достаточно трудно: каждая страна стремится обеспечивать свою национальную безопасность, которая диктует развитие экономики на принципах самообеспечения. Как следствие, создание внутренней (в рамках ЕАЭС) конкуренции, что ослабляет позиции стран на внешнем рынке. Требуется консолидация и выработка взаимоприемлемой стратегии. Только в таком случае возможно построение полнокровного Евразийского экономического союза как ступени экономической интеграции и полноценного субъекта мирового хозяйства [9].

В качестве обобщающих выводов следует отметить следующее.

1. Альтернативы инновационному развитию у государств Евразийского экономического союза нет.

2. Формирование инновационной экономики и обеспечение инновационной безопасности с учетом процессов глобализации возможно только при партнерстве государства и бизнеса, структурных реформах, идущих одновременно с широкой модернизацией хозяйства, всеобщей нацеленностью на результат.

3. Экономическая интеграция в современных условиях – это необходимое условие для обеспечения национальной безопасности и повышения конкурентоспособности национальных экономик, поиска новых деловых партнеров, привлечения инвестиций и реализации совместных проектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дайнеко, А. Е. Функционирование экономики Республики Беларусь в системе Единого экономического пространства: проблемы и пути их совершенствования / А. Е. Дайнеко. – Минск : Амалфея, 2012. – 144 с.

2. Шаховская, Л. С. Мировая экономика и международные экономические отношения : учеб. пособие / Л. С. Шаховская. – М. : КНОРУС, 2013. – 253 с.

3. Перспективы инновационного развития Республики Беларусь : сб. науч. ст. III Междунар. науч. конф., Брест, 26–28 мая 2012 г. / Брест. гос. тех. ун-т ; редкол.: А. М. Омелянюк (отв. ред.) [и др.]. – Брест : Изд-во БрГТУ, 2012. – 336 с.
4. Об утверждении Концепции национальной безопасности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // М-во обороны Респ. Беларусь. Военный информационный портал. – Режим доступа: http://www.mil.by/ru/military_policy/koncept/. – Дата доступа: 30.09.2015.
5. Бровка, Г. М. Энергетическая и инновационная безопасность в системе национальной безопасности государства / Г. М. Бровка // Надёжность и безопасность энергетики. – 2015. – № 4(31). – С. 14–19.
6. Новые подходы к государственному регулированию экономики в условиях формирования Единого экономического пространства [Электронный ресурс] // НАН Беларуси. – 2014. – Режим доступа: <http://nasb.gov.by/rus/>. – Дата доступа: 25.04.2014.
7. Шевченко, И. В. Инновационные аспекты конкурентоспособности национальной экономики / И. В. Шевченко, А. В. Брижань, В. Маровгулов ; под ред. И. В. Шевченко. – Ростов н/Д : СКАГС, 2011. – 136 с.
8. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 апр. 2011 г., № 136. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/macroeconomy/programma_soc_econom_gazvitia. – Дата доступа: 10.02.2014.
9. Кухаренко, В. Б. Переход от Единого экономического пространства к Евразийскому экономическому союзу / В. Б. Кухаренко // Безопасность Евразии. – 2013. – № 9. – С. 44.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.10.2016

Brovka G.M. Strategy of Innovation Security of EAEC States

The strategic target of a sustainable development of the states of the Euroasian economic union is a maintenance of high vital standards of the population and conditions for harmonious development of the person based on transition to the highly effective economy, which is based on knowledge and innovations. The successful decision of strategic problems of acceleration of economic and social development, directly depends on efficiency of processes of transformation of scientific knowledge in innovation and their commercialization, from the degree of an innovative susceptibility of basic branches of economic complexes of the states, and also orient on world tendencies in innovative sphere at the obligatory account of own features, national interests and maintenance of innovative safety.

УДК 930 (476)+357.71

Э.Н. Северин

*ст. преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В процессе развития политической теории и практики прав человека одним из этапов является интернационализация – этап оформления и международного признания теории прав человека и установления международных стандартов в данной области. В статье показывается, что в рамках современной политической теории для обоснования прав человека приводятся различные, частично исключаящие друг друга модели. При этом более поздние теории соответствуют предшествующим, теоретические конструкты исходят из политического опыта и наоборот. На основе этого они совершенствуются и как политические теории, и как теории права. По мнению автора, в рамках интернационализации прав человека в политической науке сформировались три основных подхода к пониманию феномена: нормативистский, ценностный и универсальный.

Введение

После Второй мировой войны изучение прав человека стало неотъемлемой частью не только права, но и политической науки. Во второй половине XX в. большинством как зарубежных, так и отечественных ученых и аналитиков признается тот факт, что любой политический анализ взаимоотношений человека и государства невозможен без учета всей совокупности проблем прав человека. «Более того, в последние годы международное сообщество возвело права человека на такой уровень важности в ООН, который раньше имели только вопросы мира, безопасности и развития. Одновременно никакая другая тема не является в настоящий момент настолько разделяющей для мирового сообщества, как права человека» [1, с. 3].

Принятие ООН основополагающих документов в области прав человека ознаменовало начало процесса интернационализации прав и свобод человека в политической теории и практике. Политический институт прав человека стал стандартом политики, свидетельствующим о реальном уровне реализации универсальных норм в конкретном государстве, регионе, мировом сообществе. Во второй половине XX в. создаются междисциплинарные центры по исследованию прав человека (Институт по изучению прав человека при Лондонской школе экономики и политических наук, Институт прав человека и гуманитарного права имени Рауля Валленберга, Страсбургский институт прав человека, Моргановский институт прав человека при муниципальном университете города Цинциннати, Львовская лаборатория прав человека и гражданина и др.). В 1994 г. на основе соглашения между ЮНЕСКО и Белорусским государственным университетом на базе кафедры международного права факультета международных отношений была создана кафедра ЮНЕСКО.

Несмотря на возросшую значимость сферы прав человека, положение в мире с их обеспечением остаётся сложным. «Уровень полного выполнения стандартов не достигнут до настоящего времени ни одной державой, несмотря на то, что для большинства из них разговор идёт о принятых на себя международных обязательствах. Кроме того, ещё существуют традиции, культуры, религии, идеологии, где темы прав человека приживаются тяжело» [2, с. 86]. Сформировавшиеся в XIX в. основные концептуальные подходы подверглись определённой модернизации как на региональном, так и на национальном уровнях. Исходя из вышесказанного, основные концепции прав человека можно разделить на классические (основанные на естественно-правовой концепции, универсальном, всеобщем, врождённом, неотчуждаемом характере прав человека и при-

оритете прав человека над интересами государства) и модернизированные (представляют собой различные варианты универсалистских, релятивистских, позитивистских и других подходов).

Классические концепции

В XX–XXI вв. одной из основных тенденций развития прав человека является глобальная универсализация. Методологической основой современной универсалистской концепции прав человека стала естественно-правовая теория в её либеральной трактовке. Данный подход закреплён в основных документах ООН: Всеобщей Декларации прав человека, в Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и др. Универсализм предполагает возможность использования в мировом масштабе единой концепции прав человека, носящей всеобщий и универсальный характер.

Видным сторонником данного направления является профессор Колумбийского университета Л. Хенкин. Он подчёркивает веру во всемогущество прав человека, поднимая их почти к мифическим библейским высотам. Согласно ему, идее универсальности прав человека должно отводиться приоритетное место среди всех прочих идей. Американский учёный рассматривает права человека как связующее звено международной политики. В своей работе «Время прав» он отмечает: «Права человека – предмет многочисленных международных соглашений, ежедневное зерно для мельницы международной политики и основа для продолжающегося укрепления супердержав в тот же момент» [3, с. 138]. Хенкин отклоняет требования культурного релятивизма или многонационального подхода к созданию прав человека. Он обвиняет тех, кто защищает культурное и идеологическое разнообразие в создании свода прав человека исходя лишь из желания получить широкое и размытое определение прав человека. Учёный называет такой подход изначально обречённым на провал, так как он позволяет различным обществам трактовать тексты прав человека как им вздумается. Вместо этого он обращается ко Всеобщей декларации прав человека, которую он принимает как «Конституцию прав человека». По мнению приверженцев конституционализма, политическое общество должно быть основано на народном суверенитете; правительство государства должно быть конституционно обязано нести ответственность перед населением посредством различных процессов, таких как периодические выборы; правительство ограничено в его полномочиях через систему сдержек и противовесов, разделение полномочий; декларация отдельных гражданских и политических прав – обязательный аспект государства. Конституционалисты признают превосходство первого поколения прав человека, видят трудности непосредственной реализации экономических, социальных и культурных прав и предпочитают более взвешенный подход, который позволит принять во внимание культурные, исторические, религиозные и другие расхождения. По существу, они сочетают конституционное закрепление прав человека с философским и политическим анализом данной проблемы. Американский учёный Г. Штайнер констатирует: «Всё большее число государств берёт для себя в качестве необходимого минимума политические и гражданские права. Этот минимум никогда не должен быть меньше, чем необходимо для полноценного участия индивида в решениях по неограниченному кругу вопросов. Но этот минимум может быть существенно расширен» [4, с. 123].

Сторонником «широкой» концепции прав человека, которая включает в себя наряду с гражданскими и политическими правами экономические, социальные, культурные и коллективные права, является профессор Нью-Йоркского университета Ф. Алстон. «Содержательность цели прав человека возвышает её над “званиями” других конкурирующих социальных целей, даёт ей определённый иммунитет от изменений и вообще придаёт ей ауру вечности, абсолютности и универсальности» [5, с. 33]. Алстон

во многом способствовал легализации прав второго и третьего поколений. Данный подход, базирующийся на логике структуры и содержания международных нормативно-правовых актов в области прав человека, поддерживают такие белорусские политологи, как Ю.И. Малевич, В.А. Мельник, В.А. Бажанов, С.И. Симановский и др. «Права человека – это комплекс социальных, культурных, политических и экономических свойств, без которых мы не можем существовать как человеческие существа», – подчёркивает профессор И.И. Котляр [6, с. 9].

Профессор Гарвардского университета С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций» обосновывает цивилизационными различиями экономическое отставание одних цивилизаций и преобладание других. Учёный также указывает и на объективное несоответствие определённых цивилизаций такому политико-правовому феномену, как права человека, характерному в большей степени западному обществу и христианскому мировоззрению. Хантингтон определяет взаимосвязь восточно-христианской и западно-христианской цивилизаций; таким образом, он определяет возможность реализации «западных стандартов» прав человека в условиях восточно-христианской цивилизации. При этом учёный отрицает возможность воспроизведения подобной модели в рамках исламской и конфуцианской цивилизаций.

Другой не менее известный американский политолог Ф. Фукуяма опровергает такое мнение, утверждая, «что как в теории, так и на практике язык прав стал в современном мире единственным общим и широко понимаемым, который у нас есть для разговора о благах и целях, которые составляют предмет политики» [7, с. 155]. Учёный призывает вернуться к естественно-правовому источнику прав человека, выступая с жёсткой критикой теологического и позитивистского подходов. «Моя точка зрения состоит в том, что привычное понимание натуралистического заблуждения само по себе есть заблуждение, и потому философии отчаянно необходимо вернуться к докантианской традиции, которая корни морали видит в природе», – утверждает Фукуяма [7, с. 157]. Мыслитель исходит из того, что невозможно достичь политического консенсуса в вопросах, в которых замешана религия, нет и не может быть позитивного права, которое при этом будет ещё и всеобщим, т.е. не может быть одинакового восприятия прав человека представителями различных политических сообществ и цивилизаций.

Многообразие культур не исключает, а предполагает универсальность прав человека как «общечеловеческой ценности». За последнее столетие проблема прав человека превратилась в краеугольный камень мировой политики, меж- и внутригосударственных отношений. «Из простейшего права на выживание в вооружённых конфликтах права человека за этот период трансформировались в целую многоуровневую систему, признанную мировым сообществом. Однако ничто в нашем мире не бывает статичным, и универсальная (как казалось, совершенная) концепция прав человека ООН перестала отвечать требованиям, к ней предъявляемым» [8, с. 363].

Белорусский учёный профессор Ю.И. Малевич в своих работах обосновывает значимость интерцивилизационного (межцивилизационного, взаимокультурного) подхода для успешной реализации концепции универсализма прав человека в процессе глобализации мировой политики. «Важнейшим элементом интерцивилизационного и информационного подходов является поиск методов адекватного осмысления достижений местных культур, религий и этик с целью идентификации возможных общих основ прав человека» [9, с. 25]. Интерцивилизационный подход предполагает сбалансированное сочетание ценностей мировых цивилизаций для формирования основ современной концепции прав человека. По мнению учёного, «без интерцивилизационного подхода человечество может оказаться на пороге непоправимых глобальных ошибок в формировании концепции прав человека нового века» [10].

Модернизированные концепции

Двуполярность мира, возникшая после Второй мировой войны, породила две доктрины прав человека: западную и советскую. В основе советской концепции прав человека лежала марксистско-ленинская идеология. В отличие от западных общественных наук марксизм-ленинизм подчёркивает, что «главные условия свободы заключаются в её экономических, социальных и культурных гарантиях» [11, с. 99]. Таким образом, советская концепция прав человека базируется на следующих постулатах:

- 1) методологическая и идеологическая основа – марксизм-ленинизм;
- 2) пролетарская солидарность;
- 3) приоритет экономических и социальных прав над гражданскими и политическими;
- 4) диалектическая взаимосвязь прав и обязанностей;
- 5) приоритет коллективного над индивидуальным (права индивида могут быть реализованы только через благополучие и защиту коллективного субъекта).

Позиция СССР на мировой арене по вопросу закрепления второго и третьего поколения прав человека способствовала их международному признанию и на сегодняшний день оказывает определяющее влияние на формирование незападных региональных и национальных доктрин прав человека.

Права человека стали важной частью теории профессора Гарвардского университета Дж. Роулза. Главным для его теории справедливости являлись принципы, структурирующие общество на основе справедливости и социального сотрудничества. В списке основополагающих политических ценностей Роулза – равенство, личная свобода, свобода смысла, свобода слова, свобода совести. «Справедливость как честность даёт ...сильные аргументы в пользу равной свободы совести. Я полагаю, что эти аргументы могут быть соответствующим образом обобщены для поддержки принципа равной свободы», – утверждает американский учёный [12, с. 53]. Политическую справедливость Роулз синонимизирует с понятием «справедливость конституции», а принцип равной свободы в применении к политическому процессу с принципом равного участия. В связи с этими доводами все граждане должны иметь равную возможность участвовать в конституционном процессе, т.е. в принятии законов, которым они в последующем должны подчиниться. «Сторонники теории Роулза продолжают развивать её положения, пытаясь доказать не только то, что свобода в принципе совместима с достаточно высокой степенью социального равенства, но и то, что она настоятельно требует его» [13, с. 60].

Концепция другого знаменитого профессора Гарварда Р. Нозика, отправной точкой которой была критика теории справедливости Роулза, основана на столь радикальном понимании прав человека в политической теории, что государству и его институтам там отводилась лишь та роль, которую им оставляют индивиды. Государство в этой доктрине было институтом с постоянно уменьшающимися полномочиями, которые сужались с расширением прав и свобод граждан. «Минимальное государство, – утверждает Р. Нозик, – обращается с нами как с неприкосновенными индивидами, которых другие люди не могут использовать в качестве инструмента, средства или ресурса; оно обращается с нами с почтением, которого мы заслуживаем как обладатели индивидуальных прав» [14, с. 406].

Профессор университета Нью-Йорка Р. Дворкин выступает с идеей примирения теорий Дж. Роулза и Р. Нозика. Он рассматривает права человека как инструмент борьбы индивидов с государством. Индивидуальные права, по мнению учёного, происходят из представлений о человеческом достоинстве или равенстве, находящихся в самом «ядре» общей для данного сообщества концепции справедливости. «Они оставляют каждому право на независимое моральное суждение, но сами опираются на политиче-

ские принципы, относящиеся ко всем. Конституционные права образуются на пересечении морального и юридического права, они состоят из моральных принципов, получивших статус юридических форм» [15, с. 67]. Индивидуальные права не являются результатом международного или национального нормотворчества, они имеют естественное происхождение. «Тезис о правах, – отмечает учёный, – имеет два аспекта. Дескриптивный аспект позволяет объяснить существующую структуру института судопроизводства. Нормативный аспект позволяет дать политическое обоснование данной структуры» [16, с. 174].

Модернизированные теории Дж. Р. Роулза и Р. Дворкина возродили либеральную доктрину прав и свобод, которая базируется на политических основаниях универсального принципа существования прав человека.

Вместе с тем следует отметить, что концепция универсальности прав человека не учитывает исторических, религиозных, культурных и региональных особенностей а потому не совсем органична для других культур и цивилизаций. В этой связи в противовес универсальной концепции сформировалась концепция культурного релятивизма, суть которой заключается в том, что человеческие ценности носят далеко не всеобщий характер и существенно варьируются в зависимости от различных культурных перспектив, т.е. права человека являются скорее относительными, чем всеобщими. Попытку разрешения отмеченной проблемы делают представители культурного релятивизма. У каждой культуры, полагают они, есть свое видение природы и жизни, своё мировоззрение и мироощущение. Релятивизм рассматривает человека как часть сообщества, которое видится им в качестве основной и приоритетной социальной единицы. «Человек как представитель того или иного сообщества не может объективно оценить систему моральных ценностей другого сообщества, поскольку его понимание существующей действительности как в материальных, так и в нематериальных формах сформировано культурой его местопребывания настолько, что она не в состоянии “чисто” воспринимать другие моральные ценности», – отмечает профессор Гарвардского университета М. Миноу [17]. Концепции индивидуализма, свободы выбора и равенства отсутствуют в релятивизме. Вместе с тем не только международные, но и региональные нормативно-правовые акты в области прав человека преимущественно исходят из принципа универсальности прав человека. Подтверждения этому можно обнаружить, например, в Преамбуле Африканской хартии прав человека и народов 1981 г., Преамбуле Американской конвенции по правам человека 1969 г., пункте 2 ст. 4 Арабской хартии прав человека 2008 г. и др. Таким образом, главным тезисом культурного релятивизма является отрицание существования универсальных стандартов прав человека, которые могли бы быть эффективным критерием, определяющим внутреннюю политику каждого государства.

В русле политического реализма может быть рассмотрен подход, разработанный профессором Принстонского университета Ч. Бейцем. Учёный отмечает, что к правам человека нужно относиться серьёзно, как к фактически существующим особенностям международной политики. При таком подходе права человека – это уникальные нормативные особенности международной политической практики. Бейц выдвигает двухуровневую модель природы прав человека относительно их значения. На первом уровне защита прав человека возлагается на государство, тогда как на втором уровне права человека входят в компетенцию международного сообщества, межправительственных организаций. Подобной позиции придерживается и профессор Колумбийского университета М. Дойль. Данный подход, по мнению учёного, «позволит избежать размытости в применении прав человека как политической практики» [17].

Американский учёный Дж. Винсент считает, что права человека могут быть объектом внешней политики государства, но решением возникающих проблем в этой облас-

ти должны заниматься профессиональные дипломаты. Однако он полагает, что «основное влияние прав человека на систему государств состоит не в доктрине гуманитарной интервенции, а в постепенном распространении глобальной космополитической культуры» [18, с. 24]. Винсент отмечает, что может существовать только одно безусловное основание для гуманитарной интервенции – массовый голод в стране. Будущая глобальная культура должна быть основана на консенсусе между различными цивилизациями. Сторонники политического реализма не отрицают моральную сторону политических решений, однако пересматривают их в сторону приоритетности безопасности государства.

Наряду с возможными трансформациями прав человека на пути к устойчивому развитию возникает своего рода «расширение» прав человека на все существа, обитающие на Земле. В рамках данной проблемы возникают концепции прав «будущих поколений». Наибольший интерес представляет концепция, разработанная профессором университета Коннектикута Р. Хаскесом. Он представляет теоретическое обоснование для правосудия через поколение, утверждая, что экологические права, гражданство, идентичность могут обеспечить необходимую взаимность с теорией правосудия. Учёный считает, что права человека являются средством защиты человека от существенного вреда. Содействие обеспечению экологических прав будущих поколений увеличивает и добавляет силу тем же самым правам, распространяемым на нынешнее поколение. По мнению Хаскеса, содействовать разрешению данной проблемы может только демократическая политика, которая накладывает на всех «членов сообщества демократических государств обязанность рассмотреть благополучие их гражданских приемников» [19, с. 91].

Белорусский политолог Н.Н. Белякович убеждён: «Существующие концепции прав человека не коррелируют с реальностью. Все эти обстоятельства диктуют необходимость создания новой концепции прав и свобод человека, адекватно отражающей его сущность как биосоциального и активно действующего существа. Вне рассмотрения природно-биологических основ индивида, его объектно-субъектных отношений невозможно понять ни самого человека, ни общество, а тем более правильно определить перспективы их развития... Но самое главное – двигаясь в таком направлении, представляется возможным выработать научно обоснованную универсальную модель правовой и социальной защиты человека, живущего в различных политических, социально-экономических и духовно-идеологических условиях» [20, с. 97].

Заключение

Нам представляется, что в рамках интернационализации прав человека в политической науке сформировались три основных подхода к пониманию феномена: нормативистский, ценностный и универсальный.

Нормативистский подход является отражением позитивистской и социалистической концепций и опирается на политико-правовые нормы и политические отношения по признанию и защите прав человека. Реальные политико-правовые нормы и отношения, касающиеся прав человека, и образуют объект прав человека.

Ценностный подход, опираясь на естественную и теологическую концепции, определяет права человека как ценность. Основной упор делается на критерии ценности этих прав, и, следовательно, объектом прав человека должны служить эти ценности. Но пока ещё эти ценности до конца не определены в теории, а в нормативных актах – относительны.

Универсальный подход к пониманию прав человека устанавливает, что права человека являются универсальным явлением, т.е. в него входят политические, экономиче-

ские, правовые, социальные, культурные и иные факторы, оказывающие влияние на содержание прав человека.

Существующие концепции и подходы к пониманию прав человека заложили основу для современного понимания и восприятия прав человека. Эти концепции, на наш взгляд, сформировали три основных аспекта, на которых базируется современное понимание прав человека:

- 1) каждая власть имеет свои ограничительные рамки;
- 2) у каждого человека есть своя автономная сфера, в которую никакая сила не может вторгнуться;
- 3) каждый человек наделён средствами и механизмами действий против государства с целью защиты своих прав.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Наиболее резонансные случаи нарушения прав человека в отдельных странах мира: 2013 доклад МИД / М-во иностр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – 67 с.
2. Дзянісаў, М. Далучэнне да свабоды / М. Дзянісаў, Л. Землякоў // Беларус. думка. – 1992. – № 2. – С. 85–88.
3. Henkin, L. The age of rights / L. Henkin. – New York : Columbia Univer. Press, 1990. – 220 p.
4. Steiner, H. J. Political participation as a human right / H. J. Steiner // Harvard Human Rights Y.B. – 1988. – Vol. 1. – P. 77–134.
5. Alston, P. Making space for new human rights: the case of the right to development / P. Alston // Harvard Human Rights Y.B. – 1988. – Vol. 1. – P. 3–40.
6. Котляр, И. И. Права человека и высшая школа: концептуальные основы преподавания, изучения и воспитания, управленческие решения / И. И. Котляр. – Минск : Тесей, 2007. – 230 с.
7. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ : ЛЮКС, 2004. – 349 с.
8. Малевич, Ю. И. Права человека в мировой политике (вторая половина XX века) / Ю. И. Малевич ; под ред. В. И. Семенкова. – Минск : Технопринт, 2001. – 256 с.
9. Малевич, Ю. И. Социальная концепция РПЦ и современные права человека / Ю. И. Малевич // Беларусь: государство, религия, общество : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск – Жировичи, 7 июня 2007 г. / НАН Беларуси, Ин-т истории, Минск. духов. акад. ; редкол.: прот. В. Антоник [и др.]. – Минск, 2008. – С. 362–365.
10. Малевич, Ю. И. Незападная концепция прав человека [Электронный ресурс] / Ю. И. Малевич. – Режим доступа: <http://www.evolutio.info/content/view/251/49/>. – Дата доступа: 25.08.2015.
11. Благож, Й. Формы правления и права человека в буржуазных государствах / Й. Благож ; предисл. и под общ. ред. В. А. Туманова. – М. : Юрид. лит., 1985. – 222 с.
12. Роулз, Д. Теория справедливости / Д. Роулз ; пер. с англ., науч. ред. В. В. Целищева. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535 с.
13. Мельник, В. А. Права человека, гражданское общество и правовое государство / В. А. Мельник // Беларус. думка. – 2013. – № 3. – С. 56–61.
14. Нозик, Р. Анархия, государство и утопия ; пер. с англ. / Р. Нозик ; под ред. Ю. Кузнецова, А. Куряева. – М. : Ин-т распространения информ. по соц. и экон. наукам, 2008. – 424 с.
15. Игнаткин, О. Б. Концепция «индивидуальных прав» в политической философии Рональда Дворкина [Электронный ресурс] / О. Б. Игнаткин // Юриспруденция. –

2006. – № 8. – Режим доступа: http://pravorggu.ru/2006_8/ignatkin_2.shtml. – Дата доступа: 25.08.2015.

16. Дворкин, Р. О правах всерьез / Р. Дворкин. – М. : Росспэн, 2004. – 392 с.

17. Human rights and the new global order : an interdisciplinary conference, 8–10 May 2008 [Electronic resource] / J. F. Kennedy School of Government ; Harvard Univ. – Mode of access: <http://www.hks.harvard.edu//Conferences/ConferenceReport2008.pdf/>. – Date of access: 25.08.2015.

18. Vincent, R. J. Human rights and international relations / R. J. Vincent. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1988. – VIII, 186 p.

19. Hiskes, R. P. The human right to a green future: environmental rights and intergenerational justice / R. P. Hiskes. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. – 182 p.

20. Бемякович, Н. Н. Права человека и политика: философско-правовые основы / Н. Н. Бемякович. – Минск : Амалфея, 2009. – 412 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2016

Severin E.N. Internationalization of Human Rights in Political Science

Internationalization is one of the stages in the development of political theory and practice of human rights. It is a stage of setting up and international recognition of human rights theory and establishment of international standards in this sphere. The article declares that within modern political theory different and partly mutually exclusive models are used to justify human rights. Wherein, recent theories correspond to the previous ones, theoretical constructs are based on the political experience and vice versa. As a result they are improving both as political theories and as law theories. According to the author, in political science there are three main approaches to understanding the phenomenon of human rights internationalization: normative, evaluative and universal.

УДК 323.212

В.В. Сидор

аспірант каф. політалогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

СОВРЕМЕННЫЕ ЭКСПЕРТНЫЕ ЦЕНТРЫ УРБАНИСТИКИ

Статья посвящена изучению центров урбанистики как одного из видов институтов политической экспертизы. Изучен опыт центров урбанистики в США и России. На примерах наиболее крупных и влиятельных центров по изучению городской среды дается их характеристика, определяется сфера интересов, указываются наиболее значимые проекты. В статье предлагается авторское определение понятия урбанистика, прослеживается социально-философский, гуманистический, экологический и политологический аспекты изучения городов как среды обитания человека. Очерчены возможности использования урбанистических разработок для построения диалога между государственной властью, гражданским обществом и окружающей средой. Приведены данные по актуальному состоянию урбанистических исследований в Республике Беларусь, сделаны выводы о возможности и целесообразности подобных организаций в нашей стране.

Введение

В демократическом процессе в отношениях между властью и обществом правящим элитам постоянно приходится доказывать справедливость и разумность занимаемых позиций, принимаемых политических решений, а также в целом проводимого политического курса. Особое значение при этом приобретают механизмы отбора политических решений из спектра возможных, политической аргументации, сочетающей идеологические, моральные и правовые факты. Современные политики при принятии политических решений обращаются к политической экспертизе.

Политическая экспертиза – это оценочно-аналитическая деятельность, выполняемая с привлечением специалистов-профессионалов для анализа и оценки политических ситуаций или проблем при помощи научных методов с целью выработки рекомендаций и советов. Заказчиком политической экспертизы является субъект, принимающий политические решения, поэтому современная экспертная деятельность в сфере политики является важнейшей составляющей управленческого процесса.

Основными субъектами осуществления политической экспертизы являются различные экспертные центры. Согласно определению Э. Рича, «экспертный центр – это независимая, не являющаяся частью группы интересов, неприбыльная политическая организация, производящая экспертизу и вырабатывающая идеи для оказания влияния на процесс выработки политического курса» [1, с. 67]. Синонимами словосочетания «экспертный центр» являются такие понятия, как «мозговой центр», «фабрика мысли», или «think tank». Одним из видов центров проведения политической экспертизы являются центры урбанистики [2, с. 408]. Цель данной статьи – изучение подобных институтов с точки зрения направленности их исследований и возможности влиять на общественное мнение и принятие политических решений. В деятельности экспертных центров урбанистики, существующих в США и в Российской Федерации, прослеживается связь жилищной политики государства с вопросами гармоничного планирования и проектирования на городском и региональном уровнях, городского дизайна.

Можно определить *урбанистику* как исследовательское направление, занимающееся комплексным анализом и изучением проблем возникновения и развития городских территорий, включающее в себя аспекты жилищного строительства и расселения населения, инфраструктуры и транзита, гармоничного проектирования и управления

Научный руководитель – Н.А. Антанович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета

ростом городов, экономику города и муниципальное управление с учетом социально-демографических и экологических показателей.

В отличие от *государственной жилищной политики*, которая представляет собой целенаправленную деятельность органов государственной власти по решению проблемы обеспечения населения жильем, основанную на законодательных актах и имеющую директивную направленность, урбанистика имеет познавательный и рекомендательный характер, охватывает более широкий круг вопросов. Актуальность междисциплинарного развития урбанистики возрастает. В странах, располагающих необходимыми для того ресурсами, вопросами урбанистики, городского планирования, устойчивого развития занимаются специализированные экспертные центры.

Американские центры урбанистики

В 2008 г. население городов сравнялось по численности с сельским, а к 2050 г., по прогнозу ООН, более 85% населения Земли будут проживать и трудиться в городах. Однако неуклонный рост городов сопровождается комплексом проблем: экологических, социальных, – связанных с ростом преступности и социальной напряженности, ограниченностью природных ресурсов, исчезновением культурного и исторического наследия и т.д. Ответом на этот глобальный вызов должно стать развитие городской цивилизации, целью которой становится возникновение города как такой среды обитания, в которой здоровье и удобство жизни являются первичными по отношению к иным смыслам городского существования [3, с. 9].

Первые специальные институты для аналитической разработки проблем урбанистики возникли в начале XX в. в странах Запада, прежде всего в США. *Институт Брукинга* (The Brookings Institution) – один из первых «мозговых центров» – был основан в 1916 г. в Вашингтоне. Он специализируется как на внешней политике и мировой экономике, так и в вопросах национально-государственного и местного управления. В глобальном рейтинге экспертно-аналитических центров мира «Global Go To Think Tanks Report», подготовленном Университетом Пенсильвании в 2015 г., Институт Брукинга занимает первое место девятый год подряд [4]. В штате Института состоит большое количество научных работников, которые периодически занимают должности в органах государственной власти, где могут на практике проверить свои научные выводы либо использовать опыт, полученный на государственной службе, для дополнения своих академических исследований. Институт Брукинга распространяет результаты политического анализа и свои рекомендации преимущественно путем публикации книг, а в более доступной форме – в виде докладов, именуемых «краткими обзорами политики». В 1999 г. вышла работа Р.Ф. Фергюсона, В.Т. Диккенса «Urban Problems and Community Development», посвященная истории стратегий городского развития, политике распределения ресурсов, бизнеса и рабочей силы, жилищного строительства, неформальных организаций, образования и общественной безопасности. Специалисты Института Брукинга исследуют развитие американских городов и пригородов на базе данных, полученных в ходе переписей населения, делая упор на изучении демографических тенденций. В новейших публикациях рассматривается связь концепций устойчивого развития городов в принятии политических решений. Так, в работах К. Асано, М. Такадо представлены примеры экологически ориентированного руководства и ключевые академические изыскания в сфере взаимодействия человека и природы [5].

В 1936 г. был образован *Институт урбанизированной городской застройки* (ULI – Urban Land Institute) – некоммерческая научно-образовательная организация с представительствами в Вашингтоне, Гонконге и Лондоне и штатом более 38 тыс. сотрудников, более 20% из которых являются представителями исполнительной власти, академических кругов либо проектов государственно-частного партнерства. Большая

часть членов ULI участвует в рынке недвижимости и развитии городской промышленности. В настоящее время институт проводит исследования жилищной политики разных стран в привязке к демографическим тенденциям. Изучаются вопросы соотношения арендного и собственного жилья, ведется поиск привлекательных направлений для жилищного строительства и развития инфраструктуры. Проводятся междисциплинарные дискуссии с привлечением застройщиков, представителей правительства, общественных лидеров, провайдеров транзитных услуг для совместного решения вопросов, касающихся дорог, электросетей, водных систем и др. ULI поддерживает ряд инициатив и программ, в том числе программу консалтинговых услуг по развитию рынка недвижимости и вопросам городской политики, ведет активную публицистическую деятельность: с 1941 г. выпускает журнал «Urban Land», публикует ежегодные отчеты и доклады, а также издает книги о землепользовании, планировании инфраструктуры и развитии рынка недвижимости [6].

Для изучения городских проблем и борьбы с бедностью в национальном масштабе в 1968 г. администрацией 36-го президента США Л. Джонсона был создан **Институт урбанистики** (Urban Institute). Президент лично отобрал знаменитых экономистов и общественных деятелей для создания независимого, беспартийного исследовательского центра. Постепенно сфера научных исследований Института расширилась, распространившись на социальную и экономическую политику государства. Ряд важнейших исследований Института посвящен урбанистике как таковой. Изучается влияние места (микрорайон, город, столица) на благополучие людей и их долгосрочное развитие. Выявляются тенденции жилищной дискриминации и сегрегации, концентрации бедности; дается оценка эффективности политики по управлению ростом городов, расширению доступности жилья. В рамках проекта «Жилье и жилищное финансирование» Институт урбанистики проводит мониторинг рынка жилья, чтобы обеспечить своевременную и объективную информацию по системе жилищного финансирования, доступу к арендному жилью по приемлемым ценам, контролю бездомности. Сотрудники оценивают эффективность программ жилищной помощи и демонстрируют политикам и общественности, как система жилищного финансирования влияет на отдельно взятые домохозяйства и экономику страны в целом. Результаты проведенных исследований публикует издание «At a Glance» [7].

Проблемы современной урбанистики широко изучаются и в одном из крупнейших американских экспертных центров – **Корпорации РЭНД** (RAND Corporation). Этот стратегический исследовательский центр был основан в Санта-Монике в 1946 г. для выполнения заказов военно-воздушных сил США. Начиная с 1960-х гг. в число приоритетов Корпорации РЭНД вошли вопросы общественной политики. Сегодня там проводятся исследования на тему планирования городов, инфраструктуры и транспорта. RAND стремится информировать должностных лиц, принимающих решения о долгосрочных городских объектах и общем дизайне городов, о воздействии этих решений на здоровье населения, разрабатывает модели контроля промышленных загрязнений, поднимает вопрос о необходимости парков и рекреационных зон в городах [8].

Фактически исследования, касающиеся вопросов урбанистики, ведутся в большинстве крупных экспертных центров США. Однако существует ряд ассоциаций, ученых сообществ и исследовательских центров, для которых тема планирования городского и регионального развития является приоритетной. Ниже остановимся подробнее на нескольких из них.

Американская ассоциация планирования (APA – American Planning Association) – профессиональная организация в области городского планирования в США, созданная в 1978 г. Основной ее функцией является создание форума для обмена идеями между специалистами в сфере городского планирования. Ассоциация ежегодно прово-

дит конференции, а также издает собственный журнал. В настоящее время АРА ведет ряд проектов, посвященных стратегическому планированию предотвращения катастроф, взаимосвязи здравоохранения и архитектурного планирования, улучшению экологических и социальных показателей общества путем организации городских парков и зон отдыха и другие [9].

Институт международного развития городов (I2UD – Institute for International Urban Development) – некоммерческая организация, основанная в 2005 г., которая проводит прикладные исследования, оказывает консультативные услуги и техническую помощь лицам, определяющим политику в области городского планирования. Целью Института является документирование и оценка тенденций в развитии городов, а также содействие устойчивому прогрессу сельских и городских территорий путем аккумуляции и применения международных инновационных разработок. I2UD проводит исследования о влиянии климатических изменений на обеспечение водой города Эль-Альто (Боливия), расположенного на высоте более 3 800 м над уровнем моря и получающего воду от тающих ледников. Важное значение имеют разработки в области оздоровления городской среды и экономического благополучия постиндустриальных городов Новой Англии [10].

Школа планирования и публичной политики имени Эдварда Блоштейна (Edward J. Bloustein School of Planning and Public Policy) изучает городское планирование и управление в теории и на практике, совмещая обучение по академическим программам и применение полученных знаний в ходе научных исследований. Центр исследований в области городской политики (подразделение Школы) работает над проблемами освоения земель, доступности жилья, политики землепользования и воздействия жилищного строительства на окружающую среду. Центром были разработаны методы сегментации рынка жилья, контроля арендной платы в Нью-Йорке, Бостоне и других городах, отслеживания региональной мобильности, обусловленной различиями в жилищных запросах населения. В настоящее время интересы центра сосредоточены на оценке условий жизни в городах, на расширении обеспечения жильем семей с низким уровнем доходов, а также разработкой универсальных методов экспертизы зданий, имеющих историческую ценность [11].

Изучение вопросов урбанистики в России

Важность планирования развития городской среды понимали не только на Западе. Уже в 1929 г. в Ленинграде был основан **Государственный институт проектирования городов** («Гипрогор»). Более чем за 80-летнюю историю институтом разработаны градостроительные проекты для 700 городов СССР, в том числе генеральный план города Липецка, генпланы регионов Брянской и Ленинградской областей. Среди реализованных проектов есть города, спроектированные и построенные с нуля (например, Краснокамск, Кирово-Чепецк). В 1991 г. Институт был переименован в **Российский государственный научно-исследовательский и проектный институт урбанистики (Российский институт урбанистики)**. На сегодняшний день это крупнейший в России градостроительный институт. Стратегической целью Института урбанистики является развитие градостроительной деятельности с учетом достижений советской школы. Ключевым подходом институт называет *урбанистику* с ее технологиями пространственного планирования, устойчивого развития и гуманитарными практиками вовлечения общественности в принятие решений. На практике это означает, что Институт урбанистики предлагает меры рационализации природопользования, улучшения социально-бытовой сферы городов, прежде всего в направлении экологизации экономики регионов и городов. В рамках проекта по *устойчивому развитию* были разработаны «*экологические профили*» городов, выполнено технико-экономическое обоснование инвестиций

с определением объема необходимых капиталовложений, отработаны технологии вовлечения общественности в решение городских экологических проблем. Институтом были разработаны системные документы по устойчивому развитию территорий, повышения качества жизни и деятельности людей: «Стратегия социально-экономического развития Тюменской области до 2025 г.», «Территориальная комплексная схема градостроительного планирования развития территории Чувашской Республики», «Концептуальная модель устойчивого пространственного развития Санкт-Петербурга в XXI в.» и другие. Институт регулярно привлекается для работы над международными проектами: «Зона развития Южная Финляндия – Санкт-Петербург (Карельский перешеек)», «Развитие внутренних водных путей в регионе Балтийского моря», «Проект Polymetrex – Санкт-Петербург – Хельсинки – Таллинн» [12].

Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского (ВШУ) – подразделение Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», основанное в 2011 г. Школа реализует междисциплинарный подход к изучению и планированию современных городов, используя *комплекс социально-экономических и гуманитарных знаний*, ориентируясь на достижения в сфере урбанистики, соответствующий эпохе мегаполисов XXI в. В Школе урбанистики работают специалисты в области градостроительства, правового градорегулирования, муниципального управления и экономики города. Среди направлений научных разработок ВШУ также жилищная и социальная политика, городское транспортное планирование, региональная экономика. ВШУ принимала участие в десятках научных и градостроительных проектов регионального и федерального уровней. Результаты консалтинговой деятельности воплотились в проектах «Выявление пространственной структуры Москвы», «Структура мобильности внутри Московской агломерации», «Исследование человеческого потенциала и городской среды», «Карта расселения москвичей». Ведется экспериментальный проект по адвокативному планированию (публичная защита городских сообществ, которые в силу различных причин оказались исключены из системы принятия решений) [13].

Институт дизайна и урбанистики при Санкт-Петербургском национальном исследовательском университете информационных технологий, механики и оптики (ИТМО) создан в 2013 г. Основной задачей института является ликвидация отставания России в сфере дизайна и технологий производства городской среды обитания, планирования инфраструктуры современных городов. Институт дизайна и урбанистики реализовал несколько проектов: «Урбанистическое исследование Кронштадта» (2013 г.) (представляет собой план развития города до 2030 г.); «Рейтинг жилых комплексов Санкт-Петербурга», «Дизайн транспортных средств нового типа в концепции городской микромобильности», «Современные технологии трансформации городских территорий» и другие [14].

В 2014 г. в Московской школе управления «Сколково» создан **Центр городских исследований** для формирования базы знаний о российских городах и адаптации лучших мировых теорий и практик в систему управления развитием российских городов. В настоящее время Центром городских исследований реализуется проект «Управление пространственно-экономическим развитием города. Скрытые ресурсы». Он посвящен выявлению взаимосвязи пространственной, земельной, градостроительной политики города с бюджетно-финансовой и управленческой практикой в 8 российских городах [15].

Урбанистика в Беларуси

На сегодняшний день в Республике Беларусь ведутся перспективные исследования в сфере урбанистики такими структурами, как РУП «Белгоспроект», архитектурным факультетом БНТУ, строительными факультетами БрГТУ, ПГУ. Доктором архитектуры, профессором Г.А. Потаевым был опубликован ряд работ, касающихся изуче-

ния актуальных проблем городов: «Современные тенденции развития архитектуры, градостроительства и дизайна» [16], «Тенденции развития градостроительства» [17]. Аспекты устойчивого развития, качества жизни и правового регулирования охраны окружающей среды затрагивает выпущенная в 2011 г. коллективом авторов БГУ под редакцией доктора философских наук, профессора А.И. Зеленкова книга «Устойчивое развитие и социально-экологические параметры качества жизни» [18]. Значительный вклад в развитие таких исследовательских направлений, как региональная экономика и урбанистика внес доктор исторических наук, профессор В.А. Бобков, являющийся соавтором многих исследований: «Стратегический план устойчивого развития Минска до 2020 г.» [19], «Строительный комплекс Минска: состояние, перспективы, проблемы и пути их решения» [20], «Инвестиционный потенциал населения и жилищное строительство в г. Минске» [21], «Культурный комплекс г. Минска и пути повышения эффективности его работы» [22]. Немаловажное значение для исследования урбанистики в Беларуси имеют работы доктора физико-математических наук, профессора М.М. Ковалева (он соавтором учебного пособия «Мир и Беларусь: аспекты устойчивого развития» [23], статей «Динамика развития промышленных белорусских городов: инвестиционный потенциал, инвестиционные риски» [24], «Управление инновационным развитием регионов» [25]) и доктора социологических наук, профессора А.В. Рубанова («Жилищная проблема в жизни современных горожан» [26], «Минчане в начале XXI века: социально-экономический и психологический портрет» [27], «Стратегия развития города Минска» [28]).

Для решения конкретных городских проблем на практике в Минске и других крупных городах Беларуси появился ряд общественных проектов.

1. **Минская урбанистическая платформа.** Это проект для коммуникации и координации усилий различных групп активистов и общественных организаций, работающих с городской средой. Основная сфера деятельности – осуществление и координация совместных проектов, направленных на изучение и улучшение городской среды, а также способствующих популяризации знаний о городе. Выполненные проекты: «Urban Design», «Co-urbanism», «Карта городских инициатив» [29].

2. **«Верни себе город»** – неполитическая некоммерческая гражданская инициатива, которая выступает против уплотнительной застройки и вырубки зеленых зон, сноса домов против воли их жильцов и неуважительного отношения к культурно-историческому наследию. Непродолжительное время публиковала печатный проект «Вестник застройки». На своем web-сайте содержит постоянно обновляемую карту застройки с указанием всех конфликтных точек города [30].

3. **Центр городских инициатив** (Могилев) – созданное в 2013 г. сообщество общественных деятелей, журналистов, бизнесменов, скульпторов и художников с целью инициирования и помощи в реализации различных проектов в сфере культуры и урбанистики. Реализованные проекты: «Культурная карта Могилева», «Парки города», школа городских инициатив «Теплица», конференция по развитию велодвижения [31].

4. Товарищество **«Зелёная сетка»** – объединение экологических организаций, инициатив, активистов, экспертов, которые стремятся решать экологические проблемы. Тема урбанистики прорабатывается Товариществом преимущественно в экологическом ключе. «Зелёная сетка» была в числе организаторов урбанистического форума «Прастора» в Витебске (при поддержке Витебского городского исполнительного комитета), урбанистической конференции «#Я_ГОРОД», инициирует проведение в Беларуси ежегодных акций «Час земли» (при поддержке Департамента по энергоэффективности и Министрства природных ресурсов и охраны окружающей среды) [32].

Заклучение

Спектр научных исследований центров урбанистики широк: от жилищного и промышленного строительства, городского дизайна и инфраструктуры до воздействия развития городов на экологическую обстановку в регионах и в мире. Экспертные центры не оставляют в стороне *социально-философский, гуманистический и политологический* аспекты урбанистики, что помогает лучше понимать город как среду обитания человека, адаптироваться к потребностям современных городских жителей, строить с ними диалог. Немаловажное значение имеет также и *экологическая* направленность урбанистических исследований: с рассмотрением вопроса жилищного и промышленного строительства, развития городов в целом неотрывно связано осмысление человеком своего отношения к природе. Урбанисты пытаются просчитать риски нанесения ущерба окружающей среде, предвосхищают потенциальные экологические катастрофы, обосновывают необходимость парков и рекреационных зон, а также целесообразность использования экологически чистых материалов при строительстве.

Важно отметить, что управление городом относится к сфере исключительной компетенции публичных институтов, в первую очередь органов государственной и местной власти. Развитие городов осуществляется в основном на деньги налогоплательщиков и, соответственно, достаточно жестко регламентируется властью. Городское развитие является одним из наиболее эффективных инструментов, позволяющих государству непосредственно влиять на решение целого ряда проблем модернизации страны в целом. Экспертиза, проводимая по заказу властей, бизнеса и некоммерческих организаций, позволяет планировать и строить города будущего в гармонии с гражданским обществом и окружающей средой, способствует поиску баланса между экономическими выгодами, удобством населения и экологической безопасностью. Разумеется, при реализации государственной строительной политики урбанистика встречает сильного оппонента в лице крупных строительных организаций, которые лоббируют свои интересы в правительстве. Для противостояния этому явлению центры урбанистики зачастую публикуют результаты своих исследований, делая их доступными широкому кругу общественности.

На сегодняшний день в Республике Беларусь созданы все предпосылки для создания экспертных центров урбанистики в виде компетентных специалистов в сфере городского планирования и устойчивого развития с одной стороны и потребностей в них населения и государства с другой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рич, Э. Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов / Э. Рич, К. Уивер // ProetContra. – 2003. – № 2 – С. 64–89.
2. Ортиков, К. С. Влияние мозговых центров на процесс развития государства / К. С. Ортиков // Молодой ученый. – 2014. – № 9 – С. 407–410.
3. Развитие городов: лучшие практики и современные тенденции / М. Грудинин [и др.] // Развитие городов: лучшие практики и современные тенденции – 2010. – М., 2010. – Вып. 1. – 96 с.
4. 2015 Global Go To Think Tank Index Report [Electronic resource]. – Mode of access: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1009&context=think_tanks. – Date of access: 12.10.2016.
5. Brookings Institution Press [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.brookings.edu/press/>. – Date of access: 20.08.2016.
6. Research [Electronic resource]. – Mode of access: <http://uli.org/research/>. – Date of access: 21.08.2016.

7. Research [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.urban.org/research>. – Date of access: 21.08.2016.
8. Research Programs [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.rand.org/research.html#research-programs>. – Date of access: 21.08.2016.
9. Applied Research [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.planning.org/research/>. – Date of access: 30.08.2016.
10. Climate Adaptation in El Alto, Bolivia [Electronic resource]. – Mode of access: <http://i2ud.org/portfolio/bolivia-adaptation/>. – Date of access: 30.08.2016.
11. Housing [Electronic resource]. – Mode of access: <http://cupr.rutgers.edu/research/housing/>. – Date of access: 30.08.2016.
12. Об институте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.urbanistika.ru/institut/>. – Дата доступа: 05.09.2016.
13. Научная деятельность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urban.hse.ru/scientific>. – Дата доступа: 05.09.2016.
14. Список проектов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://idu.ifmo.ru/ru/listproject/show_all_project.htm. – Дата доступа: 12.10.2016.
15. О центре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urbc.skolkovo.ru/ru/urbc/about/>. – Дата доступа: 05.09.2016.
16. Потаев, Г. А. Современные тенденции развития архитектуры, градостроительства и дизайна [Электронный ресурс] / Г. А. Потаев. – Режим доступа: <http://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/20230/%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%B%D1%86%D0%B8%D0%B8.pdf?sequence=2>. – Дата доступа: 03.10.2016.
17. Потаев, Г. А. Тенденции развития градостроительства / Г. А. Потаев. – Минск : БНТУ, 2014. – 222 с.
18. Устойчивое развитие и социально-экологические параметры качества жизни / А. И. Зеленков [и др.] ; под общ. ред. А. И. Зеленкова. – Минск : БГУ, 2011. – 292 с.
19. Стратегический план устойчивого развития Минска на период до 2020 года / В. А. Бобков [и др.] ; под общ. ред. В. А. Бобкова. – 2-е изд. – Минск : Юнипак, 2005. – 134 с.
20. Строительный комплекс Минска: состояние, перспективы развития, проблемы и пути их решения / А. И. Лученок [и др.] ; под общ. ред. А. И. Лученка. – Минск : МНИИСЭПП, 2005. – 148 с.
21. Бобков, В. А. Инвестиционный потенциал населения и жилищное строительство в г. Минске / В. А. Бобков, А. И. Лученок, А. В. Рубанов. – Минск : МНИИСЭПП, 2001. – 146 с.
22. Бобков, В. А. Культурный комплекс г. Минска и пути повышения эффективности его работы / В. А. Бобков, А. С. Майхрович, А. В. Рубанов. – Минск : МНИИСЭПП, 2001. – 63 с.
23. Мир и Беларусь: аспекты устойчивого развития : учеб. пособие / М. М. Ковалев [и др.] ; под общ. ред. М. М. Ковалева и Т. П. Субботиной. – Минск : Технопринт, 2003. – 171 с.
24. Ковалев, М. М. Динамика развития промышленных белорусских городов: инвестиционный потенциал, инвестиционные риски / М. М. Ковалев, А. Г. Якубович // Вестн. Ассоциации белорус. банков. – 2010. – № 11. – С. 14–28.
25. Ковалев, М. М. Управление инновационным развитием регионов / М. М. Ковалев, А. А. Шашко // Стратегия инновационного развития регионов : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; под ред. Ли Чон Ку, Н. В. Марковской. – Гродно, 2010. – С. 161–169.

26. Рубанов, А. В. Жилищная проблема в жизни современных горожан / А. В. Рубанов // Социология. – 2006. – № 2. – С. 66–75.

27. Минчане в начале XXI века: социально-экономический и психологический портрет / А. В. Рубанов [и др.] ; под общ. ред. А. В. Рубанова. – Минск : МНИИСЭПП, 2005. – 164 с.

28. Постсоветские столицы: Минск. Вильнюс. Баку / Й. Терборн [и др.] ; под общ. ред. Й. Терборна. – Минск : Издат. центр БГУ, 2009. – 270 с.

29. Карта городских инициатив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://urbanist.by/map/>. – Дата доступа: 10.10.2016.

30. Аналитика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zastroika-by.org/analytics>. – Дата доступа: 10.10.2016.

31. Проекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://urbanistic.by/proekty/>. – Дата доступа: 10.10.2016.

32. Наша праца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://greenbelarus.info/green/work>. – Дата доступа: 10.10.2016.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.10.2016

Sidor V.V. Contemporary Urban Think Tanks

The article deals with urban think tanks as a kind of institutions of political expertise. The author reviews the emergence of urban think tanks in USA and Russia, gives descriptions of them, defines the sphere of their interests, and names the most significant projects. The article contains analysis of urban studies in Belarus. The author makes a conclusion about the possibility of the existence of such organizations in our country.

УДК 322(470)+2–78

Е.Ю. Широков

*преподаватель каф. международного права и международных отношений
Вятского государственного университета (г. Киров, Российская Федерация),
соискатель 4-го года обучения каф. политологии
Белорусского государственного университета*

**ПРАВОСЛАВНО-КАТОЛИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

Приводится краткая история взаимоотношений между Русской православной и Римско-католической церквями. Раскрывается понимание православными и католиками категорий «семья» и «традиционные христианские ценности». Анализируется содержание совместной Декларации, подписанной Патриархом Кириллом и Папой Франциском во время их встречи в Гаване. Выявляются важнейшие проблемы православно-католических отношений, препятствующие развитию семейной политики Русской православной церкви.

Введение

Человеческая цивилизация находится в постоянном развитии. Изменения, происходящие в экономической, политической и социокультурной сферах жизни общества, оказывают влияние на семью и семейные отношения. В ряде случаев это влияние носит негативный характер, что вызывает беспокойство в православной среде и побуждает Русскую православную церковь (РПЦ) заниматься разработкой и принятием мер, направленных на защиту семьи и семейных ценностей. Реализуя свою семейную политику, РПЦ вступает в диалог с государственными учреждениями и Римско-католической церковью (РКЦ). Отсутствие взаимопонимания между государственными учреждениями и религиозными организациями нередко приводит к конфликтным ситуациям. Это усугубляется еще тем, что вопросы семейной политики РПЦ недостаточно разработаны в современной науке. Данное обстоятельство повышает актуальность настоящей статьи. Ее цель – выявить проблемы православно-католических отношений, с которыми сегодня сталкивается Русская православная церковь при развитии и реализации своей семейной политики. Задачи исследования – проанализировать отношения между РПЦ и РКЦ с момента возникновения православно-католического диалога до настоящего времени, найти основные причины ухудшения отношений между РПЦ и РКЦ в данный период, а также выявить то, что препятствует сегодня РПЦ сотрудничать с РКЦ в деле защиты традиционных христианских ценностей. Сделанные выводы могут быть учтены при выработке государственной политики в отношении религиозных организаций и при изучении курсов «Религиоведение» и «Политология».

Вопросы униатства и прозелитизма

Изучению православно-католических отношений посвящены труды Т.С. Казаковой, В.И. Филонова, Л.А. Королевой, О.В. Мельниченко, М.А. Иоселевой. Последняя отмечает, что целью экуменизма является восстановление единства Церкви [1]. Начало православно-католического диалога В.И. Филонов, Л.А. Королева, О.В. Мельниченко относят ко времени проведения II Ватиканского собора (1962–1965 гг.), поскольку он за-

Научный руководитель – С.И. Симановский, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета

ложил теоретические основы экуменической деятельности Римско-католической церкви, и после него стали регулярно проходить богословские встречи представителей православных и католической церквей [2; 3]. По мнению В.И. Филонова и протоиерея С. Соколова, важную роль во взаимоотношениях РПЦ с РКЦ сыграл митрополит Никодим (Ротов), который с 1960 по 1972 г. возглавлял Отдел внешних церковных сношений Московского Патриархата [2; 4]. Митрополит Никодим проводил политику, направленную на сближение с РКЦ. Как отмечает Соколов, во второй половине XX в. «состоялись собеседования представителей обеих церквей в г. Ленинграде (1967), г. Бари, Италия (1970), в Загорске (1973), в Тренто, Италия (1973) и в Одессе (1980)» [4]. Однако, по свидетельству того же Соколова, Т.С. Казаковой, Л.А. Королевой и О.В. Мельниченко, с конца 80-х гг. прошлого столетия отношения между РПЦ и РКЦ стали ухудшаться [3–5]. Исследователи выделяют две основные причины, почему это произошло.

Во-первых, «камнем преткновения» явилась деятельность униатов в Украине [1–5]. Выйдя из подполья, они «начали восстанавливать свои приходы и структуры на местах силовыми методами. Наиболее болезненно для православных этот процесс протекал в Западной Украине (Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская области, Закарпатье). Там дело доходило до массовых беспорядков, стычек, силовых захватов православных храмов, когда православные общины изгонялись просто на улицу, а в местной печати была развернута кампания по дискредитации православных Московского Патриархата. Такие греко-католические газеты, как «Мета», «Верую», открыто называли их «пятой колонной Москвы», «агентами имперского влияния России»» [5].

Чтобы урегулировать конфликт между униатами и РПЦ, в 1993 г. в Баламанде (Ливан) представителями католической и православных церквей был подписан документ, получивший название «Баламандское соглашение» [1; 5]. Оно состоит из двух частей: теоретической и практической. В теоретической части говорится, что униональная политика РКЦ не привела к церковному единству, и поэтому уния «более не может быть принята ни в качестве метода, которому можно было бы следовать, ни в качестве образца для объединения» Церквей [6]. В практической части приводится ряд правил, следование которым, по мнению участников Баламандской встречи, позволит улучшить отношения между православными и католиками включая униатов. Однако православная и католическая общественность восприняла данный документ неоднозначно, а униаты – враждебно [1]. В итоге конфликт между РПЦ и униатами не был разрешен. Как отмечают Л.А. Королева и О.В. Мельниченко, «в 2000 г. из-за серьезных расхождений в трактовке вопроса “унии” между православными и католиками деятельность смешанной комиссии по богословскому диалогу между церквями была прекращена» [3].

Вторым фактором, приведшим к ухудшению отношений РПЦ с РКЦ, является то, что исследователи называют «прозелитизмом», которым, по мнению представителей РПЦ, занималась Католическая церковь на территории России [1–5]. Благодаря полной религиозной свободе и отсутствию государственной идеологии РКЦ активизировала свою деятельность в постсоветской России [5]. Л.А. Королева и О.В. Мельниченко пишут: «В 1990–1991 г. Ватикан реорганизовал структуру Католической церкви в России, назначив апостольских администраторов католиков латинского обряда Европейской части России и Азиатской части России – архиепископа Тадеуша Кондрусевича с резиденцией в Москве и епископа-иезуита Иосифа Верта с резиденцией в Новосибирске, которые родились в СССР и были знакомы с советско-российской действительностью. Позже были созданы апостольские администрации для католиков юга России и востока Сибири и Дальнего Востока. В 1999 г. апостольские администрации были объединены в конференцию католических епископов России. В результате в стране было создано более полутора сотен приходов, несколько католических учебных заведений и благотворительных организаций» [3]. Такая деятельность РКЦ воспринималась РПЦ как прозелитическая. В связи с этим в 1995 г. в Московской духовной академии Все-

мирный совет церквей провел консультацию по проблеме прозелитизма. На этой консультации прозелитизм был определен как «обращение христиан из одной конфессии в другую с использованием методов и средств, противоречащих принципам и духу христианской любви и свободы личности» [3; 5]. РПЦ согласилась с данным определением. Казалось бы, конфликт был исчерпан, но в 2002 г. Папа Иоанн Павел II без всякого согласования с руководством РПЦ принимает решение о преобразовании апостольских администратур, находившихся в России, в епархии. По свидетельству протоиерея С. Соколова, члены Синода РПЦ были возмущены этим решением и охарактеризовали его как «вызов, брошенный Православию» [4].

«Стратегический альянс»

Улучшение отношений между РПЦ и РКЦ было отмечено в период, совпавший со временем понтификата Бенедикта XVI и патриаршества Кирилла. Заслуга Патриарха и Папы в этом представляется очевидной в силу их личных качеств.

До своего патриаршества (в то время – иеромонах) Кирилл был личным секретарем митрополита Никодима (Ротова). Это обстоятельство дает основание полагать, что он разделял многие взгляды своего начальника и наставника, в том числе и те, которые касались отношений РПЦ с Католической церковью. Митрополит Никодим был харизматической личностью и оказал влияние на многих иерархов РПЦ. Об этом сам говорит Патриарх Кирилл. По его словам, митрополит Никодим «заложил основу того епископата, который в настоящее время является ядром, сердцевинной иерархии Русской Православной Церкви» [7]. Кроме этого, он считает, что нельзя «рассматривать нынешний период новейшей истории ... Церкви в отрыве от деяний, вклада и самой личности Владыки Никодима», поскольку значительную роль в жизни РПЦ в настоящее время «играют те люди, которых Владыка Никодим в свое время благословил и поставил на путь иерархического служения» [7].

По свидетельству митрополита Илариона (Алфеева), председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, Папа Бенедикт XVI «хорошо знаком с вероучением и церковным строем Православной церкви, симпатизирует Православию» и как глава Римско-католической церкви шел на сближение с Православной церковью [8].

Во время понтификата Бенедикта XVI в православно-католических отношениях особое внимание стало уделяться практической сфере. Митрополит Иларион объясняет это следующим образом. Во-первых, неизвестно, как долго продлится богословский диалог между Католической и Православной церквями и к чему он в итоге приведет. А во-вторых, взаимодействуя в практической сфере, православные и католики смогут сохранять свою идентичность. Поэтому Православная и Католическая церкви образовали «стратегический альянс» для защиты традиционных христианских ценностей [8]. Под «традиционными христианскими ценностями» православные и католики понимают такие ценности, как семья, «человеческая жизнь от зачатия до смерти, воспитание детей, целостность и нерасторжимость брака» [8]. Система мер, направленных на защиту этих ценностей, составляет суть семейной политики Русской православной церкви.

Православные и католики обеспокоены тем, что в современном мире происходит переосмысление традиционных представлений о семье и браке и забвение семейных ценностей. Митрополит Иларион констатирует: «Сегодня на Западе семья – это совсем не обязательно союз мужчины и женщины, это может быть союз мужчины с женщиной или женщины с женщиной, или ... некий “многосторонний” вариант. Более того, законодательство целого ряда стран позволяет создавать такие “семьи”, предоставляя им те же льготы, которыми пользуются люди, состоящие в традиционном браке» [8].

РПЦ и РКЦ выступают против абортов, abortивной контрацепции и пропаганды различных проявлений блуда. Все эти проблемы постоянно обсуждаются представите-

лями обеих церквей на совместных мероприятиях, проводимых в России. Так, в 2010 г. в Москве состоялось пленарное заседание Христианского межконфессионального консультативного комитета стран СНГ и Балтии (ХМКК), посвященное теме «Христианская семья – “малая церковь” и основа здорового общества». Следует отметить, что наряду с православными и католиками на мероприятии также присутствовали протестанты. По итогам заседания была принята Декларация в защиту традиционных норм христианской нравственности. В 2012 г. в Патриаршей резиденции в Свято-Даниловом монастыре Патриарх Кирилл встретился с председателем Папского совета по делам семьи архиепископом Винченцо Палью и обсудил с ним ряд вопросов, посвященных однополым бракам и ювенальной юстиции. В том же году в Храме Христа Спасителя в Москве состоялась международная конференция «Церковь и бедные. Православные и католики в служении милосердия». Она была организована Синодальным отделом по церковной благотворительности и социальному служению РПЦ и католическим движением мирян «Община святого Эгидия». В 2013 г. в своей резиденции в Свято-Даниловом монастыре Патриарх Кирилл встретился с председателем Папского совета по содействию христианскому единству кардиналом Куртом Кохом. Во время этой встречи религиозные лидеры обсудили проблемы защиты традиционных христианских ценностей в современном мире. В 2014 г. в Санкт-Петербурге прошло IV пленарное заседание ХМКК, которое было посвящено теме «Кризис семьи и проблемы сиротства». В нем также приняли участие католики, православные и протестанты. Они рассмотрели такие вопросы, как положение детей-инвалидов, сиротство, кризис семьи и традиционных христианских ценностей, а также приняли Обращение, адресованное ко всем, кто разделяет их позицию по проблемам семьи.

Взаимодействие РПЦ с РКЦ в рамках ее семейной политики происходит не только на общецерковном, но и на приходском уровне. Например, в 2013 г. в деревне Колбино под Санкт-Петербургом для 10 супружеских пар из Санкт-Петербурга, Москвы и Великого Новгорода была организована сессия, в течение которой супруги могли отдохнуть и поделиться друг с другом опытом семейной жизни. В организации мероприятия приняли участие представители Международного экуменического братства «Кана», французской католической общины «Чемин Неф» (Chemin Neuf) и православные священники Феодоровского собора Санкт-Петербургской митрополии.

Гаванская встреча и «ревнители» Православия

Важным событием в истории православно-католических отношений стала встреча Папы Франциска и Патриарха Кирилла, которая состоялась 12 февраля 2016 г. в Гаване (Куба). Ее итогом стало подписание совместной Декларации, состоящей из 30-ти пунктов, 19-й и 20-й из которых посвящены институту семьи. Подчеркивается, например, что семья – это «естественное средоточие жизни человека и общества», что она «основана на браке как акте свободной и верной любви между мужчиной и женщиной»; выражается обеспокоенность кризисом семьи и сожаление о том, что брачный союз мужчины и женщины уравнивается с иными формами сожителства; делается напоминание о том, что «православные и католики, разделяя одно и то же представление о семье, призваны свидетельствовать о семье как о пути к святости, являющем верность супругов по отношению друг к другу, их готовность к рождению и воспитанию детей, солидарность между поколениями и уважение к немощным» [9]. В 21-м пункте говорится о человеческом праве на жизнь, осуждается практика абортов и выражается озабоченность «все более широким применением биомедицинских репродуктивных технологий» [9]. В пунктах с 24-го по 27-й затрагиваются проблемы униатства и прозелитизма, которые так и остаются неразрешенными. Тем не менее Папа Франциск и Патриарх Кирилл призывают «католиков и православных во всех странах учиться жить вместе

в мире, любви и единомыслии между собою» и выражают надежду, что их встреча будет способствовать примирению греко-католиков с православными [9].

Гаванская встреча Патриарха Кирилла с Папой Римским Франциском и их совместное заявление были восприняты в Русской православной церкви неоднозначно. Дело в том, что часть священно-, церковнослужителей и прихожан РПЦ считают истинной лишь Православную церковь, а все остальные христианские конфессии еретическими, общение с которыми якобы запрещено святыми отцами и канонами Церкви. Отсюда их негативное отношение к экуменическому движению. По их мнению, участие Православной церкви в экуменическом движении представляет угрозу «чистоте» Православия. Поэтому они негативно относятся ко всем церковным деятелям, которые пытаются «втянуть» Православную церковь в это движение. Одним из тех, чью церковную деятельность в прошлом эти «ревнители» Православия оценивают негативно, является митрополит Никодим (Ротов). Всех его ставленников и последователей, в том числе Патриарха Кирилла, они с пренебрежением называют «никодимовцами».

К числу таких «ревнителей» Православия можно отнести доцента Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации и автора книги «Измена в Ватикане, или Заговор Пап против Христианства» О.Н. Четверикову. На своей странице в социальной сети «ВКонтакте» она назвала Гаванскую встречу «величайшим предательством» [10]. Развернутая Четвериковой в Интернете кампания по обличению Патриарха Кирилла в «ереси» с каждым днем набирает популярность. Количество подписчиков ее официальной страницы превышает 13 000 человек. Такое поведение Четвериковой можно расценить как противодействие тем благим начинаниям, которые предпринимаются Патриархом Кириллом как для урегулирования церковных конфликтов, так и для развития церковной семейной политики.

Заключение

Отношения между Русской православной и Римско-католической церквями имеют долгую и непростую историю. Политика Председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополита Никодима (Ротова) выстраивания конструктивного диалога с католиками, которую он проводил в 1960–1972 гг., привела к улучшению отношений между обеими церквями. Однако с конца 1980-х гг. эти отношения стали вновь ухудшаться из-за возникших проблем униатства и прозелитизма.

Во время понтификата Бенедикта XVI и патриаршества Кирилла отношения между РПЦ и РКЦ приобрели новый характер. Теперь особое внимание стало уделяться сотрудничеству в практической сфере. РПЦ и РКЦ образовали «стратегический альянс» по защите семьи и семейных ценностей. В результате Русская православная церковь получила поддержку и содействие со стороны Римско-католической церкви в реализации и развитии своей семейной политики. В период с 2010 по 2014 г. РПЦ совместно с католиками успешно провела в России ряд мероприятий, направленных на укрепление института семьи и пропаганду семейных ценностей.

Встреча Папы Франциска и Патриарха Кирилла в феврале 2016 г. в Гаване стала важным шагом на пути восстановления церковного единства между православными и католиками. Во время этой встречи Папа и Патриарх подписали совместную Декларацию, в которой вновь были затронуты проблемы семьи, унии и прозелитизма. Однако к этому событию негативно отнеслись т.н. «ревнители» Православия, считающие, что всякие контакты православных с католиками угрожают «чистоте» Православия. Их активное противодействие тому, что делает Патриарх Кирилл для преодоления церковного разделения между православными и католиками и вместе с тем для развития семейной политики РПЦ, есть еще одна проблема православно-католических отношений наряду с униатством и прозелитизмом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иоселева, М. А. Основные аспекты экуменического диалога Римско-католической церкви с православными церквями в период понтификата Иоанна Павла II [Электронный ресурс] / М. А. Иоселева // Культура. Духовность. Общество. – 2013. – № 5. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-aspekty-ekumenicheskogo-dialoga-rimsko-katolicheskoy-tserkvi-s-pravoslavnymi-tserkvyami-v-period-pontifikata-ioan-na-pavla-ii>. – Дата доступа: 24.03.2016.
2. Филонов, В. Начало православно-католического диалога и участие в нем Русской православной церкви [Электронный ресурс] / В. Филонов // Власть. – 2013. – № 9. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-pravoslavno-katolicheskogo-dialoga-i-uchastie-v-nem-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi>. – Дата доступа: 24.03.2016.
3. Королева, Л. А. Власть, Русская православная церковь и Римско-католическая церковь в России (1985–2000 гг.): к вопросу о взаимоотношениях [Электронный ресурс] / Л. А. Королева, О. В. Мельниченко // Вестн. Краснояр. гос. аграрн. ун-та. – 2012. – № 2. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/vlast-russkaya-pravoslavnaya-tserkov-i-rimsko-katolicheskaya-tserkov-v-rossii-1985-2000-gg-k-voprosu-o-vzaimootnosheniyah>. – Режим доступа: 24.03.2016.
4. Соколов, С. История восточного и западного христианства (IV–XXI века) : учеб. пособие [Электронный ресурс] / С. Соколов. – М. : Изд-во Моск. ин-та духов. культуры, 2007. – Режим доступа: http://window.edu.ru/resource/537/55537/files/Sokolov_Ist_hrist_IV_XXv.pdf. – Дата доступа: 24.03.2016.
5. Казакова, Т. С. Православно-католический диалог в конце XX века [Электронный ресурс] / Т. С. Казакова // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. – 2011. – № 7. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavno-katolicheskii-dialog-v-kontse-xx-veka>. – Дата доступа: 24.03.2016.
6. Баламандское соглашение [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова. – Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/20/1990/19930623.html>. – Дата доступа: 02.04.2016.
7. Лучше гореть, чем тлеть. Памяти владыки Никодима (Ротова) [Электронный ресурс] // Pravmir.Ru: Православие и мир. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/luchshe-goret-chem-tlet-pamyati-vladyki-nikodima-rotova/>. – Дата доступа: 03.04.2016.
8. Православно-католические отношения на современном этапе [Электронный ресурс] // Русская православная церковь : Официальный сайт Московского Патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1319482.html>. – Дата доступа: 03.04.2016.
9. Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html>. – Дата доступа: 05.04.2016.
10. Четверикова Ольга Николаевна : публичная страница [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <http://vk.com/olgachetverikova>. – Дата доступа: 09.05.2016.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.06.2016

Shirokov E.Yu. Orthodox-Catholic Relations as a Factor of the Development of Russian Orthodox Church's Family Policy (on the Example of the Russian Federation)

The article is devoted to the Russian Orthodox Church's family policy and Orthodox-Catholic relations. It shows the short history of relations between the Russian Orthodox and Roman-Catholic Churches. The article reveals the Orthodox and Catholic understanding of the terms «family» and «traditional Christian values». The article presents the short analysis of the content of the Declaration signed by the Patriarch and the Pope in Havana, identifies the problems of the Orthodox-Catholic relations, which prevent them to influence the development of the Russian Orthodox Church's family policy.

УДК 316.46: 303. 443.2 (476)

И.В. Котляров¹, Алаа Дин Хамдан²

¹д-р социол. наук, профессор,

директор Института социологии НАН Беларуси

²консул Сирийской Арабской Республики в Беларуси

ФЕНОМЕН ЛИДЕРСТВА В БЕЛОРУССКОМ И СИРИЙСКОМ ОБЩЕСТВАХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье показаны основные направления развития лидерских теорий: «великого человека», черт, ситуационная, последователей; раскрыты основные теоретические и методологические аспекты лидерства в современном мире, в частности, в Беларуси и Сирии; по результатам социологического мониторинга проанализировано отношение членов белорусского общества к политическим процессам и лидерам, их личностным качествам и характеристикам.

Как показывает социальная реальность, политическая активность общественных субъектов в XXI в. значительно выше, чем в XX. Все пришло в движение. Привычный мир полностью изменил свои очертания. Многие из того, что казалось вечным, стало меняться. На смену старым пришли принципиально новые теории и концепции, модели и матрицы социального и политического поведения. Человечество вступило в стадию формирования шестого технологического порядка, ключевыми направлениями развития которого являются нанотехнологии, геновая инженерия, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и высокоскоростные транспортные системы, бозон Хиггса, квантовая телепортация и эксперименты на Большом адронном коллайдере. С одной стороны, кажется, что мир, накопив знания, продолжает целеустремленно идти вперед. Но, с другой стороны, мир становится все хуже и хуже. Цивилизация глобального потребления стремительно врывается в эпоху глубочайшего кризиса. Употребление наркотиков и проституция, похищения и пытки людей, землетрясения, разграбление церквей и неизлечимые болезни уже никого не удивляют и не пугают. Люди звереют с каждым днём. Серия цветных революций прокатилась в странах Ближнего Востока. Их символом стал трехлетний сирийский мальчик Айлан Курди, искавший мир и спокойствие за морем, а нашедший смерть на пустынном турецком пляже. Трагические события, начавшиеся в Тунисе и Египте, Йемене и Сирии, имеют продолжение в других странах. Тысячи мигрантов не по своей вине оказались в странах Западной Европы, создавая огромное количество проблем местным жителям.

В условиях вызовов и опасностей, бифуркации и турбулентности, неопределенности и потенциальных рисков, кризисов и резкого повышения социальной и политической активности народных масс возрос интерес к лидерству как эффективному способу решения многочисленных проблем. Тем более что политические институты пророков, цезарей, императоров ушли в прошлое – им срочно нужна замена. Короли в настоящее время являются скорее украшением власти, нежели ее реальными представителями. Практически потерял свое значение элемент сакральности, являвшийся важным атрибутом лидерства предыдущих эпох.

Резко изменилась окружающая реальность: она стала сложнее, изменчивее и непредсказуемее. Современное общество испытывает острейшую потребность в сильных, волевых, креативных, с комплексным и адаптивным мышлением личностях, обладающих нестандартным, творческим умом, решительностью, энергичностью, умением слушать и слышать, способных брать на себя ответственность в сложные периоды времени. Как результат, стали формироваться новые модели и матрицы лидерства, резко уве-

личилось количество социологических исследований. Появились новые подходы, понимающие лидерство как переплетение различных сфер современного знания.

В настоящее время политические и социальные субъекты совершенно по-разному понимают, что такое лидерство. Это и неудивительно, так как о лидерстве написано огромное количество книг и статей, проведено много исследований с самыми разными подходами. Дефиниция «лидер» стала настолько распространенной, что из политологии, социологии и психологии переключалась во многие другие сферы жизнедеятельности человека. Лидерство являлось предметом многочисленных споров и научных дискуссий на протяжении многих тысячелетий начиная с античных времен. Пять тысяч лет назад слова «лидерство, лидер, герой» были начертаны египетскими иероглифами. В Ветхом и Новом Заветах, у греческих и латинских классиков лидерами считались пророки, священники, цари, вожди. Всемирно известные греческие мыслители Платон и Аристотель обосновывали необходимость формирования идеальных лидеров в идеальных государствах [1; 2]. Знаменитые мыслители постоянно искали, создавали теории эффективных лидеров, адекватных тем временам. Итальянский историк, писатель, военный теоретик Никколо Макиавелли предложил модель политика принципиально новой формации, существенно отличающегося от государей того времени: грамотного и образованного, циничного и готового ради достижения цели на все: ложь, шантаж, убийство [3].

Шотландский историк Томас Карлейль построил свою лидерскую модель на примере великих людей, тех, кто являлся вождем, пастырем, учителем и был способен повести за собой других. Он провозгласил «культ героев», чьи биографии составляли историю человечества и которые обладали уникальными личностными качествами: мудростью, отвагой, самобытностью речей и поступков, искренностью и покорностью к стоящим выше них, что позволяет им быть посредниками между человечеством и Божественным миром. Т. Карлейль был убежден, что лидеры – это «великие люди, вожди человечества, воспитатели, образцы и в широком смысле творцы всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории» [4, с. 7].

Немецкий философ Фридрих Ницше объявил волю к власти движущей силой истории и увидел в ней творческий инстинкт, который проявляется прежде всего у выдающихся личностей (лидеров), которые не только стремятся к власти, но, обладая сверхчеловеческими личностными качествами, преодолевают инстинкт толпы. Ф. Ницше попытался доказать необходимость формирования высшего биологического существа с выдающимися личностными качествами, создать принципиально новую модель лидера-сверхчеловека: «Сверхчеловек есть смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: “Да будет сверхчеловек смыслом земли!!”» [5, с. 8]. В работах Ницше можно найти начала одной из наиболее известных концепций лидерства – теории великого человека или выдающейся личности, «сверхчеловека», который обладает набором выдающихся личностных качеств и будет настоящим лидером, независимо от ситуации, в которой находится.

В истории имеется достаточно много конкретных примеров великих политических лидеров, внесших существенный вклад в развитие своих государств. Среди них Джордж Вашингтон и Авраам Линкольн, Франклин Рузвельт и Владимир Ленин, Шарль де Голь и Джон Кеннеди, Ли Куан Ю и Дэн Сяопин, Гельмут Коль и Хафез Асад, Владимир Путин и Александр Лукашенко. Продемонстрировав лучшие личностные качества, эти люди вписали свои имена в историю. Всех их объединяет служение народу в сложных, даже экстремальных условиях. В США при Франклине Рузвельте – это великая депрессия, в Китае при Дэн Сяопине – конец «большого скачка» и «культурной революции», в Сингапуре при Ли Куан Ю – постколониальный синдром. Владимир Ленин открыл дорогу миллионам людей к свободе и справедливости. Гельмут

Коль объединил немцев в единое государство. Александр Лукашенко спас страну от падения в пропасть, добился, чтобы Республика Беларусь стала стабильным и безопасным государством [1; 2].

Известный арабский политик конца прошлого столетия Хафез Асад превратил Сирию из страны, пораженной чумой государственных переворотов, не приносящих результатов, в ближневосточный оазис мира и прогресса, стойкости и развития. Сегодня миллионы сирийцев все еще чувствуют потребность в его отеческой улыбке, мудрых позициях, усилиях для установления мира, пророческих видениях [6].

Различным периодам их лидерства присущи становление и развитие государственности, обретение независимости, развитие государственности, абсолютная поддержка граждан, формирование общенациональных идей, детерминирующих движение государств к прогрессу и процветанию. При этом важна не только сама идея, но и наличие политической воли для ее успешной реализации. С течением времени модели политических лидеров, комплекс их лидерских качеств постоянно менялись. Но тем не менее эти люди до сих пор известны во всем мире [1; 2].

Следует подчеркнуть, что теория великого человека, которая опирается на определенные базовые ценности, нашла понимание и широкое признание в исламском обществе, нашла ту почву, на которой успешно развивается. В исламской политической культуре сформировалась особая модель политического лидерства, где можно наблюдать тесное переплетение религиозного и политического лидерства в конгломерат, а сам политический лидер должен быть, прежде всего, правоверным мусульманином, носителем религиозного авторитета («харизмы»), а также обладать высокими нравственными качествами, полностью соответствующими исламским культурным традициям, быть «справедливым, живым, мужчиной, совершеннолетним» [7, с. 92]. Вера в сакральность всего земного пространства и, соответственно, в необходимость осуществления принципа соборности, т.е. организации светского общества по принципу религиозной общины с иерархией священник – царь – пророк и обязательным посредником между человеком и Аллахом, является неотъемлемой частью существования такого рода обществ [8, с. 33–34].

Безусловно, Великий пророк Мухаммед в определенном смысле был первым великим исламским лидером. Исторически пророк Мухаммед был арабом среди арабов, обычным человеком, который верил, что последнее откровение Аллаха – Коран – было послано ему свыше как правдивому распространителю содержания книги. Он был убежден, что его призвали стать пророком; но тем не менее он был только слугой Аллаха и на протяжении двадцати трех лет своей пророческой деятельности никогда не мнил себя божественным мудрецом, или святым мистиком, или еще кем-то в этом роде. Однако он направлял и вел к успеху целую цивилизацию. В этом решающую роль играли те качества, которыми он обладал: верность, честность, целомудренность, энергичность, способность убеждать и организовать, мудрость и мужество. В настоящее время лидеры некоторых арабских и исламских стран, сознавая то, что пророк Мухаммед был образцом лидера, пытаются подражать ему в развитии необходимых лидерских качеств и быть успешными независимо от форм правления в их государствах. А для многих простых людей пророк Мухаммед был глубоко верующим, милосердным, порядочным, честным и справедливым человеком. Он долгие сотни лет считается совершенным образцом человеческого поведения. И правоверные мусульмане стремятся подражать сунне пророка, т.е. его образу жизни и поведению [9].

В прошлом столетии возникла еще одна концепция лидерства – «теория черт». Представители данного направления считали, что исключительные интеллектуальные качества и характеристики детерминируют выдающееся положение личности и рано или поздно приводят к лидерству. Среди необходимых лидерских черт они выделяли

ум и волю, энергию и организаторские способности, внешнюю привлекательность и ораторские способности и т.д. Представления о лидерстве как результате ситуации начали развиваться еще в Средние века. Фома Аквинский утверждал, что любые исторические события, как и появление царей и героев, находятся в полной зависимости от Божьей воли. Во времена французской Реставрации были популярными представления о том, что появление героя зависит прежде всего от развития исторических событий, а лишь потом от личностных качеств самого героя. В основе ситуативной теории – относительность и множественность лидерства. Для того чтобы стать лидером, не нужно быть «великим человеком», а нужно оказаться в нужное время в нужном месте [1; 2].

Дальнейшее развитие научной мысли привело к возникновению принципиально новых концепций лидерства, в которых основное внимание сместилось в сторону взаимодействия лидера и его последователей. Авторы концепции «определяющей роли последователей», или «теории конституентов», доказывали, что лидер выражает и представляет интересы и ожидания последователей. Они объясняли феномен лидера по аналогии с известной пословицей «свита делает короля» – через его последователей. Данная теория видела специфику лидерства не в личности, а в ожиданиях ведомых, принимающих или отвергающих лидера [1; 2].

Таким образом, можно утверждать, что лидерство – это явление коммуникативное, многоролевое (лидер должен иметь набор определенных личностных качеств, соответствовать ожиданиям различных социальных групп и играть разные роли в разных аудиториях), корпоративное (функционирование лидера поддерживается и во многом осуществляется его командой), институциональное (деятельность лидера невозможна без организационных структур). Т.е. можно сказать, что лидерство – явление коллективное, что очень важно учитывать и в теории, и на практике [1; 2].

Социологические исследования показывают, что современные организации все больше и больше испытывают недостаток в талантливых и хорошо подготовленных управленцах на всех уровнях. Производство, политика и наука нуждаются в постоянном притоке смелых, амбициозных, креативных людей, не боящихся взять на себя ответственность за положение дел, способных заглянуть за горизонт, увидеть то, чего не видят другие. В современном обществе явно не хватает талантливых и творческих личностей, нестандартно мыслящих, обладающих сильной волей и высокой работоспособностью, способных отвечать за принятые решения и конечные результаты деятельности.

Важность и необходимость лидерства как общественного феномена подтвердили социологические исследования, проведенные учеными Института социологии Национальной академии наук Беларуси в конце 2015 г. Как оказалось, респонденты прекрасно понимают, что эффективный лидер способен организовать, мотивировать, мобилизовать людей на решение стоящих перед ними задач. На вопрос «Как Вы считаете, может ли лидер повлиять на успех какого-либо дела, мероприятия?» были даны следующие ответы: «Да» – 51,0%; «Скорее да, чем нет» – 28,6%; «Скорее нет, чем да» – 3,3%; «Нет» – 2,6%; «Затрудняюсь ответить» – 14,3%. Таким образом, 4/5 жителей Беларуси верят в реальные возможности лидеров.

Однако постоянно возникает вопрос, много ли в нашей стране людей с ярко выраженными лидерскими качествами, социальных субъектов, потенциально способных стать лидерами? Оказывается, совсем мало. Вот как ответили на вопрос «Как часто в повседневной жизни Вам встречаются люди с лидерскими качествами?» респонденты: «Часто» – 14,9%; «Редко» – 64,4%; «Никогда» – 5,8%; «Затрудняюсь ответить» – 14,2%. Таким образом, 2/3 населения считает, что у коллег по работе, управленцев различного уровня, футболистов или хоккеистов любимой команды нет лидерских качеств.

Какими личностными качествами должен обладать современный лидер? Чтобы ответить на этот вопрос, Институт социологии НАН Беларуси провел репрезентатив-

ные социологические исследования в Беларуси. Жители Беларуси считают, что лидер должен обладать: «ответственностью перед людьми за взятое на себя дело» – 47,7%; «коммуникабельностью и умением работать в коллективе» – 41,0%; «гибкостью, умением договариваться и достигать компромисса» – 40,9%; «организаторскими способностями» – 38,0%; «личным авторитетом» – 36,4%; «способностью принимать решения и нести за них ответственность» – 36,1%; «образованностью и интеллигентностью» – 34,7%; «профессионализмом и компетентностью» – 30,4%; «способностью вести за собой, пользоваться поддержкой людей» – 25,4%; «твердым характером, силой воли» – 23,1%; «принципиальностью, требовательностью к себе и другим» – 18,3%; «целеустремленностью, готовностью подчинить все достижению цели» – 17,1%; «патриотизмом» – 14,4%; «харизмой» (исключительными качествами и способностями) – 13,6%.

Несмотря на сложную политическую ситуацию, боевые действия и терроризм, социологические интервью были взяты и у преподавателей учебных заведений в Сирийской Арабской Республике. Преподаватели сирийских учебных заведений убеждены, что важнейшими качествами лидера-педагога являются патриотизм и любовь к Родине, смелость и самостоятельность, профессионализм и достижение целей, умение влиять на других и организованность, компетентность и направленность на задачу, открытость и доброжелательность, ответственность и дружелюбие, активность и целеустремленность, практичность и коммуникабельность, решительность и социальная активность.

Как показывают социологические исследования многих зарубежных коллег, в настоящее время вся система лидерства в мире находится в состоянии глубочайшей бифуркации, стоит на пороге системного кризиса, который проявляется в деформациях всех ее подсистем, блоков и уровней. Она переживает несколько локальных кризисов: кризис доверия, кризис идеологической идентичности и, что очень печально, кризис профессионализма. Известный российский писатель Виктор Казинцев в книге «Возвращение масс» делает крайне неприятный вывод: «нынешнее поколение лидеров недееспособно» [10, с. 73]. В этой связи, обсуждая лидерство, и ученые, и далекие от науки люди часто спорят о том, лидерами рождаются или все же ими становятся? Вот как ответили на вопрос «Можно ли формировать некоторые лидерские качества и характеристики?» белорусские респонденты: «Да» – 24,6%; «Скорее да, чем нет» – 37,0%; «Скорее нет, чем да» – 10,6%; «Нет» – 4,7%; «Затрудняюсь ответить» – 22,5%.

Известный венгерский тренер Ласло Полгар убежден, что личностные качества, даже талант формируются при помощи целенаправленных действий, что дети способны показывать необыкновенные результаты, если ими целенаправленно, систематически и интенсивно заниматься. Чтобы это доказать на практике, он всю жизнь посвятил воспитанию своих дочерей. Как результат его дочери стали сильными в мире шахматистками (Сьюзен или Жужа – чемпионка мира и международный гроссмейстер среди мужчин; Юдит – сильнейшая шахматистка, обладающая рейтингом свыше 2700, причем играла она исключительно в мужских турнирах; София – международный мастер по шахматам среди мужчин) [10].

Лидерство является непрерывным социальным процессом, перманентным явлением. Значительной проблемой современных исследований, посвященным лидерству, является то, что оно, как правило, не рассматривается в диалектике, в движении, а выделяются одно или несколько дискретных состояний, событий или явлений, проводится анализ и делаются далеко идущие выводы. Важно найти возможность изучать лидерство как в стабильных, так и быстро меняющихся ситуациях. Только тогда можно понять смысл лидерства как специфической формы перманентных отношений. Это знание может затем использоваться для критического анализа конкретных действий лидеров.

Современное лидерство является мощным фактором развития политических инноваций, новаторских технологий и проектов. Белорусскому и сирийскому обществу необходимы лидеры всех уровней, ориентированные на гуманистические ценности, на достижение высоких целей во всех сферах общественной жизни во имя прогресса и народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котляров, И. В. Лидерство как теоретический конструкт и социальная реальность: экспликация дефиниций, технологии формирования, социологические тренды / И. В. Котляров // Докл. Нац. акад. наук Беларуси. – 2014. – Т. 58, № 3. – С. 119–125.
2. Котляров, И. В. Социология лидерства: теоретические, методологические и аксиологические аспекты / И. В. Котляров. – Минск : Беларус. думка, 2013. – 481 с.
3. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М. : АСТ, 2002. – 704 с.
4. Карлейль, Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Т. Карлейль. – М. : Эксмо, 2011 – 412 с.
5. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого : в 2-х т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 5–237.
6. Хамдан, А. Хафез Асад: социально-политический портрет / А. Хамдан, И. Котляров // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2015. – № 4. – С. 16–23.
7. Хохлышева, О. О. Мусульманское право. Курс лекций и документальные материалы / О. О. Хохлышева. – Н. Новгород, 2006. – 183 с.
8. Воскресенский, А. Д. Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке: общие закономерности и специфика их региональной трансформации / А. Д. Воскресенский // Политические системы и политические культуры стран Востока / под общ. ред. проф. А. Д. Воскресенского. – М. : АСТ ; Восток – Запад, 2007. – 832 с.
9. Гилкрист, Дж. Мухаммад – пророк ислама [Электронный ресурс] / Дж. Гилкрист. – Режим доступа: <http://www.answering-islam.org/russian/authors/gilchrist/muhammad/intro.html>. – Дата доступа: 20.03.2016.
10. Казинцев, А. Возвращение масс. Дневник современника / А. Казинцев. – М. : Наш современник, 2010. – 688 с.
11. Полгар, Л. Методические особенности подготовки и воспитания высококвалифицированных шахматисток в условиях семьи : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л. Полгар. – Минск : Акад. физ. воспитания и спорта Респ. Беларусь. – 1993. – 23 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.06.2016

Kotlyarov I.V., Hamdan Alaa Din. Leadership Phenomenon in Belarusian and Syrian Societies: Sociological Measurement

The main theoretical and methodological aspects of leadership have been worked out, the attitude of people of Belarus to principal political processes and sovereign Belarusian state leaders have been analyzed on the base of results of long standing sociological monitoring.

УДК 317

С.Т. Кавецкий*канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ГЛОБАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АНОМИЧНОСТИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА**

В статье исследуются многогранные проблемы глобализма через призму современных аномалий. Анализируются причины и этапы глобализма. Раскрывается феномен аномии в развитии современного сообщества, проявляющийся в рамках мегааномалий. Рассматриваются взгляды немецких социологов У. Бека и Н. Лумана, английского социолога Э. Гидденса, которые определили современный социум как «общество риска». Констатируется, что «зона риска» сложного социума охватывает все стороны общества и требует от мирового сообщества и национальных государств более обстоятельных действий в ответ на риски и сопутствующие им аномалии.

Выступая на XVIII Всемирном социологическом конгрессе, президент Международной социологической ассоциации (МСА) Маргарет Абрахам заявила: «МСА постоянно ищет ответы на вызовы турбулентного мира. Больше чем когда-либо социологи, обращаясь к непростым глобальным проблемам, должны включаться в международный публичный диалог, чтобы способствовать построению более справедливого мира в XXI в. Как нам кажется, ключевая роль МСА состоит не только в том, чтобы анализировать и объяснять социальный мир человека, но и разрабатывать решения и направления социальных изменений, которые могли бы помочь нам создать более гуманистическое общество» [1, с. 3].

Актуальность исследования глобальных проблем возрастает с увеличением числа угроз и факторов, оказывающих негативное воздействие на современное общество, и требует, на наш взгляд, обстоятельного теоретико-методологического анализа проблемы. Следует отметить, что современная глобализация, начавшаяся в середине XX в. и продолжающаяся в XXI в., имеет свои экономические, исторические, политические и социокультурные предпосылки.

Первым этапом, подготовившим процесс современной глобализации, явилась эпоха Возрождения. Начиная с середины XIV века, происходит процесс изменений социально-экономической жизни в Западной Европе, связанный с формированием капиталистического уклада и как следствие – формированием общеевропейского рынка, развитие гуманитарного потенциала, становлением национальных культур. Второй этап связан со вступлением развитых капиталистических стран в эпоху империализма на рубеже XIX–XX вв. Он характеризуется интернационализацией капиталов, разделом колониального мира, милитаризацией, что привело к двум мировым войнам.

На рубеже XX–XXI вв. сложился глобализационный ряд взаимосвязанных процессов, объединяющих индивидов, группы, сообщества, государства, корпорации, национальные правительства и неправительственные организации в сложные сплетения социальных отношений, и стала разрастаться сеть всемирной взаимозависимости.

Особая роль в глобализации современного мира принадлежит транснациональным корпорациям (ТНК). В течение последних десятилетий она особенно видна при анализе деятельности транснациональных корпораций (ТНК). В течение последних десятилетий она становится все более глобальной: в 1950 г. из 315 крупнейших компаний мира дочерние предприятия имели только три, а в настоящее время они контролируют 30% общемирового промышленного и сельскохозяйственного производства.

Вторым проводником глобализации являются международные банки, страховые компании и другие финансовые организации, способны оказывать давление на национальные государства.

Третьим аспектом глобализации являются торговые сети.

Четвертым фактором является компьютерное поле, в первую очередь Интернет, напичканное новыми технологиями и, соответственно, подконтрольными информационными потоками.

Пятым ускорителем глобального развития являются социокультурные изменения.

Шестой аспект глобализма геополитический, выразившийся в превращении в 90-е гг. XX в. биполярного мира в однополярный.

Седьмой фактор – это зависимость бедного Юга от богатого Севера. Из почти семи миллиардов населения земного шара лишь один «золотой», т.е. преуспевающий.

Восьмой фактор – феномен аномии в развитии современного сообщества, проявляющийся в рамках мегааномалий.

Девятый аспект – это сотрясающие наш мир кризисы, угрозы и катастрофы – от локальных до вселенских.

Последнему фактору, по-нашему мнению, следует уделить особое внимание с учетом его заметного влияния на возрастающую глобальную нестабильность. Важное значение имеет типологизация катастроф. Так, например, Е.М. Бабосов, исходя из причинной вовлеченности общественных отношений и взаимодействий, выделяет пять типов катастроф:

- 1) природные (землетрясения, извержения вулканов, засухи);
- 2) экологические (гибель определенных видов экосистем);
- 3) технологические (аварии самолетов, поездов, космических кораблей, взрывы нефтепроводов);
- 4) социальные (войны, революции, контрреволюции, распад государств);
- 5) личностные (смерть близких людей, убийства, мировоззренческий крах).

По масштабам действия катастрофы можно классифицировать как локальные, региональные, страновые и глобальные.

По характеру развертывания катастрофические процессы подразделяются на:

- 1) эволюционные, детерминированные спецификой динамики того или иного объекта (крах бывших социалистических режимов в странах Восточной Европы);
- 2) функциональные, возникающие в тех случаях, когда социальная система утрачивает деятельную соразмерность с кризисно изменяющимися внутренними и внешними условиями своего существования, что приводит к ее разложению и цивилизованному самоубийству (это и произошло с Римской империей и Советским Союзом) [2, с. 22].

Территория Беларуси, ее население в XX в. испытали большинство катаклизмов, представленных в вышеупомянутой типологизации. Особенно острыми были социальные катастрофы: I мировая война (1914–1918 гг.), революции (1905–1907 гг., 1917 г.), Гражданская война (1918–1921 гг.), раздел страны в 1921 г. по Рижскому договору, сталинские репрессии (1930–50-е гг.), Великая Отечественная война (1941–1945 гг.), развал Советского Союза в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., дополненный глобальной техногенной катастрофой в Чернобыле 1986 г.

Авария на Чернобыльской атомной электростанции для Беларуси «...обернулась подлинно национальным бедствием. Радиоактивное загрязнение охватило 23% территории республики, под мрачной тенью которого оказалось 2,1 млн человек (около 20% населения), в том числе 800 тысяч детей. А экономический ущерб, нанесенный катастрофой, превысил 32 республиканских годовых бюджета 1985 года. За время, прошедшее после взрыва ядерного реактора, из радиационно-загрязненных районов переселено более 132 тыс. человек, что потребовало огромных материальных затрат, превысив-

ших 5 млрд долларов США. Главное же в том, что заболеваемость злокачественными образованиями (раком) возросла на 32%, в 3,1 раза увеличилось число инфарктов миокарда, в 3 раза – различных аномий, почти в 5 раз – болезней щитовидной железы у малышей. Катастрофа в Чернобыле по своему содержанию явилась комплексной радио-экологической, а по масштабам воздействия на окружающую среду – глобальной» [2, с. 23].

Глобальные социальные последствия для населения постсоветских государств, а также для ставшего однополярным современного мира, имел распад Советского Союза. Среди причин распада СССР можно назвать следующие объективные причины:

- 1) экономические;
- 2) последствия войн и революций, гонка вооружения;
- 3) неполитические, в первую очередь внутреннего характера;
- 4) конфессиональные;
- 5) языковые проблемы;
- 6) территориальные претензии;
- 7) геополитические.

Немаловажную роль сыграли также субъективные факторы:

- 1) национальные проблемы;
- 2) последствия культа личности И. Сталина;
- 3) бытового уровень национализма;
- 4) духовные предпосылки.

Анализируя последний период духовной сферы советского общества, необходимо подчеркнуть, что жизнь расслоилась на две внутренние, не связанные друг с другом части: официальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. Итогом такого расслоения стала крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных законов и правил.

Обеспокоенность мирового сообщества нарастающими угрозами не могла остаться незамеченной со стороны гуманитарных наук. Как справедливо отмечает известный белорусский социолог Л.Г. Титаренко: «С 1970-х гг. мировая общественность осознала и стала широко обсуждать глобальные риски и вызовы современной эпохи» [3, с. 62]. Немецкие социологи У. Бек и Н. Луман, английский социолог Э. Гидденс и др. определили современный социум как «общество риска». «Благодаря работе “Общество риска. На пути к другому модерну”, увидевшей свет в 1986 г., У. Бек сразу получил широкую известность. Эта книга привлекла огромное внимание еще и потому, что вышла в год аварии на ЧАЭС и тем самым практически подтвердила тенденции развития общества риска» [3, с. 63]. У. Бек считает, «что мы являемся свидетелем – субъектом и объектом – разлома внутри модерна, отделяющегося от контуров классового индустриального общества и обретающего новые очертания – очертания (индустриального) “общества риска”» [4, с. 2]. В условиях начавшегося в начале XXI в. кризиса и начинающегося застоя можно выделить новые тенденции в развитии общества, которые касаются всех социальных страт:

1. Современное общество стало «обществом риска», потому что новые риски, продуцируемые современным производством, затмили все прежние социальные и классовые конфликты и потеряли значение, так как новые конфликты касаются всех, невзирая на социальные различия; защиту от них можно искать только на надклассовом, наднациональном уровне. Новые риски уравнивали классы и сословия.

2. Резкий рост индивидуализма привел к тому, что прежние субкультуры потеряли свое значение: теперь каждый отдельный человек является приверженцем своего собственного набора культурных норм и ценностей, что свидетельствует о неадекватности деления культуры по классам, сословиям, социальным группам.

3. Современное общество является рефлексивным: происходящая рефлексивная модернизация радикально изменила взаимоотношения политики и науки. Живя в «кризисном обществе», люди могут осознать новые риски только с помощью научной экспертизы, научных расчетов, так как эти риски часто невидимы, неосязаемы (например, радиация), поэтому надо либо самим повышать свой научный уровень, либо доверять ученым [3, с. 63–64].

Бек констатирует: «Наша эпоха – конец противопоставления общества и природы. Нет природы вне общества, как и нет общества вне природы. В конце двадцатого века природа есть общество, а оно – также природа» [4, с. 131].

Решая глобальные экологические проблемы, необходимо помнить, что в большинстве своем они созданы человеком, а точнее людьми, принимающими решения. Отсюда вытекают некоторые выводы:

1. Народы должны заставить политиков и промышленников принимать экологически взвешенные решения, требовать предъявлять обществу результаты принятия таких решений.

2. Снижаются общемировые темпы роста населения, а рост населения в ряде регионов мира прекратился вообще.

3. Снижаются темпы загрязнения мирового океана.

4. Растет число и площадь охраняемых территорий (достигая 5% в ряде стран). Люди научились спасать от вымирания некоторые виды крупных животных: популяция сайгаков с нескольких тысяч выросла в десятки раз; в заповедниках и национальных парках ряда стран содержится больше диких кошачьих, чем их осталось в природе (в Республике Беларусь спасены от вымирания зубры: всего в мире их было около 30, сейчас примерно 2 000).

5. Во всем мире нарастает вал «зеленого движения». Человек может сохранить природу, для этого нужны средства и желание. При желании найдутся и нужные средства и за счет сокращения военных расходов, и при оптимизации затрат на ведение мирового хозяйства.

Российский ученый И.В. Петрянов-Соколов, характеризуя глобальные экологические проблемы констатировал: «Самое страшное – это загрязнение мозгов» [Цит по: 5, с. 109]. Т.е., с одной стороны, в организме современного человека содержится свинца в разы больше, чем у человека, жившего сотни лет назад: природа защищается и «отупляет» индивида. С другой стороны, планетарные информационные войны, развернувшиеся в современном социуме, создают «зоны риска». У. Бек отмечает: «Сам по себе риск не означает катастрофы. Риск – это ожидание катастрофы. Риски – это проецирование катастрофы будущего в настоящее, когда подлинный характер будущих катастроф в принципе неизвестен» [Цит по: 3, с. 68]. Это позволяет средствам массовой информации с помощью манипуляций воздействовать на обыденное сознание людей и создавать риски в глобальном масштабе. Поэтому важно контролировать информационные потоки, провоцирующие панику, страхи, экстремизм и т.д., и тем самым не культивировать аномалии на региональном, национальном и планетарном уровнях.

Не весь научный мир определился с тем, что наш сложный социум сможет предсказывать риски в будущем. Однако в конце XX и начале XXI в. аварии в Чернобыле и Фукусиме, международный терроризм, военные акции в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии, миграционные волны, братоубийственный конфликт на юге Украины – все это подтверждает «рискогенность» современной цивилизации.

В новейшее время происходит процесс усложнения аномии, о чем свидетельствуют материалы XVII Всемирного социологического конгресса. Пакистанский социолог Р. Аслам трактует аномию в своей стране в контексте «социального, культурного, политического и экономического беспорядка», вызванного как глобальным фактором

(война с террором), так и локальными – «структурными изменениями в обществе», обусловленными «разрывом между традиционной автономией военных и утвердившимися, но вызывающими раздражение избранными лидерами».

Шведские социологи Э. Ингдал и И. Карлехеден анализируют аномиию во взаимосвязи с «современными формами самоотчуждения». Д. Говард-Вагнер из Австралии проявление аномии в своей демократической стране видит прежде всего в социальной эксклюзии «другого», в частности, нелегальных мигрантов, которые находятся «вне права иметь права». По мнению португальского социолога М. Мурао, социальный конструкт сформирован образами употребления наркотиков [Цит. по: 6, с. 5].

Таким образом, глобальная нестабильность в развитии современного социума проявляется в разноплановых аномалиях в развитии современного социума. «Зона риска» сложного социума охватывает все стороны общества и требует от мирового сообщества и национальных правительств более обстоятельных действий в ответ на риски и сопутствующие им аномалии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрахам, М. Наша задача усилить роль социологии в формировании справедливого общества / М. Абрахам // Социс. – 2015. – № 7. – С. 3–5.
2. Бабосов, Е. М. Социология катастроф / Е. М. Бабосов // Социс. – 1998. – № 4 – С. 19–25.
3. Титаренко, Л. Г. Современная западная социология: реконструкция парадигм : пособие / Л. Г. Титаренко. – Минск : БГУ, 2015. – 215 с.
4. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 384.
5. Кавецкий, С. Т. Аномия: истоки и современность:/ С. Т. Кавецкий; – Брест : Изд-во БрГУ им. А. С. Пушкина, 2010. – 200 с.
6. Кравченко, С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции / С. А. Кравченко // Социс. – 2014. – № 4. – С. 3–10.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2016

Kavetski S.T. Global Instability as a Manifestation of Anomy in Today's Global Development

The article discusses the multi-sided issues of globalism against the background of current anomalies. Reasons and stages of globalism are analyzed. The anomy phenomenon is described as regards the development of today's community demonstrating itself as part of mega-anomalies. Opinions of German sociologists U. Beck and N. Luhmann are studied, as well as views of British sociologist E. Giddens and others, who defined the current socium as the «risk society». The article states that the «risk zone» of a complex socium covers all the areas of the society and requires the global communities and national governments to address the risks and the related anomalies in a more careful manner.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Інструкцыі па афармленні дысертацыі, аўтарэферата і публікацыі па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Прэзідыума Дзяржаўнага вышэйшага атэстацыйнага камітэта Рэспублікі Беларусь ад 24.12.1997 № 178 (у рэдакцыі пастановы Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, ад 15.08.2007 № 4). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па левым краі);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па левым краі);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку, калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасьцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А.В. Дзябёлая, С.Ф. Бут-Гусаім, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 29.11.2016. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 18,37. Ул.-выд. арк. 14,41.

Тыраж 100 экз. Заказ № 507.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.
224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.